

2

2008

РОСССНЯ XXI

2.2008 март-апрель

Общественно - политический

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

Медведев и развитие _____ **4**

Геоглобалистика

Виктор Мальков

Эволюция имперского мышления
и ядерной политики США _____ **42**

Леонид Фридман

Центральная Азия и Кавказ в мировом
экономическом пространстве _____ **74**

Пути духовных исканий

Ж.-К. Шмитт

Вера в Средние века _____ **106**

Страницы истории

Нина Шевякина

Блокада. Воспоминания _____ 126

Актуальный архив

Алексей Филитов

Каким путем пойдет Германия?
Советские планы по германскому
вопросу в 1953 году _____ 158

Редакционная почта

Владимир Дегоев

Ученый и бунтарь из Беркли __ 178

Contents in English look at the page 192

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, руководитель Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., доктор исторических наук, чрезвычайный и полномочный посол в отставке, руководитель Центра Европа–США, институт Европы РАН, профессор РГГУ и МГИМО;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России МГОУ, руководитель Центра по разработке и реализации программ документальных публикаций федеральных госархивов РГАСПИ, лауреат Государственной премии РФ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ;

Либих Андре, профессор истории, школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель научного Центра историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой Международных отношений, связей с общественностью и журналистики Пятигорского Государственного Лингвистического Университета;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор, главный специалист РГАСПИ;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор, руководитель Лаборатории по комплексному изучению Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Куриленкова А.А.;
Петрова И.Н.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, социологии, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России. Редколлегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации. Рукописи рецензируются Экспертным советом. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

Объем статьи, включая справочный аппарат, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

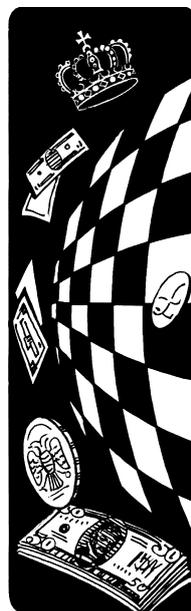
Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителях.

Эволюционное движение было бы чем-то простым, и мы легко могли бы определить его направление, если бы жизнь описывала одну-единственную траекторию, подобно ядру, пущенному из пушки. Но мы имеем здесь дело с гранатой, внезапно разорвавшейся на части; части эти, сами представлявшие собой нечто вроде гранат, разорвались на новые части, которые вновь должны были раскалываться, и так далее в течение очень долгого времени. Мы воспринимаем только то, что ближе всего к нам, – рассеянные движения распыленных осколков. Отправляясь от них, мы и должны будем постепенно подняться к начальному движению.

Анри Бергсон

**Два, и только два
направления –
одно вверх,
другое вниз,
и невозможно,
зацепившись,
остаться на полпути.**

Пьер Тейяр де Шарден

Сергей Кургинян

МЕДВЕДЕВ И РАЗВИТИЕ

**ПЕРВЫЙ –
СОБСТВЕННО ПОЛИТИЧЕСКИЙ –
УРОВЕНЬ ИССЛЕДУЕМОЙ ПРОБЛЕМЫ**

The author expresses his positive attitude to Medvedev's professions of striving for stable development of Russia. At the same time the author emphasizes that 'sustainable development' concept authored by Albert Gore is a myth. It is impossible to mobilize a system for purposes of boosted development without ingredients of correct, flexible authoritarianism. Interests of individual careers, clannish interests, and ideological differences are to be sacrificed to development. People alien to each other in every respect may come together in 'the territory of development' provided they are ready to put development above everything else. The author examines 'The conception of long-term social and economic development of the Russian Federation up to 2020' elaborated by the RF Ministry for economic development and trade and demonstrates the conception is devoid of analysis of several important aspects: implementation of the previous Conception of development up to 2010, the current condition of Russia. Besides that, the new Conception lacks of a serious discussion on possible strategies of Russia's development. The aim of the Conception is declarative and vague, ways are not indicated. Nowadays the authorities' principal task is not substitute political intrigues for development. The contemporary humankind has one topical mega-project of development and this mega-project is called 'modern' which has nothing common with blind replication of Western models of development (Westernization). The prerequisite of 'modern' is the national state which is absolutely necessary for implementation of this mega-project.

**I.
Что за странный
«информвихрь»?**

Выдвижение Д.Медведева состоялось 10 декабря 2007 года.

13 декабря 2007 года в газете «Коммерсант» была опубликована первая знаковая статья. Статья на-

зывалась «Россия и мир будут потрясены убийством Владимира Путина». Автор – собственный корреспондент газеты «Коммерсант» в Вашингтоне Дмитрий Сидоров.

В статье Сидорова рассказывалось о докладе группы высокостатусных американских кремленологов. В группу (по словам Сидорова) входили директор российской и евроазиатской программ Центра стратегических исследований Эндрю Качинс (в прошлом руководитель московского отделения Фонда Карнеги), бывший директор по России Совета по национальной безопасности Томас Грэм (занимавший в недавнем прошлом еще и высокие посты в администрации Буша-младшего), профессор международных отношений Университета Джорджа Вашингтона Генри Хейл, старший эксперт Института мировой экономики Питерсона Андерс Аслунд и другие.

Доклад американских кремленологов был представлен Центром стратегических исследований. Тем самым центром, чьими российскими и евразийскими программами ведает один из авторов доклада Эндрю Качинс.

В статье Сидорова все внимание было сосредоточено на фрагменте доклада, который принадлежал перу Качинса. В этом фрагменте описывалось предстоящее убийство Владимира Путина. Причем в достаточно атипичном для политологии жанре. Процитируем вслед за Сидоровым:

«Россия и мир будут потрясены убийством Владимира Путина на выходе из Храма Христа Спасителя после полуночной мессы 7 января 2008 года».

Мои сограждане, начитавшиеся разных залихватских отечественных материалов, спросят: «Ну, и что?»

А то, что политология в США не имеет ничего общего с нынешней российской политологией. В США господствует достаточно жесткая жанровая регламентация. Именно жанровая! Политолог может рассматривать сценарии самого разного рода. В том числе и такие, в которых находится место теракту против главы государства. Но жанровая регламентация не позволяет автору ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО прогноза говорить: «Будет убит там-то тогда-то». Это может делать специалист другого профиля, имеющий оперативную информацию, или автор детектива.

Господин Качинс писал не детектив, а фрагмент политологического доклада. Ну, и?..

В любом случае, уже через три дня после выдвижения (всего лишь выдвижения!) Д.Медведева на роль главного кандидата в президенты от правящей элиты (и партии) первый раз возникла, и вполне нешуточным образом, тема убийства... Да, не Медведева, а Путина... Суть от этого не меняется. Выдвижение Медведева – и сразу тема политического убийства.

А дальше – тема стала тиражироваться. То Медведева могут убить в Белграде. То его должны убить «кадыровцы»... Ах, нет, не «кадыровцы», а «удуговцы»... Обвиняемые в подготовке силы отреклись и говорили: «Да, убьют! Но не мы, а наши конкуренты!» Вспоминается, как покойный О.Квантришвили звонил журналистке Л.Кислинской и говорил: «Я чувствую, что с вами произойдет несчастье, но я в этом буду не виноват, о чем уже сообщил на имя прокурора Краснопресненского района».

Российским высшим должностным лицам сулят несчастья. Значит ли это, что будут несчастья? Отнюдь. Надо ли обращать на это внимание? Вроде бы и не надо... Но...

Но все видели выход В.Путина и Д.Медведева к зрителям рок-концерта на Красной площади в день выборов. И все слышали, что после обращения к публике Д.Медведева В.Путин спросил собравшихся, дают ли они ему минуту. И сказал: «Выборы президента Российской Федерации СОСТОЯЛИСЬ».

Для меня подтекст этой фразы был однозначен: выборы могли не состояться, но состоялись. Ошибочна ли моя трактовка?

12 марта 2008 года директор ФСБ Н.Патрушев на заседании Национального Антитеррористического комитета (НАК) заявил о том, что российским спецслужбам удалось, благодаря полученной информации, предотвратить несколько терактов во время президентских выборов 2 марта («эти террористическо-диверсионные акты планировались бандитами для дестабилизации ситуации в стране»).

14 марта на Ленте.ру выходит сообщение со ссылкой на газету «Твой день» о конкретно предотвращенном покушении на высших должностных лиц 2 марта 2008 года. Назван снайпер. Приведена карта, выделен сектор обстрела. Газета «Твой день» – вполне желтая и может написать что угодно. Но Лента.ру не будет воспроизводить все, что угодно. А значит?..

А значит, смена лидерства в России происходит в тревожной обстановке. Можно сказать – беспрецедентно тревожной. И это надо зафик-

сировать в качестве исходного пункта нашего анализа. Тревожность эта – не пиар. Все происходит уже после выборов. И не нужен тревожный пиар! Кроме того, в пиаре не участвуют лица ранга Патрушева или Путина.

То есть нет спокойствия. Его на самом деле нет. Говорится о том, что оно желательно в течение двадцати лет. А нет и трех месяцев этого самого спокойствия. Что же есть? Есть некие смутные толчки – предвестники потрясений, которых, в соответствии с декларациями, не должно быть.

**II.
Развитие и стабильность**

В патриотических кругах всегда с восторгом цитировали фразу Столыпина: «Вам нужны великие потрясения – нам нужна великая Россия». Иногда ее воспроизводят

«Нам не нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». Первый вариант наиболее достоверен. Но по сути варианты тождественны. В любом случае, говорится о том, что есть добро – великая Россия – и есть зло – великие потрясения. Злым силам нужны великие потрясения. Силам добра нужно отсутствие этих великих потрясений. И именно это отсутствие синонимично великой России.

Я не буду говорить о том, что самую великую Россию (по несомненному факту геополитического величия) создали в итоге великие потрясения. Это, в конце концов, для кого-то так, а для кого-то совсем не так.

Намного более существенно то, что великие потрясения могут возникать не только потому, что они нужны какому-то «вам». Они могут возникать объективно. Никому они не нужны, а история накапливает взрывчатку противоречий. И они могут возникать в силу противоречивого поведения этого самого «нам». А также в силу слабости «нам», его неспособности снять внутренний раскол, приводящий к этой слабости, мобилизовать народ, встать на уровень новых исторических требований, отвечать масштабу большой игры и так далее.

Все эти слабости «нам» были налицо. Как налицо был и объективный характер накапливающихся противоречий, не учитываемых элитой. А также ее несоответствие Большой Игре. Элита была расколота. Материалов (даже открытых, а есть и другие) о том, кто в пределах этой самой элиты организовал убийство Столыпина, слишком много. И вряд ли кто-то из серьезных людей сегодня решится утверждать, что данное убийство – дело рук маргиналов (Богрова и его непосредственных руководителей).

В любом случае, пока Столыпин говорил, что «нам нужна великая Россия», какое-то «нам-1» говорило: «Нам не нужен Столыпин». И это «нам-1» оказалось сильнее столыпинского. Кто-то считает, что в «нам-1» входили сам государь император и члены его семьи. Вопрос спорный. Но то, что сотворил сие высший круг российской имперской элиты, очевидно.

Итак, есть много вопросов уже к слову «нам».

Но еще больше вопросов к слову «нужны».

Повторяю, в истории есть взрывчатка противоречий, приводящая к потрясениям. «Нам», конечно, они не нужны. Но это «нам» – не инопланетяне-прогрессоры из фантастических романов и не высшие надчеловеческие инстанции.

Все, что может «нам», это оценить масштаб противоречий и скорость их накопления. Увидеть ту «риск» (красную черту), за которой произойдет взрыв этих самых накопленных противоречий.

Оценив скорость накопления противоречий, их уровень в настоящий момент и тот критический уровень, за которым будет взрыв, надо решить простейшую арифметическую (и сложнейшую историческую) задачу.

Предположим, что противоречия-2008 находятся на уровне 65% от критических. Предположим, что накопление противоречий идет со скоростью 5% в год. Тогда «нам» до взрыва осталось семь лет. И за эти семь лет «нам» надо сделать то-то и то-то. Обеспечить прочность системы, провести опережающие антикризисные мероприятия – словом, **ПРЕДУГОТОВИТЬСЯ**.

Если элита, лица, отвечающие за государство, успевают предуготовиться, они спасают страну.

Скажи национальный лидер тогдашней Российской империи (лучше бы император, ну, ладно... пусть даже Столыпин): «У нас сейчас 1907 год. До мировой войны осталось семь лет. Нам надо **ПРЕДУГОТОВИТЬСЯ**. Меры таковы»... Какова была бы цена подобной смены семантики, ее разворот от «нужны – не нужны» к «надо предуготовиться»? Я думаю, что ценой было бы спасение империи. Вы не согласны?

Мне могут возразить, что в истории никогда никто так семантику не трансформировал. Как никто? А Сталин? «Мы отстали от передовых стран на пятьдесят–сто лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут. Максимум в десять лет мы должны пробежать то расстояние, на которое мы отстали от передовых стран капитализма». Сказано это было 4 февраля 1931 года на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической

промышленности. До начала Великой Отечественной войны оставалось ДЕСЯТЬ ЛЕТ. Ровно столько, сколько было названо.

И сказано было по сути только одно: ПРЕДУГОТОВЬТЕСЬ.

Но во что была отлита эта фраза! В какую систему действий! В какую идеологическую и культурную всепроникающую работу, призванную трансформировать сразу и менталитет, и реальность! Это был не пиар. Это была мощнейшая система мобилизационных действий, направленная на преобразование сразу и бытия, и сознания. ДнепроГЭС и Магнитка... «Если завтра война, если завтра в поход»... и «Александр Невский» Эйзенштейна... Речь шла о сотнях тысяч элементов, трансформирующих изнутри сразу все. Это и есть Проект. И этим Проект отличается от прагматически-назывных действий. Этим же Идеология (и ее основа – мобилизационный миф) отличается от пиара (основанного на брендах).

III. О брендах

Пренебрежительное отношение к брендам несовместимо с актуальной политологией.

Во-первых, потому, что слишком многое является именно брендами.

Откинешь это многое – вообще ничего не поймешь.

Во-вторых, потому, что какие-то компоненты бренда все же перетекают в реальность.

Бренд державности и стабильности (порядок, вертикаль власти) что-то как-то уgomонил в нашей крайне неблагополучной реальности. Мы хотя бы «огрызнулись» в Чечне и смыли позорное клеймо хасавюртовского предательства.

Так что давайте не будем пренебрегать брендами. Но и отождествлять их с идеологией давайте тоже не будем. Бренды – они и есть бренды. Не больше, но и не меньше.

Рассматривая бренды как систему (а они всегда складывают систему), мы должны не просто подчеркивать отдельные слова и говорить: «Вот один бренд. Вот другой, третий». Система брендов – это не набор брендов, а принцип организации. Чтобы раскрыть принцип, надо дополнительно к понятному слову «бренд» ввести еще два менее понятных слова: «генерализованный бренд» и «супербренд».

Генерализованный бренд – это тот бренд, вокруг которого организуется политическая речь. То есть это главный бренд, доминирующий над другими. Он так же заявлен, как и другие. Так же внятен или даже более внятен. Он просто главнее других.

Супербренд – это нечто большее. Он может быть не задан явно в политической речи. Но может неявным образом управлять и этой речью, и подходом, порождающим речь, и связью между речью и поведением, и политическим мироощущением.

Бренды предыдущего периода (2000–2008) – общеизвестны. Стабильность, державность, предсказуемость, вертикаль власти.

Генерализованный бренд – это все же «стабильность».

А вот супербренд...

Чтобы выявить супербренд, нужны специальные исследования. Супербренд может и не являться стержнем деклараций или даже ядром политической лингвистики. Кроме того, при такой социальной (да и не только) дифференциации нет единого супербренда для всего общества. Есть супербренд элиты... Супербренд неэлитных слоев нашего общества...

По нашим оценкам, элитным супербрендом периода с 2000 по 2008 год («Э–00/08») является связка поименований «Брежнев» и «застой».

Я никоим образом не хочу этим сказать, что Путин – это «Брежнев» новой эпохи. Путин – во многом антипод Брежнева (молодость, здоровье, решительность). У него другой (по сути альтернативный) политический стиль. Наконец, Путин аккуратно использует даже адресацию к совсем иному прецеденту (в том числе и говоря о том, что надо развиваться «или нас сомнут»).

Но Путин не захотел мобилизационно «раскурочить» унаследованную реальность. Не захотел – и все. Он отнесся к этому наследству как к чему-то, что надо упорядочить. И упорядочил, причем достаточно жестко.

Возникла сумма двух слагаемых. Одно – Путин как тот, кто упорядочивает. Другое – реальность, откликающаяся на это упорядочивание.

Реальность откликнулась на упорядочивание с провокативной податливостью... В любом случае, сумма двух слагаемых даже в арифметике не равна одному слагаемому. А уж в политике тем более.

Процесс упорядочивания и встречная реакция упорядочиваемого породили нечто. Внутри этого «нечто» и возник «Э–00/08» в качестве неявного супербренда.

Присмотримся к тому, что свидетельствует в пользу такой гипотезы. Например, к риторике правящей партии – «Единой России».

Одним из наиболее внятных, заметных и молодых функционеров этой партии является господин Мединский. Подчеркну во избежание недоразумений, что, по моей оценке, господин Мединский ДАЛЕКО НЕ ХУДШИЙ представитель данной партии и ее высшего эшелона. Он

хороший полемист. У него есть позиция и есть желание ее высказать. Но позиция как раз и состоит в том, что Брежнев и застой – это совсем неплохо. А может быть, и не просто неплохо, а хорошо. А может быть, и не просто хорошо, а... Ну, скажем так, идеально в рамках возможного. Господин Мединский много раз высказывал такую позицию по телевидению.

Но поскольку большинство фигур масштаба, равного Мединскому (или большего), позицию вообще не высказывает с надлежащей глубинной разверткой, то по прямым высказываниям ничего доказать нельзя. Скажут, что это мнение Мединского – и только.

Но я могу приложить к этому мнению многое другое. Например, мониторинг государственного телевидения. В массе передач осуществляется глубокая ревизия образа Брежнева, содержания так называемого «брежневизма». Я же не говорю, что это все директивно управляется из Кремля... Я не столь наивен... Кроме того, если бы это управлялось из Кремля, было бы неинтересно. То-то и интересно, что это делает элита, а не истеблишмент. Масс-медийная элита, и не только она.

К этому могу добавить еще способ оперирования историческими прецедентами. Госпожа Слиска, например, никогда ничего не говорила о том, что Брежнев – ее любимый герой. Для нее это недопустимо эксцентрическое высказывание. Но она предлагала бороться с нынешней организованной преступностью (да и нынешней криминальностью в целом) с помощью воскрешенных народных дружин. То, что эти дружины не могут, оказавшись погруженными в нынешний контекст, не стать перифериями банд, она не учитывает. При этом ее высказывание – это и не проект, и не пиар. Это мироощущение. Невнятное предьявление чего-то типа долженствования. Надо бы, чтобы было так...

Опять же, речь идет не о том, чтобы бросить камень в чей-то конкретный огород. Почему бы Слиске не предьявлять такое «надо бы»? В любом случае, оно на порядок лучше того, что предьявляет Ксения Собчак. У которой совсем другое «надо бы».

Но даже антагонизм этих «надо бы» не подрывает единства супербренда. Константин Устинович Черненко и специфический журналист Виктор Луи, являвшийся посредником в международных (американо-советских и иных) элитных коммуникациях брежневской эпохи, могли быть полными антиподами по части «надо бы». Но супербренд был единым. Эксцентрика Виктора Луи (в том числе и в виде автомобиля марки «Порш») допускалась супербрендом эпохи, предполагавшим как субкладность и субкультурность, так и сцементированность всего этого многообразия какими-то правилами общей социальной игры.

Внятные формулировки Мединского... Менее внятные адресации Слиски... Что еще привести в доказательство? Нарастающую «канцелярность» речи? Генерализованный интонационный стандарт?

В конце концов, все, наверное, понимают, что я говорю не о буквальном копировании той эпохи – оно невозможно. Я о чем-то, что разлито в воздухе этой эпохи. И не только в воздухе, которым дышат обитатели элитных особняков ценой в десятки миллионов долларов. Тем же воздухом дышат обитатели гораздо более скромных коттеджей. И даже сайдингowych строений с аккуратными подстриженными газончиками и умильными гномиками посреди оных.

На расширенном Госсовете Владимир Путин говорил о развитии, а элита слушала. Она не фыркала, упаси бог. Она умилялась, восторгалась. Но содержание было ей абсолютно чуждо. Не говорю об отдельных людях – говорю о социальном целом. Целое ведет себя совсем не так, как отдельные люди. Целое вело себя совершенно так же, как на XXV Съезде КПСС.

И что дальше? Можно ли противопоставить элитному бренду народный? И сказать, что «Н-00/08» – это «Сталин»?

И да, и нет. В народных массах рейтинг Сталина кроет все остальные рейтинги. И это не случайно. Но функционирование супербренда «Сталин» в неэлитных слоях общества весьма специфично. Нынешний способ функционирования этого супербренда мечтательно опаслив. Мол, хорошо бы... Эх бы... Но... Словом, нужно, чтобы «этот Сталин заявился во все дома, кроме моего собственного».

Никакого отторжения Сталин не вызывает. Вызывал, но не вызывает. Восхвалять его, адресоваться к его опыту... Все это не только допустимо, а стало хорошим тоном... Лезть же снова в холодную воду реального сталинизма... Нет уж, лучше теплая субстанция статус-кво.

Пока надо всем доминирует желание сохранить статус-кво. Или, еще точнее, не оказаться еще раз в водовороте перемен.

Присказка брежневской эпохи – «только б не было войны». Присказка нынешней – «только б не было реформ». Присказки разные, но сходство есть. Рев площадей конца 80-х годов: «Мы ждем перемен!» – заменен на сдержанное всеобщее рычание: «Никаких перемен! Никаких вообще! Ни на йоту!» Зюганов и Жириновский – это тоже перемены. Хотя...

Представьте себе кандидата по фамилии «Зюриновский». По официальным цифрам, он набрал бы примерно 30%. Оторвать от «партии власти» наиболее патриотическое крыло он бы мог. А это еще 15–20%.

Кроме того, никто не знает, кого бы он мобилизовал из «непришедших».

Мне скажут, что такого кандидата нет. Я отвечу фразой эпохи Кромвеля: «Такие люди как молния – о них узнаешь, когда они поражают». Так хотят люди перемен или не хотят? А вам никогда не случилось чего-то не хотеть (причем очень страстно) и одновременно...

Словом, все, что ниже «элиты» (и очень условного среднего класса), находится в крайне неустойчивом состоянии. Поэтому я предлагаю все же для начала сосредоточиться на этом самом «Э-00/08».

**IV.
Бренды и суть процесса**

Есть супербренд. И есть генерализованный бренд.

Генерализованный бренд – новый. И он очевиден: развитие. Прежний генерализованный бренд – ста-

бильность. Новый – развитие.

Прежний маркируется личностью Путина. Новый – личностью Медведева.

Ничего плохого нет в этом самом новом генерализованном бренде. Нам действительно позарез нужно развитие. Хотелось бы не бренда, а чего-то большего. Но, во-первых, есть то, что есть. Во-вторых, бренд, как я уже говорил, – это совсем не мало. Хоть что-то из него перетечет в реальность. А в-третьих... В-третьих, надо попытаться ухватить суть текущего процесса. Размышления же о должном адресуют к другому жанру.

Суть же весьма масштабна. И то, что мы доберемся до нее через бренды, никак не девальвирует результат.

Масштабная суть собственно политического процесса состоит в том, что новый генерализованный бренд порождает нечто, отдаленно сходное с перестройкой.

Ведь что такое была перестройка? Это был уход от застоя. Хочу ли я этим сказать, что Медведев – это Горбачев-2? Совершенно не хочу этого сказать. По крайней мере, он не в большей степени Горбачев-2, чем Путин – Брежнев-2.

Медведев – волевой, жесткий и быстро развивающийся политик. О содержании этой политики говорить рано. Оно крайне вариативно. А вот что-то уже понятно. Например, что разговоры о марионеточности Медведева, мягко говоря, весьма и весьма наивны.

Но дело не в политиках, а в политике. То есть в тенденциях, выявляемых в том числе и через генерализованные бренды. Была стабильность... Теперь – развитие.

Мне возражат: «Говорится о сочетании стабильности и развития».

Так-то оно так. Но сочетать это крайне трудно. А кто-то считает, что невозможно в принципе.

Пока речь идет только о словах – все в порядке. Более того, такой разговор (при всей его проблематичности в философском и практическом смысле) имеет внятный третий – собственно политический – смысл.

ЭТОТ РАЗГОВОР МАРКИРУЕТ СОБОЙ ЕДИНСТВО КУРСА ПУТИНА И КУРСА МЕДВЕДЕВА.

Путин говорил о развитии на расширенном заседании Госсовета. Путин, а не Медведев. И политически это крайне важно. Медведев же, говоря о развитии, все время подчеркивает, что оно должно быть стабильным. И это тоже политически важно.

Но такой разговор – не более чем разминка.

А дальше начинается главное. Приходит новый лидер... Если он просто приходит и продолжает курс – это одно. Но если он лидер развития, а предыдущий лидер – это лидер стабильности, то это другое.

Представим, что этот новый лидер осуществляет какие-то кадровые изменения. Если он просто новый лидер, то ничего особенного. Известное дело, «новая метла».

А если новый лидер предьявляет себя через новый генерализованный бренд («лидер развития»), то и новые кадры – это «кадры развития», а старые – «кадры стабильности». Но рано или поздно окажется, что старые кадры – это плохие кадры, а новые кадры – хорошие кадры. А как иначе?

И тоже вроде ничего особенного. Однако если старые кадры – это кадры стабильности, а новые кадры – кадры развития, то оказывается (понемножку, по миллиметру), что стабильность – это плохо, а развитие – хорошо. Но плохая стабильность – это в каком-то смысле застой (застой-2). А альтернатива застою-2 (хорошее – всегда альтернатива плохому) – это перестройка-2.

А тут еще та самая суть... Может быть, суть не так уж и интересна. В политике такое часто бывает. Но от этого суть не исчезает и не перестает «ворожить».

Устойчивое развитие – миф. Точнее, фигура речи, прикрывающая неразвитие.

МЕДВЕДЕВ И РАЗВИТИЕ

*Ни один из нас бы не взлетел,
Покидая землю, в поднебесье,
Если б отказаться не хотел
От запасов лишних равновесья.*

Теория равновесия, «теория баланса» – это одно. Теория развития – другое. Впрячь в одну телегу коня и трепетную лань не удалось даже Альберту Гору, творцу этой самой идеи устойчивого развития.

Застой-2, перестройка-2... Повторение, о котором я говорю, ни в каком случае не будет буквальным. Но тонкое сходство в ситуациях может возникнуть. А для того, чтобы точнее разобраться в подобных тонкостях, нужно вспомнить детали перестройки-1.

Внутри нее ведь было несколько фаз.

Первая фаза называлась «ускорение».

Если бы перестройка реально пошла по пути ускорения (мобилизации возможностей системы под цели форсированного развития), то перестройка не только не оказалась бы крахом Советского Союза. Она спасла бы СССР и вывела на новые горизонты.

ЕСЛИ ХОТЕТЬ ФОРСИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ, ТО ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА СОСТОИТ В ТОМ, ЧТОБЫ НЕ ДОПУСТИТЬ УБИЙСТВА НОВОГО УСКОРЕНИЯ. И ВСЕ КАЧЕСТВА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА: ЖЕСТКОСТЬ, РАЦИОНАЛИЗМ, СИСТЕМНОСТЬ – ДОЛЖНЫ БЫТЬ НАПРАВЛЕННЫ НА ТО, ЧТОБЫ ВОСПРЕПЯТСТВОВАТЬ ТАКОМУ УБИЙСТВУ.

Так что убило ускорение?

Бренд под названием «сталинщина». И у меня есть самые серьезные основания считать, что этот бренд и был специально придуман для того, чтобы не допустить ускорения. Мобилизовать систему нельзя без элементов правильного, гибкого авторитаризма. Отнюдь не какого попало, а именно нужного. Потому что есть и такой авторитаризм, который несовместим с развитием и даже уничтожает все его предпосылки. Но если с ходу сказать, что любые элементы гибкого авторитаризма, соединенные с развитием, – это мерзость, рецидивы сталинизма, оказывается, что система немобилизуема.

Еще раз подчеркну, что все параллели условны. Но если их проводить (а это необходимо делать во избежание худшего), то получается следующее.

Ускорение перекрывалось брендом «сталинщина».

Ускорение-2 может перекрываться брендом «чекизм».

«Чекизм» в функциональном смысле равен «сталинщине-2».

Теперь вдумаясь: на самом деле система немобилизуема потому, что перекрыты ее мобилизационные возможности. Но говорить об этом «не положено» (кстати, главное правило застоя, которое продолжает действовать).

А о чем-то говорить надо. И надо продолжать по инерции искать возможности мобилизации, уже зная, что их нет. Как это сделать?

Тогда начинается следующая фаза перестройки – очищение. Что это такое в системном смысле?

Система на самом деле немобилизуема потому, что единственная возможность ее мобилизации (гибкий и эффективный дозированный авторитаризм) убита. Но об этом не говорят. И ищут, ищут... Что же мешает? В ходе фиктивных поисков выясняется: «Батюшки! Мешает-то засоренность системы! Давайте ее очищать». Начинается борьба с коррупцией.

Борьба с коррупцией без развития и гибкого дозированного авторитаризма (а) невозможна, (б) разрушительна.

Рушащейся системе выносится окончательный диагноз: нелучшаема. Дескать, «и ускоряли, и очищали – сами видите: ничего не выходит, надо менять систему». А как менять? Система сопротивляется. Нужна «демократизация» (третья фаза). Ее энергию надо направить на подавление сопротивления системы (активизировать «живое творчество масс»). Направляют. Система рушится полностью (четвертая фаза).

Что я хочу сказать? Что это ОБЯЗАТЕЛЬНО повторится? Нет! Я хочу сказать СОВСЕМ другое. Что для того, чтобы это НЕ ПОВТОРИЛОСЬ, тот печальный опыт НАДО УЧИТЫВАТЬ. Причем не на уровне буквальности (тут все совсем разное), а на уровне коварных системных аналогий. Их ни в коем случае нельзя воспроизводить.

ЛЮБЫЕ ОТДЕЛЬНЫЕ БЛАГИЕ ДЕЙСТВИЯ МОГУТ ОБЕРНУТЬСЯ СВОЕЙ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬЮ, ЕСЛИ СТРАТЕГИЯ И СИСТЕМНОСТЬ ПОДХОДА ОТСУТСТВУЮТ.

Это первый – собственно политический – шаг к развитию. Не повторить опыт демонтажа ускорения. Такова первая задача. Но – не единственная.

Что важнее – идея или страна?

Были и те, кто сказал «идея». Разве не было в 90-е годы демонстраций под красными флагами с лозунгами «Дудаев лучше Ельцина»? Разве не говорили, что и Басаев лучше Ельцина? Так говорили одни.

Другие сказали, что страна важнее идеи. Поставили страну НАД идеями (а значит, и идеологией как средством проведения идеи в жизнь). И сохранили страну.

Для того, чтобы от сохранения страны перейти к развитию, надо совершить нечто сходное. То есть поставить развитие НАД идеологией.

Если развитие не станет для нас в 2008 году такой же точкой надидеологической сборки, какой государственность стала в 1994-м, не будет никакого развития. Развитие не бывает без жертв. В жертву развитию должно быть принесено очень многое – карьерные и клановые интересы, идеологические предпочтения, расхождения по принципу «свой – чужой»... В каком-то смысле даже и социальные интересы. Но именно в каком-то смысле. Потому что нельзя требовать от сброшенных на социальное дно масс жертв во имя развития и предъявлять этим массам антижертвенную, гипергедонистическую, «шикующую» элиту. Такая сборка невозможна.

Конечно, можно сказать, что нам уже не придется чем-то жертвовать ради чего-то, что развитие будет сопровождаться «неуклонным ростом благосостояния всех тру...», прошу прощения, всего российского населения.

Выборы состоялись 2 марта 2008 г. И те, кто голосовал за неуклонный рост всеобщего благосостояния, опуская бюллетень в урну, понимали: в жизни надо платить за все. Платить – значит жертвовать.

В чем основной закон жертвы? В том, что то, чем жертвуют, находится ниже того, ради чего жертвуют. Сказав в 1918 году «страна выше идеи», рощины и телегины пошли к «красным». Шли они – «через не могу». Алексей Толстой назвал это «хождением по мукам».

Но почему удалось вынести муки, которые, конечно, были неизмеримо страшнее тех, которые описал Толстой? Потому что «белый», пришедший к «красным», видел в чуждом – невероятно чуждом и бесконечно враждебном ему – комиссаре некую жертвенную страсть. Он понимал, что это не пиар, а страсть. Что и этот «гад в кожанке» тоже готов умереть за какую-то свою Россию. Но ведь за Россию!

То же самое с развитием. Люди, чуждые друг другу во всем, могут сойтись на территории развития только увидев, что есть эта страсть... Не пиар, не умствования, не конъюнктурные соображения, не подспудные (и к развитию отношения не имеющие) политические намерения. А именно страсть. То есть готовность поставить развитие над всем остальным.

Страсть – это не истерика, не пафос, не трескучая болтовня. Русская классика давно тут все определила с абсолютной точностью: «Я знал одной лишь думы власть, одну – но пламенную страсть». Где думы власть – там и страсть. Человек может быть сух и конкретен. Но при

этом абсолютно сосредоточен на этой – главной и единственной – думе. А раз так сосредоточен, то и серьезен.

Герой Лермонтова не будет шутить по поводу своей всевластной думы. Он будет рваться к ее осуществлению. И прорвется.

А тот, кто будет шутить, никогда и никуда не прорвется.

Не допустить превращения самоценной идеи развития в подручное средство для тех или иных политических манипуляций – это первая задача.

Вторая задача – не позволить с этим самым развитием шутки шутить.

Застой все превращает в шутки (если резче и конкретнее – в пошлость). Для застоя любая серьезность и страсть – комичны. На то он и застой.

В недрах брежневского застоя оставались люди, готовые говорить о развитии серьезно. Их было немного, но они были. Были и философы, и системщики, и технократы, и деятели культуры... Да и управленцы тоже были. Развитие еще могло говорить о себе на серьезном политическом языке.

Почему все это не было растворено до конца в пошлости? Почему брежневский застой не растоптал это окончательно и не выкинул на свалку? Потому что застой – это короста на живом теле. Телом же является проект. Брежневский застой был застоєм советского проекта, а не застоєм вообще. Пока есть тело проекта – тело, а не труха, – есть и серьезность.

Если я прав и застой является нынешним супербрендом, то хотелось бы понять, о застоє какого проекта идет теперь речь? Пусть проект предъявит себя и преодолет застой. Пусть покажет, что есть что-нибудь, кроме коросты.

Короста же налицо. Обнаружить ее всегда очень просто. Нам ли не знать, как именно!

Приснопамятная шутка застойных лет: «Ранний репрессанс, поздний реабилитанс и сю-сю-реализм»... Короста – это «сю-сю» на нужную тему. Хрущев у власти – одна тема. Брежнев – другая. Переход от одной темы к другой осуществляется «на раз». Разговор же на любую тему ведется на этом самом «сю-сю языке». Потому что никакого интереса к теме нет. Есть интерес к чему угодно другому – карьере, интригам. Но только не к теме.

Что такое «сю-сю-стабилизанс» – мы знаем. Знаем, как вдруг обнаружили в себе непоколебимых патриотов и даже националистов люди,

которые перед этим говорили о патриотизме (а уж о национализме тем более) с отвращением и ненавистью.

Если «сю-сю-развитанс» заменит «сю-сю-стабилизанс», то развития не будет. А в силу специфики тематики развития (поверьте, эта специфика есть!) будет очень быстрое и сокрушительное фиаско.

Мы же знаем, что такое «сю-сю»... Это средство от серьезности. Сначала обнаруживается эта несерьезность (отсутствие интереса к теме). Потом... Все мы знаем, что бывает потом.

От прецедентной логики перейдем к аналитике нашего сегодняшнего конкретного бытия.

Готовится некая «Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года». Ее уже поносят почем зря. Мол, до 2020 года... Нынешнее поколение будет жить при... И так далее.

Мне этот тип поношений глубоко несимпатичен. Я хочу серьезно разобраться с Концепцией. И серьезно отнестись к ней. А что, может быть, люди с другими представлениями о том, что такое развитие, все-таки хотят это развитие обеспечить? И они понимают, как это сделать? И пусть тогда они сделают это совсем не так, как мне хочется. Пусть это будет даже не совсем то развитие, которое нужно. Пусть только это развитие сохранит страну – и все.

Если страна сохранится (а страна – это государство и народ), то заработают законы интраистории. Их когда-то очень убедительно изложил Мигель де Унамуно, показавший, что, если страна сохраняется и восстанавливается, наносное уходит. Ядро цивилизации переваривает ту периферию, в которой были осуществлены самые противоестественные трансформации исторической жизни. И исторический опыт России показывает, что это так. Главное, чтобы страна сохранилась. Сохраниться она может только в условиях развития. А значит, не только страна НАД идеологией, но и развитие.

Ну, так что сказано в Концепции? И есть ли достоверные данные?

В неких кулуарах обсуждаются некие версии... Какому-то журналисту удалось добыть вариант Концепции объемом аж в 112 страниц... и оказалось... Какой вариант? Как удалось добыть?...

Гораздо лучше зайти на официальный сайт Министерства экономического развития и торговли (МЭРТ) и посмотреть, что там сказано. Сказано там, что официального текста готовой Концепции еще нет, что этот текст «дорабатывается с учетом выступления В.Путина на расширенном Госсовете 8 февраля 2008 года», а также ходит «для уточнений и согласований» по министерствам, ведомствам и бизнес-корпорациям.

Для того, чтобы Концепция была обсуждена и утверждена, должны быть изготовлены, кроме Концепции, еще два документа:

- долгосрочный план развития России до 2030 года,
- некий «пошаговый план действий» правительства для реализации Концепции. (Что за план, на какую глубину по времени он должен быть развернут – об этом ничего не говорится.)

Ну, не говорится и не говорится. Посмотрим, о чем говорится. И как.

Пока на сайте МЭРТ есть два официальных материала. Это, прежде всего, первая часть Концепции – «Стратегические ориентиры долгосрочного социально-экономического развития». Объем текста – 18 страниц. Не 112, а 18.

Кроме того, есть информация о работе над Концепцией, где перечисляются ее последующие части:

- этапы инновационного развития;
- развитие человеческого потенциала;
- развитие экономических институтов и поддержание макроэкономической стабильности;
- развитие национальной конкурентоспособности;
- внешнеэкономическая политика;
- региональное развитие.

Ну, будут последующие части – прочтем. Пока есть одна часть – и самая важная. Если хотим обсуждать развитие как политическую проблему, то без анализа официальных стратегических ориентиров не обойтись. Назвался груздем – полезай в кузов.

Ну, я и полез в этот 18-страничный «кузов»... Полез с самыми что ни на есть благими намерениями. Отнюдь не ради того, чтобы похихикать по поводу того, что нынешнее поколение... будет жить при путинизме... Поскольку я, увы, не уверен, что нынешнее поколение будет жить не только на территории России в виде поколения ее суверенных граждан, но и вообще, то, по мне, хоть «при путинизме», хоть как. Почему бы нет?

Один мой преуспевающий и очень толковый знакомый как-то разоткровенничался. «Представим себе, – сказал он, – что никаких реформ в СССР вообще бы не было. Что не приходили бы к власти никакие яркие личности, а один Черненко сменял бы другого. Сколько было процентов роста? 3 процента в год. Сколько лет прошло с 1985 года? Больше 20. Сколько это с накопленным ростом? Ровно удвоение ВВП! Ну, и были бы у всех хорошие квартиры, приличные дачи и машины в диапазоне от "Запорожца" до "Волги"».

А дальше мой знакомый (у которого есть несоизмеримо больше) наклонился ко мне и яростно прошептал: «А что, обязательно надо больше?»

Так что я не против того, чтобы жить вместе с нынешним поколением «при-МЭРТиально». Я просто должен быть уверен, что поколение будет жить. И хоть в сколь-нибудь уважаемом и узнаваемом государстве. А уж в великом – так тем более. ВЕЛИКАЯ Россия обязательно должна быть РОССИЕЙ. Иначе не бывает. Мне другого и не нужно. А кто там будет рулить, кто не будет... Переживем.

Так что я начал читать документ МЭРТ с большим энтузиазмом. Но вскоре обнаружил... Чтобы не растекаться мыслью по древу (документ хоть и не на 112 страниц, но все же большой), буду формулировать по пунктам.

Первое, что я обнаружил, – это полное отсутствие анализа реализации предыдущей Концепции развития до 2010 года. Той Концепции, которую группа Г.Грефа делала в 2000–2001 годах. То есть анализа нет **ВООБЩЕ**. Вообще, понимаете? Абсолютно неясно (я бы сказал, непристойно неясно), в чем состоят достижения, провалы, заделы, что нуждается в корректировке, что требуется продолжать, а что менять, на чем настаивать и от чего отказываться.

Западная бюрократия – не Гегели. Реальные западные концерны и корпорации не состоят из яйцеголовых (хотя и яйцелоголовые там есть). Но даже самая кондовая бюрократия или самый упрощенный корпоративный менеджмент не вывесит новую Концепцию без анализа предыдущей.

Второе, что я обнаружил, – это отсутствие мало-мальски внятного (пусть не детального, но сколь-нибудь вразумительного) анализа текущего социально-экономического состояния России. То есть образа реальности, от которого необходимо отталкиваться при любом долгосрочном планировании.

Мне рассказывают, в какой точке Б я должен оказаться, но при этом не говорят, в какой точке А я нахожусь. Я понимаю, что культура стратегического проектирования претерпела за последние двадцать лет страшный и во многом невосполнимый урон, да и в 1985 году была не ахти какая. Но элементарные нормативы чиновно-бюрократического описания утеряны быть не могут. Согласно этим нормативам, без точки А нет точки Б.

Так что это все значит?

Третье, что я обнаружил, – отсутствие серьезного обсуждения возможных сценарных вариантов развития России, связанных с общемиро-

вым социально-экономическим и военно-политическим контекстом и его возможной динамикой. Между тем это решающий момент.

Мне скажут: «Да это все заморочки, политология, а люди серьезным экономическим делом занимаются».

Прежде всего, нужно установить, что это не заморочки, а стандарт. Не бывает серьезной Концепции без сценариев. Все это понимают. И вряд ли кто-то станет отрицать, что мир переживает непростой экономический период. Это тоже вроде все понимают. Что же касается того, что люди занимаются не заморочками, а очень серьезным делом, то... как не согласиться?

Они очень серьезным делом занялись, эти люди.

Они, например, выдвигают в качестве безусловного позитива то, что Россия – ура! – достигла беспрецедентной для развитых стран открытости своей экономики. И называют цифру: внешнеторговый оборот в 2007 году составил 45% ВВП.

Я не экономист, и у меня железные нервы. Но и мне захотелось, чтобы налили... То ли десять грамм нитроглицерина, то ли 250 грамм спирта... Лучше второе. Потому что (сообщаю для справки) у ЕС внешнеторговый оборот со странами за пределами сообщества около 18% ВВП. Примерно столько же у США. А в Китае он составляет около 17% валового внутреннего продукта.

Для неспециалиста поясню. Если вы качаете нефть, продаете ВСЕ, что выкачали, а на выручку ввозите ВСЕ необходимое для жизни, то у вас внешнеторговый оборот составляет 200% ВВП. В каком-нибудь Тайване внешнеторговый оборот даже намного больше тех 45% ВВП, от которых так «балдеют» в МЭРТ. Но это страна без амбиций, страшно зависящая от экспорта и импорта. Это не США, не Китай и не Европейский союз. Так от чего балдеть-то? От того, что экономический суверенитет подорван? От того, что пропорции, которые имеют абсолютное значение для передовых стран мира, глубоко смещены в сторону зависимости, в сторону неспособности выстоять в условиях сколь-нибудь неблагоприятной конъюнктуры?

Но, может быть, такая конъюнктура исключена? Так ведь нет!

Четвертое, что я обнаружил, – это констатация возможных изменений конъюнктуры. В Концепции прямо говорится, что «предстоит глобальная структурная перестройка мирового хозяйства», что налицо «борьба противоречивых тенденций глобализации и регионализации», что неизбежно будут расти риски и возможны кардинальные перестройки в мировой финансовой системе.

Так мы от чего балдеем-то? От того, что при изменении внешней конъюнктуры (а прогнозируются изменения на уровне глобальной структурной перестройки мирового хозяйства) все затрещит по швам? В США и Китае не затрещит, а у нас затрещит?

Пятое, что я обнаружил, – это успокоительное утверждение, согласно которому у нас почему-то не затрещит. У всех затрещит, а у нас нет. Потому что, как утверждает Концепция, российская экономика защищена от воздействия внешних шоков «резервными активами в почти 500 млрд. долл».

Минуточку!

В той же Концепции говорится, что наш ВВП по паритету покупательной способности составляет 1,9 трлн. долларов. Внешнеторговый оборот, как мы уже узнали, – 45% ВВП. То есть около 850 млрд. долларов. Если затрещит как следует (а в истории бывали внешние шоки, приводившие к сокращению внешнеторгового оборота вдвое и более), то «подушка» наших резервов может быть «съедена» года за полтора–два. А такие шоки порой длятся по несколько лет. Так почему у нас не затрещит? И что надо сделать, чтобы не затрещало? Накопить «подушку» втрое большего объема? А если (и об этом сейчас все говорят) произойдет резкое обесценивание наших резервов, размещенных в разного рода бумагах, номинированных в долларах и евро? Чем тогда мы будем гасить внешний шок?

Шестое, что я узнаю, касается стратегической цели. Оказывается, стратегическая цель – «достижение уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы XXI». Что значит «статусу»? Почему у всех ведущих мировых держав XXI века внешнеторговый оборот меньше 20% ВВП, а у нас уже 45%? Это означает, что мы стремительно движемся в сторону завоевания этого самого статуса?

Цель – декларативно-неопределенна. Сопряженные блоки описания никак не увязаны с целью. Считать это все полноценным «образом будущего» для Концепции как документа, регламентирующего нашу жизнь, невозможно. Для этой прискорбной констатации совершенно не нужно быть злопыхателем или таким ревнителем свободы, которому на развитие наплевать. Для этой констатации надо просто относиться серьезно к развитию, а не сюсюкать по его поводу.

Между тем сюсюканье (в духе этого самого «сю-сю-реализма») в Концепции не исчерпывается вышеизложенным. И постепенно приобретает гротескно-фантазмагорический характер. Потому что вдруг оказывается, что «достижение этой (стратегической. – С.К.) цели означает

формирование качественно нового образа будущего России к концу следующего десятилетия». То есть к моменту завершения срока реализации данной концепции? Значит, настоящий образ будущего мы сформируем после того, как дойдем до цели? А идти к ней мы будем без образа будущего?

Прочтя это, я уважал не только Константина Устиновича Черненко (которого я, в общем-то, всегда уважал). Я уважал самые кондовые комсомольские и партийные бумаги, рожденные в недрах глубокого брежневского застоя. Потому что там были хоть какие-то представления о концептуальной обязательности...

Седьмое, о чем я узнал, касается конкретных целевых ориентиров.

Назову наиболее показательные:

- «выход на стандарты благосостояния развитых стран»,
- «высокое качество и комфортные условия жизни населения»,
- «изменение социальной структуры в пользу среднего класса»,
- «инновационное лидерство в мире»...

Ничего против этого я не имею. Я просто не понимаю, за счет чего это будет достигнуто. И не понимаю, как можно об этом не сказать. Ведь за все надо платить, не так ли? Какова мобилизационная (как минимум, трудовая, если кто-то боится слова «мобилизация») ЦЕНА? Кто ее заплатит? Почему будут платить и нести издержки? Народ не может получить «на халяву» такие показатели жизни и такое лидерство. Ну, так?

Восьмое, о чем я узнал, – это что государство не должно подменять бизнес своей активностью, но должно лишь «создавать условия для успешного развития бизнеса» и что «именно частный бизнес является основной движущей силой развития».

Тем самым государству фактически запрещается роль реального Субъекта Развития даже в ключевой – экономической – сфере, которой в основном и посвящена Концепция. А при обсуждении проблемы инновационного развития в качестве «субъектов развития» перечисляются компании, разрабатывающие новые технологии, работники науки, образования, здравоохранения и т.д.

Интересно узнать, кто так осуществлял развитие, преодолевая весьма проблемную ситуацию в короткие сроки? И почему государство не должно быть Субъектом Развития? Что это за фобия? И как она соединяется с державностью и вертикалью власти? Если развитие является сверхцелью и основным ориентиром, то почему государство должно самоустраниться от реализации своей же сверхцели? И чем оно тогда занимается? – вот главное, что меня волнует!

ЗАЧЕМ ОНО ТОГДА ВООБЩЕ НУЖНО?

Никто не оспаривает необходимости частного бизнеса. Есть огромное количество направлений, востребованных жизнью. Жизнь не может быть сведена к одному стратегическому направлению (развитию). Пусть бизнес работает там, где надо. И пусть чиновники ему не чинят препятствий. Пусть бизнес конкурирует или соучаствует с государством и в том, что касается стратегических направлений развития.

Но любой мировой опыт, хоть в развитых, хоть в развивающихся странах, показывает и доказывает, что не иметь механизмов реализации стратегического целеполагания в виде мощного государственного предпринимательства и управления большим бюджетом (особенно в условиях, когда ставятся цели – выход из кризиса и развитие) эффективное государство НЕ МОЖЕТ. Ну, не может и все.

Посмотрите, как в нынешнем кризисе британское государство национализировало крупнейший «просевший» банк и как американское государство меняет законодательство и «нерыночно» вливает в экономику многие сотни миллиардов долларов. Послушайте главу МВФ Доминика Стросс-Кана, который утверждает, что «рыночные» меры для выхода из кризиса недостаточны, и призывает развитые страны к наращиванию антикризисной активности госбюджетов.

То есть везде, включая наиболее последовательно-либеральные «рыночные» развитые страны, государство от обладания инструментами решения таких проблем отказаться не может. (О странах вроде Китая или Индии, заявивших своим исключительным приоритетом форсированное развитие, я уж и не говорю.) А у нас, согласно рассматриваемой Концепции, государству от них нужно отказаться. И как я должен к этому относиться? Seriously?

Девятое концептуальное откровение состоит в том, что лишь глубоко демократическая Россия может осилить задачу быстрого развития. Тут же уточняется: «Только реализовав формулу "демократия – человек – технологии" и воплотив ее в повседневную практику жизни общества, Россия сможет реализовать свои потенциальные возможности и занять достойное место среди ведущих мировых держав».

Ребята, кто подменяет высший приоритет идеологическими «заморочками»? Но ведь и подменять надо уметь! Студенту известно, что все успешные быстрые модернизации, как старые, вроде голландской, британской или французской, так и новые – японская, корейская, тайваньская, малайзийская, китайская, – это авторитарные модернизации, с решающей ролью государства в управлении развитием и достаточно жестким сокращением пространства для демократических процедур.

Одесский автомобилист-частник хотел подвезти женщину за умеренную мзду. А та негодовала, что он не таксист. Частник ей возразил: «Мадам, вам об шашечки или ехать?»

Вот и хочется спросить – надо ли «ехать»? Или нужны «шашечки» демократии? Ведь никто не возражает против демократии. Никто не хочет заменять ее авторитаризмом ради авторитаризма. Но либо развитие действительно высший приоритет, и идеологии умолкают. Либо... Либо все будут навязывать свои идеологические приоритеты, и тогда не будет никакого развития.

В памятной мне телевизионной дискуссии Г.Резник и В.Никонов спорили о том, совместима ли свобода с традицией. Г.Резник утверждал, что наша традиция несовместима со свободой. В.Никонов ему оппонировал. То есть дискуссия шла между сторонниками формулы «свобода минус традиция» (либеральная партия) и сторонниками формулы «свобода плюс традиция» (консервативная партия). Я, будучи третьим участником дискуссии, кожей ощущал наличие еще одного молчащего персонажа. Того, для которого желанной формулой является «традиция минус свобода». Вы скажете, что его нет? Ну, говорите, говорите... Прячьте голову под крыло... Дождетесь... Ждать осталось недолго.

Между тем дискуссионное пространство из двух переменных (свобода и традиция) – это тупик. Вырваться из тупика мы можем лишь введя пространство из трех (трех, а не двух!) переменных:

СВОБОДА, ТРАДИЦИЯ И РАЗВИТИЕ.

Нам надо не сюсюкать о развитии. Нам надо понять, что без развития обесмысливаются и традиция, и свобода. Что же касается несвободы, то она всегда отвратительна. Но может быть хотя бы отчасти оправдана только развитием. И чем больше несвободы, тем больше должно быть развития, чтобы хоть как-то несвободу оправдать. Да и преодолеть.

Пока СССР форсированно развивался, несвобода была как-то терпима. Хотя весьма и весьма издержечна. Но когда СССР перестал ускоренно развиваться (застой), то даже меньшая несвобода (а несвободы при Брежнев, конечно, было меньше, чем при Сталине) стала абсолютно невыносимой. И мы получили то, что получили.

Первая задача – не подменить развитие политическими играми.

Вторая задача – не подменить развитие странными «сю-сю» на тему развития. Отнестись к развитию серьезно. Без пафоса, без восклицательности, но серьезно. Авторы Концепции называют много прекрасных конкретных долженствований. Например, стабилизация численно-

сти населения и занятых в экономике. На основе чего? Оказывается, что на первом месте «эффективное регулирование миграции». А затем уже следует повышение здоровья нации и уровня социального оптимизма. Ну, ладно, миграция так миграция. Что еще должно состояться к 2020 году?

ВВП на душу населения должен увеличиться с 13,7 тыс. долл. в год до 30 тыс... Средний уровень обеспеченности жильем должен составить 30–35 кв. м. на человека... Россия должна занять не менее 10% на мировых рынках высокотехнологичных товаров и интеллектуальных услуг по 4–6 и более крупным позициям... Доля высокотехнологичного сектора в ВВП должна подняться с 10 до 17–20%... Производительность труда должна увеличиться в 2,4–2,6 раза... Среднемесячная зарплата должна подняться с 526 долл. до 2700 долл... Должна быть создана разветвленная транспортная сеть, обеспечивающая высокую территориальную мобильность населения и глобальную конкурентоспособность на рынках транспортных услуг... Должно быть завоевано лидерство в интеграционных процессах на евразийском пространстве... Россия должна превратиться в один из глобальных центров мирохозяйственных связей... Она должна стать одним из мировых финансовых центров... Должна, должна, должна...

Простые расчеты показывают, что для такого рода «комплексных прорывов» ни у какой России не хватит никаких денег и других ресурсов. Приходится предположить, что «долларовые» цифры названы «лукаво», в надежде на неуклонную и быструю девальвацию доллара.

Кроме того, ни сегодня, ни в обозримом будущем у частного российского капитала нет и не будет тех триллионов, которые нужны на реализацию перечисленных амбициозных задач. И (что показывает весь мировой опыт) частный капитал никогда не инвестирует даже те (скромные по сравнению с такими задачами) деньги, которые у него есть, в проекты с огромными сроками окупаемости и низкой нормой прибыли. А именно такие проекты и предполагает в большинстве сфер деятельности и отраслей рассматриваемая Концепция.

Частный капитал не может реализовать поставленные задачи. А государство (единственный возможный «генеральный субъект» мобилизационного развития!) не должно их реализовывать. Но, как мы прочли в этой Концепции, должно... помогать частному капиталу реализовать то, что он не может реализовать по определению. Мы же должны радоваться тому, что реализовывать будет тот, кто не может реализовать. А также тому, что внешнеторговый оборот составляет у нас 45% от ВВП.

Тут уместен только один главный вопрос: А ЭТО РАЗВИТИЕ КОМУ-ТО НУЖНО? МЭРТу ОНО НУЖНО? ЕСТЬ ЛИ СЕРЬЕЗНОСТЬ В ЭТОМ ВОПРОСЕ? И ЧТО БУДЕТ С РАЗВИТИЕМ, ЕСЛИ ЕЕ НЕТ?

Возможно, ответ поможет получить еще одна формулировка Концепции: о том, что мы должны сочетать «догоняющее» и «опережающее» (прорывное) развитие. Причем опережающе развивать нужно «секторы, которые определяют специализацию России в мировом хозяйстве и национальные конкурентные преимущества».

Поскольку специализация постсоветской России уже сложилась в сфере таких ее «национальных конкурентных преимуществ», как огромные запасы энергоносителей и сырья, приходится предположить, что именно в этих отраслях (где, в принципе, экспортных доходов частного бизнеса и привлеченного зарубежного капитала может оказаться достаточно для масштабных долгосрочных инвестиций) и будет «по факту» происходить «опережающее развитие».

Но это очень оригинальное «опережающее развитие». Что оно опережает? Нынешние темпы исчерпания ресурсов на территории РФ?

Впрочем, все, что касается типа развития (опережающее, догоняющее и т.д.), требует отдельного рассмотрения. Пока мы только поговорили о столь важной вещи, как серьезность. И не вообще поговорили, а на конкретном примере.

Нет ее, этой серьезности, – не будет ничего остального.

* * *

Идея развития не должна быть (а) отсечена от «технологий» (мобилизационных – каких еще?), (б) разменена на частные политические приобретения, (в) оторвана от реальности, (г) «пиаризирована», (д) застойно бюрократизирована...

(А), (б), (в) и так далее – это рамка. Вышел за рамки – погубил проект. Стоп... А проект-то в чем?

Рост валового внутреннего продукта – прекрасная вещь. Но это рост, а не развитие. Бабочка – это не разросшаяся куколка.

Самолет сложнее телеги. Тут все понятно. Нынешний Шанхай не первобытная африканская деревня. Тоже понятно. Стоп... Сравните «Мону Лизу» Леонардо да Винчи и «Черный квадрат» Малевича... Не правда ли, уже непонятно? Вам покажут и скажут: «Где развитие? И нужно ли оно, если оно такое?» Вы сошлетесь на теорию эволюции... То есть на это самое «или нас сомнут». Развившееся съедает (или пора-

бощает, в любом случае сминает) неразвившееся. Источник развития – борьба за выживание.

Но тогда развитие всего лишь рок, а не ценность. В чем ценность (если она есть)? Органическая молекула сложнее неорганической. Кристалл сложнее аморфных соединений. Молекула сложнее атома. Атом сложнее элементарной частицы. Борьбы за выживание нет, а усложнение есть. В чем источник?

Кто-то пытался доказать, что действует всемирный закон экономии энергии. Мол, электронам и протонам экономичнее собираться в атом и так далее. Пробовали проверить. В самых простейших случаях – доказуемо. А дальше не только недоказуемо, но и наоборот. Нет экономии энергии. А усложнение есть.

А раз оно есть, значит, у него есть источник. И по определению не дарвиновский. Естественно предположить, что этот же источник действует при переходе от неживого к живому. А также от животного к человеку. А от человека...

Верующий скажет вам, что для него ценность развития – восхождение к Богу. Но другой верующий назовет развитие греховным отпадением от принципа. Вот я прочитал у Малера, что история – это грех. Что порождена она изгнанием из рая. Звоню коллегам-религиоведам, спрашиваю: «А что, семь дней Творения – это не история?» Они отвечают: «А у него такая позиция». Для одних христиан Большой Взрыв, создавший Вселенную, – это сотворение мира (то есть благо). Для других – это первогрех.

Лет пятнадцать назад я говорил о развитии в кругах высшей советской (тогда уже не находящейся у власти) элиты. Я был для этих кругов «своим». Но, начав апеллировать к развитию, натолкнулся на очень мощное отторжение. Мне сказали, что хорошо было в России только при Победоносцеве и Александре III. Я возразил, что если бы при Победоносцеве было так хорошо, то не было бы Ленина, а был бы «Победоносцев нон-стоп». Ведь исторический опыт – это как эксперимент в физике. Против него не попрешь.

Ответом был разрыв коммуникаций. Ибо речь шла о символе веры.

Короче, оппонирование развитию (причем очень и очень жесткое) является у нас уделом отнюдь не только отдельных ученых и публицистов.

Не люблю Поппера. Но его исследование политической мотивации Платона является и блестящим, и доказательным. Платон действительно

считал историю повреждением. И хотел использовать идеальное государство для противодействия истории, понимаемой как повреждение.

Хорошо ли будет нам всем в платоновском государстве – вопрос спорный. Кому-то будет хорошо, кому-то нет. Но что апелляции нашей элиты к платоновскому государству несовместимы с форсированным развитием, достаточно очевидно. Для форсированного развития государство должно быть субъектом развития. Нельзя форсированно развиваться и подмораживать (концепция Победоносцева). Нельзя форсированно развиваться, используя в качестве главного инструмента нечто, созданное для противодействия развитию как греху.

Нет религиозного консенсуса в данном вопросе. И элитного тоже. А ведь многие наши сограждане по определению ищут ответы на такие вопросы вне религии. Как быть с ними?

Нужен научный ответ на вопрос о смысле развития, его генезисе, источнике и так далее. Но, увы, наука предпочитает обсуждать не смысл и не источник, а типологию.

Что ж, и на том спасибо. Как говорится, все же лучше, чем ничего. Типологический подход позволяет установить, что есть линейное однонаправленное развитие (оно же – прогресс). Но что на самом деле линейная теория прогресса – это большое упрощение. Что есть тупики, катастрофы, откаты. Их наличие не отменяет развития.

Такой (нелинейный) вариант развития предполагает скачки, фазовые переходы, турбулентности, бифуркации. Нет в этом варианте стабильности. А в каком варианте она есть?

Есть она у Альберта Гора («устойчивое развитие»). Ухватились за эту «прелесть» сразу все – от Ельцина до Зюганова. На самом деле, у Гора речь идет о «sustainable development». «Development» – развитие. «Sustainable»?..

Sustainable growth (growth – рост) – это и впрямь устойчивый экономический рост. Устойчивый – в смысле неинфляционный, с полной занятостью. А главное – самодостаточный. То есть поддерживаемый без привлечения дополнительных займов или новых эмиссий акций.

Гор хотел отыскать такое развитие, которое не потребовало бы новых займов и эмиссий у матери-природы. А поскольку такое развитие – маниловщина, то разговоры о нем камуфлируют борьбу с развитием, обоснование права на остановку развития. Во имя природы, экологии и прочих долженствований.

Такая борьба с развитием началась давно. Мальтузианцы, неомальтузианцы... Мол, терзаете природу, просите ее о дополнительных займах... А она уже почти банкрот.

Серьезное политическое звучание разговор этот приобрел в эпоху «Римского клуба». А подготавливался он чуть ранее – в недрах диалога Косыгин–Джонсон, поездок в Москву Макджорджа Банди как представителя Джонсона и так далее. Тогда же начали выстраиваться и специфические мосты между «двумя системами с различным социальным строем». Кто не верит – пусть прочтет книгу Джермена Гвишиани «Мосты в будущее».

Есть все основания считать, что мосты наводились для того, чтобы заключить (внимание!) СТРАТЕГИЧЕСКУЮ ДОГОВОРЕННОСТЬ ОБ ОСТАНОВКЕ РАЗВИТИЯ. Почему диалог «систем с различным социальным строем» начался выведением за скобки идеологий? Ведь их-то и надо было бы обсуждать (мы понимаем развитие так, вы – этак). Вместо этого – экология... пределы роста... «В доме повешенного не говорят о веревке»?

В любом случае, в итоге данного диалога одна система оказалась разрушена. А другая? Другая претерпела странные метаморфозы. Очень странные!

В самом деле, именно развитие (в простейшем варианте – прогресс и гуманизм) было аргументом в пользу лидерства западной цивилизации. Именно за счет развития она могла легитимировать свою экспансию. Даже если экспансия шла в духе Киплинга («несите бремя белых») – все равно, речь шла о бремени, о том, что в чужие неразвивающиеся миры будет привнесен великий дух развития. Иезуиты говорили: «Для вящей славы Господней». Западные прогрессоры (прошу не путать с нашими реформаторами, любителями братьев Стругацких) говорили: «Для вящей славы Развития». Вокруг этого имени – Развитие – выстроился проект. Он называется проект «Модерн». Это очень сложный комплекс идей, принципов управления, подходов, ценностей, легитимаций, форматов, текстов, внетекстуальных культурных явлений и прочего.

Рассуждать о метафизике Развития можно и должно. Но если за исходную точку взять не метафизику, а концептуально-доктринальные основания, имеющие прямое отношение к большой политике, то говорить нужно о том, что происходит с самим Модерном и вокруг него.

Это не значит отказ от обсуждения смысла развития. Но как искать этот смысл? На страницах газеты... В концептуально-аналитическом

очерке, пусть даже и многосерийном... В соотношении с темой преемственности...

Ну, изложу я разные философские подходы... Получится хрестоматия... Ее надо будет сократить до дайджеста. Дайджест – до реферата. Реферат – до выжимки. Понятно, что это – контрпродуктивно. Но что же тогда продуктивно?

Сконцентрироваться на чужой непродуктивности (обсуждать не только МЭРТ, но и другие заходы такого типа)? Анализировать политические игры, ведущиеся вокруг развития? Все это можно и должно делать. Но понятно, что заикливаться на этом нельзя. Ну, и?

Коль скоро тема – МЕДВЕДЕВ и развитие (а не развитие как таковое), коль скоро жанр – концептуально-аналитический очерк, то адекватный ответ на столь фундаментальный вопрос может быть получен только за счет предельной политизации темы развития. Ни дайджесты, ни хрестоматии не помогут. А выжимки так и повредят (недопустимо сгладят тему, уведут от наиболее острых вопросов). Только нагрев темы до предельно высокой политической температуры может позволить выйти из концептуальной ловушки, пройти между всеми Сциллами и Харибдами (теоретизирование, прагматизирование, редукция до игрового начала и так далее).

Нагрев тему (но не подменив ее суррогатами), можно получить нечто небанальное и одновременно политически важное. Этакий «сухой остаток» в аналитическом тигле. Да, многое испарится. Но оставшееся не будет ни прописью, ни нравоучением, ни авторской зауемью.

Предельная политизация темы «развитие» позволяет довольно быстро установить, что у нынешнего человечества есть один живой и актуальный мегапроект развития. И называется он – «Модерн». Человечество так или иначе соотносит себя с этим мегапроектом (не надо путать мегапроект с проектами типа национальных). Человечество может тянуться к Модерну (сценарий №1 – собственно модернистский). Оно может отвергать Модерн (сценарий №2 – контрмодернистский). И оно может устало отмахиваться от Модерна (сценарий №3 – постмодернистский). Но во всех трех сценариях человечество как-то себя отстраивает от этого самого Модерна. Потому что на сегодняшний день отстраиваться больше не от чего.

Многие возразят мне: «Откуда такой монизм? Почему автор считает, что есть только один мегапроект развития? А вот это, это...»

Отвечаю. Автор сам может запросто «нарисовать» несколько мегапроектов, в соответствии с известной присказкой: «Что нам стоит дом

построить? Нарисуем – будем жить!» Но ведь дело не в том, кто что нарисует. Никто ведь не захочет и не сможет жить в нарисованном доме. Мегапроект «Модерн» потому и мега, что он состоит из сотен тысяч научных трудов, произведений искусства, подходов к управлению обществом, регулятивных норм, принципов понимания происходящего. Это гигантский банк данных (и не только данных, но и знаний), к которому подключено человечество.

Сценарий №1 – собственно модернистский – предполагает именно эту подключенность. Она не имеет ничего общего со слепым копированием (вестернизацией). Давно уже к модернистскому банку знаний и информации страны подключаются с учетом своей специфики. Индия, Китай, Япония, другие восточные страны сделали именно это. А кто этого не сделал, тот погорел. Вот, например, шах Ирана начал подменять модернизацию вестернизацией – и погорел.

Одним из «ноу-хау» Модерна является национальное государство. И нация как таковая. В Индии есть масса племен и несколько конфессий. Поэтому индеец – это не индус и не тот, кто принадлежит к самому главному племени. Индеец – это индеец в смысле Модерна. Индия уйдет от Модерна? Куда? В конфессиональную идентичность? Тогда неминуемы страшные войны между индуистским, исламским, сикхским, буддийским населением Индии. В племенную идентичность? Тогда место нескольких главных войн займут сотни малых этнических и субэтнических войн.

То же самое справедливо даже для относительно моноэтнического Китая. Потому что никакой моноэтничности нет. А есть «принцип пяти лучей», сформулированный когда-то Сунь Ятсеном и свято поддерживаемый КПК. Если этот принцип, конституировавший китайскую нацию и проникнутый духом Модерна, изъять или подорвать... Если поставить, например, знак тождества между китайцем и ханьцем... то кровавая междоусобица по своим масштабам сможет конкурировать с индийской. Кто-то, наверное, этого хочет. Но не китайцы. Поэтому они будут жестко двигаться в русле Модерна, понимая себя как нацию. И четко осознавать при этом, что нацией они могут быть только развиваясь, то есть действуя в русле этого самого Модерна.

Кроме того, каждый, кто был в Индии и в Китае, знает, что жажда развития (причем не какого-то вообще, а аутентично модернизационного, соединяющего свою уникальную культуру с Модерном) пронизывает отнюдь не только местную элиту, но и все общество снизу доверху. Элиты могут удержать политическую стабильность только за счет раз-

вития, потому что массы вкушают плоды этого развития во многих смыслах. Как напрямую, за счет повышения уровня общего благосостояния, так и косвенно, за счет открытия новых социальных перспектив (новых каналов вертикальной мобильности, как сказал бы Питирим Сорокин).

Никуда Индия и Китай из Модерна не уйдут. Они вправе, перефразировав северокавказского поэта, сказать, что добровольно они в Модерн не входили, поэтому добровольно они из него не выйдут. Япония – вопрос более сложный. Но в принципе это тоже так. И для Малайзии это так. И для Тайваня. И для Бразилии. И для Аргентины. Для огромного большинства человечества. Но не для всего человечества. Потому что и есть несколько сценариев, что не для всего...

Сценарий №2 – контрмодернистский. Право, затрудняюсь назвать страны, которые активно его исповедуют. Стран, наверное, и нет (скажешь Саудовская Аравия – тебе аргументированно возразят). Стран нет, но элиты есть. И массы тоже. Есть радикальный исламизм. Весьма искусственная конструкция, сооруженная с далеко идущими целями и ничего общего не имеющая с исламом как таковым. В этом смысле надо сразу оговорить, что Модерн и Просвещение – вещи разные. Просвещение – это светский концентрат Модерна. Но Модерн гораздо шире. Он вполне совместим с религией. Есть модернистское христианство, модернистский ислам, модернистский иудаизм... Всюду, где вера ищет диалога с разумом, вступает с ним в сложные отношения, есть место модернистским течениям в религии.

А как не вступать в такие отношения?

Даже фундаментализм (то есть очищение основных констант религии от наносного – предыдущих религий, суеверий, смертельно опасных компромиссов) – это еще не антимодернизм. Антимодернизм начинается там, где отрицается История как положительное начало. Да и Бытие тоже. И уж, безусловно, Творение. Впрочем, все эти интеллектуальные изыски уведут нас от политики. А в плане собственно политическом для нас важно одно. Что сразу несколько влиятельных элитных групп, адресуемых к разным религиям, проклинают развитие как мерзость. И что одна из этих элитных групп – исламистская – подключила к себе страстную энергетику огромных масс. Масс, которые не тянутся к развитию на тот или иной манер, больше или меньше учитывая свою культурную специфику, а развитие отрицают. Оплевывают. Называют изобретением дьявола. И требуют его недопущения. И даже обращения вспять исторического времени.

Сама по себе эта вторая группа решающего значения не имеет. Если бы не наличие третьей, апеллирующей к совсем другому сценарию.

Сценарий №3 – постмодернистский. Он завоевывает все большие позиции на Западе. Его «святая святых» – не талибский Вазиристан, а Нью-Йорк и Лондон. А также другие европейские столицы. Подробно описать, что такое постмодерн, в аналитическом очерке нельзя. Но речь идет о далеко идущей затее. О разрушении наций, разрушении морали, дискредитации развития и проекта как такового, глубоком подкопе под новизну («новизна – в невозможности новизны»), воспевании прав меньшинств вообще и разного рода извращений в частности, глубокой дискредитации идеи гуманизма (как светского, так и религиозного), культе насилия, фактическом расчеловечивании (безусловном отрицании человека как венца творения, да и человека как проекта, уравнивании человека с животным, а то и вознесении животного над человеком).

Назвать опять-таки страны тут невозможно. Общества страшно расколоты. На Западе уже сломана рамка модернистского консенсуса, объединявшего либералов и консерваторов вокруг идеи Модерна. Идет «холодная гражданская война». Если кто-то хочет представить себе, что такое триумф Постмодерна на государственном уровне, пусть присмотрится к опыту Дании или Голландии... Хотя и в Голландии постмодернистские заходы по части легализации разного рода извращений воспринимаются с глубоким отвращением чуть ли не 80 процентов общества.

Наиболее коварное явление собственно политического характера состоит в том, что Постмодерн явно заключает некий договор с Контрмодерном. История этого договора давняя. Внимательное наблюдение за конфликтами внутри разных религий (например, того же ислама) показывает, что субъект под названием Запад далеко не всегда поддерживал на Востоке сторонников модернизации и даже умеренной вестернизации (оговорюсь в очередной раз, что субъект этот неоднороден, но он ведь тем не менее субъект, не так ли?). Самый яркий пример – шах Ирана. Есть уже много серьезных доказательств того, что определенная часть западных элит поддержала аятоллу Хомейни против шаха Ирана. И что, не будь этой парадоксальной поддержки, шаху удалось бы завершить тревожившую кого-то модернизацию Ирана, которую, конечно же, шах проводил весьма неадекватным образом.

И тем не менее... Весьма продвинутые (в моей терминологии – постмодернистские) западные силы сделали ставку на враждебную им радикальную антизападную культуру с тем, чтобы не допустить модер-

низации. То же самое было сделано при создании «Братьев-мусульман» в Египте и ваххабитов на Ближнем Востоке.

А что такое, в конечном итоге, бен Ладен? Все далеко не так просто. И уж никак не сводимо к банальной гипотезе о «вышедшей из-под контроля марионетке». Но и к конспирологическим теориям (мол, договорились Буш с бен Ладеном) все тоже никаким образом сводиться не может. Все намного сложнее! КАЧЕСТВЕННО сложнее! И внутри этой сложности, которая сейчас политически актуальнее любых прописей, ГЛАВНОЕ – ЭТО ПРОБЛЕМА ОСТАНОВКИ РАЗВИТИЯ С ПОМОЩЬЮ ЛЮБЫХ СИЛ. Пусть даже и несовместимых с теми, кто планирует остановку.

И тут я возвращаюсь к «Римскому клубу» и тому, что ему предшествовало. Я предлагаю проследить все это как единую линию. И соотнести с кажущейся дикой идеей «демократизации Ирака» с помощью коварных бомбардировок. Ведь у тех же американцев есть богатый опыт осуществления нужных им модернизаций в условиях послевоенного оккупационного периода. Это и план Маршалла для Германии, и план Мак-Артура для Японии. Почему никто не стал осуществлять такой план в Ираке? Или, точнее, почему все сделано было прямо обратным образом?

Между тем о необходимости идеологии модернизации мы говорили с весьма солидными американскими политиками незадолго до бомбардировок в Ираке, когда было понятно, что отменить бомбардировки уже нельзя. Позже я неоднократно заявлял то же самое на международных контртеррористических семинарах, на которых присутствовали весьма серьезные и авторитетные люди. Так что происходит? И не является ли происходящее фактически отказом от проекта «Модерн» со стороны части Запада?

Да-да, того самого Запада, для которого этот Модерн был флагом и символом лидерства, и если уж доводить до предела, то «бременем белых» (не разделяю данную формулу, но предлагаю в нее всмотреться). Не идет ли речь об отказе от бремени? От обязанностей по развитию остальной части человечества? Не идет ли речь о том, чтобы не позволить остальной части человечества развиваться, ссылаясь на любые аргументы, от экологии до демократии? Ведь если осуществляется проект «Модерн», то любая форсированная модернизация опирается на определенных фазах отнюдь не на демократию, и это общеизвестно. Понятие «авторитарная модернизация» является абсолютно строгим. И абсолютно позитивным, в отличие от авторитаризма как такового.

Так почему Запад забыл об авторитарной модернизации как позитивном понятии? Почему он требует демократизации в Узбекистане или Египте? Почему он двусмысленно ведет себя даже в Турции (а это очень легко показать)? Идет ли речь только о Большой Игре, описанной тем же Киплингом в романе «Ким» и ставшей концептуальной осью западной стратегической разведдеятельности? Или о чем-то большем?

Да-да, большем! Потому что Большая Игра – это «всего лишь» инструментальное использование некоего зла. Берется зло (например, радикальный ислам) и запускается в качестве деструктора на территорию стратегического противника (ислам против Российской империи, ислам против СССР, ислам против Османской империи, в перспективе, возможно, ислам против Китая). Такие программы подробно описаны. Доказательства по сути неоспоримы. Самый мощный противник подобных игр находится внутри самого исламского мира. Ненависть к так называемым «бородатым» в исламских элитах (суфийских и не только) огромна. Не было бы этой ненависти – России пришлось бы заплатить гораздо большую цену за победу в Чечне.

И тем не менее Большая Игра инструментальна, манипулятивна, а не концептуальна. Концептуальна же лишь ревизия мегапроектности. Если же ревизуется мегапроект «Модерн», то речь не об использовании тех же исламистов против ненужных враждебных стран (главных геополитических конкурентов). Речь не о переделе, а о фундаментальном ПЕРЕУСТРОЙСТВЕ мира. О запуске процессов, обратных развитию. Процессы не прогресса (в том числе осуществляемого по западным калькам), а регресса.

Управляемый регресс – это «ноу-хау», отработанное на территории СССР в эпоху конца 80-х – начала 90-х годов. Этот регресс до сих пор не преодолен. Он только отчасти сдержан, и не более того. Историческая заслуга Путина в том, что регресс оказался сдержан. Но непреодоленный, непреодоленный регресс – это регресс, накапливающий потенциальную разрушительную энергию. Мы все на этой пороховой бочке.

Но зачем ее соорудили? Причем не только на нашей территории? Посмотрите, что творится в Африке. В советский период общество по этому поводу хоть как-то информировали. Сейчас в поле зрения только Запад и немногочисленные актуальные для него «горячие точки».

Между тем на периферии «цивилизованного человечества» разворачивается нечто беспрецедентное. Это беспрецедентное называется «вторичная архаизация». Она же – управляемый регресс. Когда американцы

в эпоху Клинтона обещали сербам: «Мы вбомбим вас в средневековье», – ощутил ли кто-то концептуальный размах этой формулы?

А Косово? Даже если были какие-то сомнения в наличии управляемого союза Контрмодерна и Постмодерна, направленного на разрушение основ современного мира (мира Модерна), то история с Косово должна бы была «подвести черту». В центре Европы с помощью так называемого этнического оружия разрушается национальное государство под названием Сербия. Бог с ним, с международным правом (хотя благоговение перед правом, законом – это основа проекта Модерн). Ну, нарушалось это право не раз – из песни слов не выкинешь. Но каким способом и в каких ситуациях?

Здесь оно нарушается с тем, чтобы запустить механизм деструкции национального европейского государства. Причем ясно, что деструкция носит долгоиграющий характер. Ни один албанский лидер не посмеет сказать прямо своему народу (в том числе, например, в телепередаче), что Косово – это финальный успех. Все они говорят о «естественной Албании», включающей в себя территории других государств. На повестке дня уже раздел Македонии между болгарами и албанцами. И это тоже не завершение «долгоиграющей темы». Тема же заключается в том, что нацию хотят подменить этносом. А каждому этносу дать по государству. Но почему этносу, а не субэтносу? Тысячи спящих конфликтов могут вспыхнуть, подведя черту под проектом «Модерн». И что тогда?

Кому-то снится новая система, напоминающая идеи Мао Цзэдуна о мировом городе и мировой деревне. В «мировом городе» должен воцариться постмодерн, в «мировой деревне» – контрмодерн. Модерн же должен быть уничтожен, миссия модернистов (в пределе – «бремя белых») отменена. Представить себе масштаб тех процессов, которые способна запустить такая затея, довольно трудно. Но ясно, что никаким новым мировым порядком дело не кончится. Это будет не порядок, а нечто другое.

«Колесо истории вертится, и никто не смеет повернуть его вспять», – говорил на процессе Георгий Димитров. Тут это колесо не просто решили повернуть вспять. Его вертят во все стороны: и вспять, и вбок. Ему ломают спицы, прокалывают шины. Сусальный конец истории, объявленный Фукуямой, превращается в грубое изнасилование истории. И еще непонятно, чем она на это ответит. Воистину – «процесс пошел». И возникает вопрос о том, как на этот процесс ответит Россия.

В принципе, у нее сейчас появились уникальные (и при этом простейшие) возможности. Для их использования не надо даже особенно напрягаться. Надо использовать Косово не для одной лишь критики, а для стратегической интеллектуальной атаки. Надо заставить оппонентов договорить до конца. Нужно вырвать из них признание в отказе от проекта «Модерн». Нужно сделать этот отказ достоянием всего мира.

И тогда окажется, что часть Запада ПРЕДАЛА, да, именно предала свою историческую миссию, свое бремя, свою ответственность перед человечеством, свою роль и свой проект. Но ведь ни Индия, ни Китай, ни многие другие страны это не предадут. И не все элиты Запада согласны на такое предательство.

Тогда можно собирать союзников не по принципу «против», а по принципу «за». Можно собирать ВОКРУГ неких проектных ценностей. Ценностей проекта «Модерн». А ведь, помимо ценностей, есть и сопряженные с ним принципы. Нация, суверенитет, национальное государство. Только нельзя путать нацию с племенем, а национальное государство – с архаизированным этническим гетто. Этой путанице будут радостно аплодировать враги – и постмодернистский, и контрмодернистский. Допусти мы только эту путаницу – и шанс на инициативу будет потерян.

Союз новых стран Модерна может сложиться. Это необязательно должен быть союз против старых стран Модерна. Все союзы «против» весьма неустойчивы. А этот союз может быть вполне устойчивым. И его противники окажутся в тяжелом положении – в положении людей, предавших свою идентичность, свой смысл, свою миссию.

Это только один – самый очевидный и далеко не самый стратегический – вариант трансформации идеи развития в геополитику. Есть более сложные, проблематичные и перспективные варианты.

Нет никакой гарантии, что свобода сделает правильный выбор. Имеется только вероятность того, что добрая воля превратится в склад души, в позицию, в характер. Но беспристрастный взгляд вынужден констатировать отсутствие такого характера, который сделал бы правильное распоряжение властью вероятным. Человек Нового времени не подготовлен к чудовищному взлету своей власти. Не существует продуманной и действенной этики пользования властью; тем более не существует и соответствующего ей воспитания – ни для элиты, ни для массы. <...> Центральная проблема, вокруг которой будет сосредоточена работа грядущей культуры, от решения которой будет зависеть все – не только благосостояние или нужда, но просто жизнь или смерть, – это власть. Не наращивание ее – она растет сама собой, но ее укрощение и правильное ею распоряжение.

Романо Гвардини

Существует точка «насыщения», дальше которой общество не может продвигаться без риска крупной катастрофы. Когда же она достигнута, социальное здание рушится, и его верхние слои низвергаются. Как это происходит, путем ли революции, реформы, вторжения или вследствие внутренней дезорганизации, путем ли налогообложения или грабежа, сути дела не меняет. Важно лишь то, что как-то это все же осуществляется. <...> Опасность достижения точки перенапряжения экономической стратификации неодинакова для различных обществ и зависит от их размеров, окружения, человеческого материала, характера распределения богатств.

Питирим Сорокин

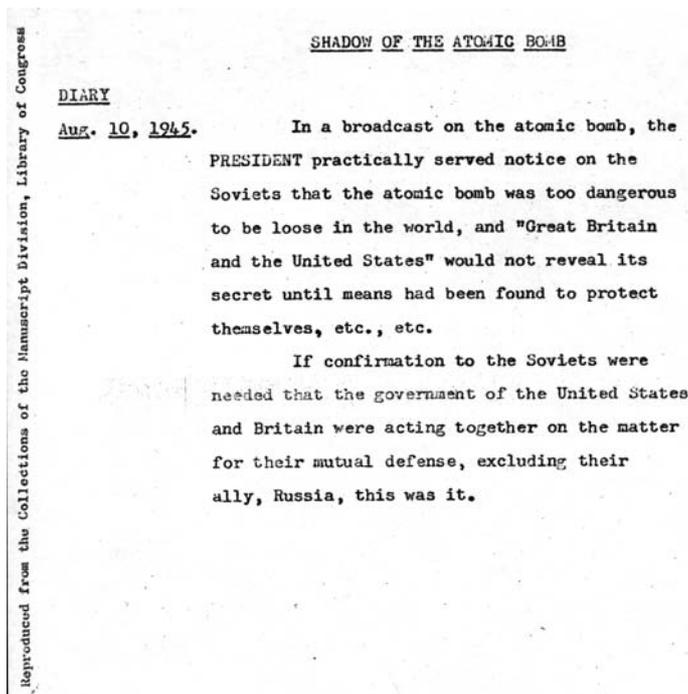
Виктор Мальков

**ЭВОЛЮЦИЯ
ИМПЕРСКОГО
МЫШЛЕНИЯ
И
ЯДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ
США**

The first part of the article focuses the reader on the source of global destabilization which arose from the major post-WW II geopolitical confrontation with the involvement of two superpowers, the USA and the USSR. The author shows how the US has used nuclear weapons to bolster its imperial ambitions and to suppress the Soviet influence. The main point is that ever since the bombing of Hiroshima and Nagasaki, the US has deployed nuclear weapons as the centerpiece of its strategy of achieving and maintaining global hegemony. The study documents the way that American leaders have not been sparing of the threat to use nuclear weapon to achieve US foreign policy objectives. The author reminds that the doctrine of "full spectrum dominance", the cornerstone of which are technological supremacy and nuclear arms did not come into being with Harry S. Truman. He simply took over a traditional American global strategy to ensure that the US remained the dominant power for the long term if not forever.

Джозеф Дэвис, дипломат и советник ушедшего из жизни президента Франклина Рузвельта, по возвращении из Потсдама, где он находился в составе американской делегации на встрече «Большой тройки», сделал 10 августа 1945 г. короткую запись в дневнике: «В своем радиообращении к народу по поводу атомной бомбы президент (Трумэн. – В.М.) фактически дал знать Советам, что атомная бомба слишком опасна, чтобы позволить ей стать доступной любой стране, и что Великобритания и Соединенные Штаты не раскроют ее секрета, пока не будут найдены средства самозащиты и т.д. и т.д. Если Советы еще нуждались в подтверждении того, что правительства США и Англии действовали заодно в вопросах их совместной обороны, исключая возможность привлечения их союзника, России, то они получили его»¹.

Дневниковая запись Джозефа Дэвиса от 10 августа 1945 года.

¹Library of Congress (далее – LC). Joseph E. Davies Papers. Chronological File. Box 19. Diary. August 10, 1945. «Shadow of the Atomic Bomb».

Бывшего посла США в Советском Союзе одолевали мрачные предчувствия. Он понимал, что заявление Трумэна об отнесении СССР к числу «посторонних», коим «вход воспрещен» в святая святых атомной энергии, не было «технической» ошибкой неискушенного политика, плохо ориентирующегося в межсоюзнической дипломатии и внявшего подсказкам злонамеренных помощников. Он хорошо знал о переполнявшем американцев чувстве подозрительности к внешнему миру (после Версаля, Мюнхена и Перл-Харбора) пополам с возрожденной убежденностью в особой миссии Америки оберегать человечество от появления новых варваров и сумасбродства их предводителей. Нация в целом была подготовлена к повороту в политике. Все предпосылки к этому были налицо.

**«НОВЫЙ КУРС» –
МИРОВАЯ РЕЛИГИЯ**

Оставшаяся позади эпоха испытаний и реформ, выход из глубочайшего кризиса в экономике, оживление науки, технологический бум, впечатляющий задел в накоплении ин-

теллектуального «капитала» (не в последнюю очередь за счет бегства «мозгов» из Европы) вновь вернули американцам доверие к ценностям американизма, веру в себя и в страну. Рузвельт уточнил важнейшие задачи по возрождению национальной идеи: осознание народом его места в истории и продолжение «американского эксперимента» ради свободного развития человечества².

Инициатор реформ «нового курса» безошибочно умел угадывать настроения большинства. Полоса невзгод миновала, Америка возвращала себе репутацию локомотива цивилизации, хотя вопрос о том, как удерживать его на рельсах, еще не был снят с повестки дня. Не всюду одинаково воспринимался образ Америки. Ее едва ли не чудесное избавление от страха полного коллапса и возвращение к привычному жизненному ритму казались недолговечными, а право называться гарантом либеральной демократии и западного образа жизни перед лицом новых вызовов, в том числе и таких, как тоталитаризм (и левого, и правого толка), не выглядело безусловным.

На уровне низших сословий шок от потрясений и деморализации 30-х годов до конца не прошел, и стремление к вмешательству в чьи бы то ни

² См.: *Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша. 1789–2001 гг. Общ. ред. и комментарий Э.А. Иваняна. М., 2001. С.395–399; Рузвельт Ф.Д. Беседы у камина. М., 2003. С.203.*

было дела, а тем более конфликты было минимальным. Но идеологическая, политическая, военная номенклатура, бизнес-элита, преодолевая изоляционизм, склонялись к пересмотру республиканской доктрины и поддержке вильсоновской логики переустройства. Экономическая мощь США, их моральный и культурный пример должны были подкреплять создаваемый заново военный потенциал страны. Программа экономического восстановления с 1935 года тесно увязывалась с перевооружением³. «Образ жизни, который мы строим и храним, – говорил Рузвельт в радиообращении к стране 26 мая 1940 г., – нужен не только Америке, но и всему человечеству. На нас лежит высокий долг, мы несем благородную миссию»⁴. В свое ежегодное послание Конгрессу в январе 1941 г. Рузвельт собственноручно внес сформулированное им знаменитое добавление о «четырёх важнейших свободах» (свободы слова, вероисповедания, преодоление бедности и страха), осуществления которых он, президент США, при всех обстоятельствах будет добиваться «повсюду в мире». Абсолютно эксплицитно президент сделал акцент на универсальности и всеохватности своей программы. Сделано это было не случайно. Интернационализация социальных достижений «нового курса» становилась важнейшим компонентом его великого либерального проекта. В дальнейшем в Атлантической хартии (14 августа 1941 г.) они обрели форму морально-правовых обязательств. Или по-другому, как справедливо замечает американская исследовательница Элизабет Боргвардт, значение «все расширяющегося толкования национального интереса США»⁵. О том же самом писал в своей фундаментальной работе по истории США в 1929–1945 гг. известный американский исследователь Дэвид Кеннеди: «На уровне базовых принципов, – постулировал он, касаясь тесного переплетения внутренней и внешней политики Рузвельта, – существовала бесспорная преемственность между рузвельтовской внутренней политикой в период Великой депрессии и его внешней политикой в годы Второй мировой войны»⁶.

³ См.: Sherry M.S. *In the Shadow of War. The United States since the 1930s*. New Haven and London, 1995. P.15–63.

⁴ Рузвельт Ф.Д. *Указ. соч.* С.203.

⁵ Borgwardt E. *A New Deal for the World. America's Vision for Human Rights*. Cambridge, Mass., 2005. P.35.

⁶ Kennedy D.M. *Freedom from Fear. The American People in Depression and War, 1929–1945*. N.Y., 1995. P.470.

Пресса и публицистика немедленно подняли планку рузвельтовского универсализма. Одни вспомнили Германа Мелвилла с его Америкой, несущей ковчег свободы миру. Другие – о великих идеалах В.Вильсона и его «14 пунктах» с добавлением признания особой миротворческой миссии Америки. Когда американский издатель и публицист Генри Люс в феврале 1941 г. выступил в своих многотиражных изданиях (журнал «Лайф» и др.) с призывом видеть в двадцатом столетии воплощение триумфа «Американской мечты», похоже было, что все ждали именно этого. Возникший интеллектуальный консенсус позволил сложить конструкцию из представлений об уникально успешном обществе, свой прогресс измеряющем социально-экономическим и технологическим отрывом от всех остальных стран и умеющем за себя постоять. «Суть этого консенсусного мышления по части внутренних проблем была перенесена прямо, обдуманно, точно и ясно и на внешнюю политику, – пишет американский политолог Дональд Уайт. – В историческом самосознании оно воспринималось как знамение судьбы, распорядившейся таким образом, чтобы кульминацией прошлого стало настоящее. В общем плане этому взгляду отвечало понятие величия и исключительности. В экономике этому соответствовало представление о богатстве, достигнутом благодаря технологическому прогрессу и высочайшей эффективности производства. В области социальных дел это выразилось в идее обратимости: социальные проблемы, которые удалось решить в Америке, могут быть на тех же принципах решены и другими странами. В сфере религии это была теология всеединства, согласно которой США не могут уклоняться от вовлечения в мировые дела. Американцы переосмыслили природу своей идентичности как нации, создавшей образцовое государство»⁷.

⁷ White D.W. *The American Century. The Rise and Decline of the United States as a World Power.* New Haven, Conn., 1996. P.155. – Новая версия универсализма, подчас выраженная в цинично вызывающей форме, натолкнулась на возражения со стороны большого авторитета во внешнеполитических вопросах У.Липпмана, предупредившего об опасности для нации поиска и нахождения в себе божественного начала, возвеличивания собственной роли в мировых делах. Но призыв Липпмана к умеренности явно не попал в резонанс с общественным настроением. На фоне мирового хаоса публика по большому счету хотела обсуждать предназначение Америки исключительно в плоскости ее неповторимой самоценности (См.: Печатнов В.О. Уолтер Липпман и пути Америки. М., 1994. С.195; Lippmann W. *U.S. War Aims.* Boston, 1944; Steel R. *Walter Lippmann and the American Century.* Boston, 1980. P.409–411).

XX век обязан покориться Америке – таков был общий лейтмотив либерального и консервативного мышления переживавшей военно-промышленный бум страны. Большая пресса незаметно для себя самой оказалась втянута в умело разогреваемую президентом и закамуфлированную под борьбу за восстановление экономики регионов кампанию военной готовности. Предложенные издателем и публицистом Генри Люсом ключевые слова (своеобразный код восприятия действительности) «Американский век» отвечали господствующим в обществе представлениям о генеральном векторе современной истории. А либеральный теолог, просветитель и в прошлом христианский социалист Рейнгольд Нибур подвел философскую базу под формирующийся консенсус нации перед лицом брошенной этой самой историей вызова. В его понимании ненамеренно обретенная Америкой роль мирового лидера находила оправдание в выросшей до грандиозных размеров угрозе европейского тоталитаризма. Советский коммунизм объявлялся его опаснейшей разновидностью. Нибур обнаружил в нем не только реальное и абсолютное зло, но и следствие запаздывания Запада в обновлении гражданско-правовой инфраструктуры и социальной инженерии⁸.

Философия действия Нибура соединяла в себе два начала – положительное воздействие примером и укрощение зла преобладающей военной мощью. Отвергая мессианство в духе «неодушевленных» поклонников *Pax America* как проявление национального тщеславия, он уповал на то, что привлекательным новолиберальным проектом успешного общества Соединенные Штаты сумеют отвоевать у сталинской тирании не искушенное в распознавании гибельности деспотического государства человечество. Он утверждал, что Америка, оставаясь на почве протестантской этики и традиционного для Нового Света трезвомыслия, самокритично оценивая собственные недостатки, должна служить высокой стеной на пути насильственного унифицирования общества по канонам коммунистического догматизма. Нибур строил расчет на естественном для свобододлюбивого и креативного Запада идейно-нравственном сопротивлении тоталитаризму, но при этом и на создании превосходства в силе. Употребление ее в случаях, требующих безотлагательных мер, являлось *sine quo non* нибуровского политического реализма. Значительной частью нового истеблишмента США он был восторженно вос-

⁸ См.: Niebuhr R. *The Children of Light and the Children of Darkness: A Vindication of Democracy and a Critique of its Traditional Defense*. N.Y., 1944; *Idem. Christianity and Power Politics*. N.Y., 1940; *Idem. Moral Man and Immoral Society*. N.Y., 1932.

принят и как лучшая трактовка «дилеммы безопасности», и как воплощение духа воинствующего американизма, призванного активно, но желательно без выкручивания рук влиять на мировые дела⁹. Как далеко можно было зайти на этом пути, для Нибура стало, вероятно, понятно только после Хиросимы (бомбардировку которой Нибур осудил вместе с другими членами Федерального Совета церквей), когда амбиции Америки оказались сравнимы с теми, которые не без оснований приписывались им самим Советскому Союзу¹⁰.

В рассуждениях Нибура о пропорциональном распределении сил морального воздействия и средств военного принуждения в преодолении цивилизационного кризиса присутствовала уверенность в уникальных технических возможностях Америки, ее высочайшем для своего времени уровне материальной культуры, науки, образования и ресурсной базы для решения как оборонительных, так и наступательных задач. Настаивая на систематическом обновлении американского военного потенциала – главного фактора поддержания равновесного положения двух мировых систем уже в условиях послевоенного раскола, – Нибур черпал «строительный» материал для обоснования своей позиции в жизненных реалиях Америки с ее всегдашним желанием отстаивать свои интересы с минимальными потерями за счет использования самых совершенных военно-технических средств.

Культ техницизма выступал и как черта национального характера, и как рычаг безостановочного движения по пути опережающей все остальные страны модернизации. Чуть ли не каждый день приносил все новые достижения национального научного и инженерного гения, а вместе с ними и убежденность в том, что превзойти Америку в конкурентной борьбе за главный приз индустриальной эры – научно-технологическое первенство – невозможно. Точно так же, как невозможно опередить ее и в техническом оснащении важнейших родов войск современной войны: авиации, военно-морского флота, средств связи и разведки. Географическое положение Америки, омываемой океанами, уже не казалось безусловной гарантией ее защищенности. Щит из достижений воскресшего военно-промышленного комплекса,

⁹ White D.W. *Op. cit.* P.152–157.

¹⁰ О роли Нибура в послевоенных дискуссиях о соревновании двух ведущих социально-политических и идеологических систем в мире – американизма и советской модели – см.: Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М., 2006. С.625–627.

сделавшего упор на создании стратегической авиации, авианосцев, подводного флота и внедрении новейших научных разработок в военном производстве, выглядел надежнее. Возрожденная после выветривания 20–30-х годов идеология национальной готовности воплотилась в продуманной и замаскированной часто под гражданские объекты и принятой военными ведомствами программе «точного» военного строительства, сориентированного на высокотехнологичные достижения, новейшую логистику и мобилизацию духовных сил нации («Программа Победы»). Известный американский историк Майкл Шерри в книге, опубликованной в 1977 году, писал: «Все еще официально находясь вне войны (вплоть до декабря 1941 г. – *В.М.*), Соединенные Штаты уже готовились к миру и к следующей войне, которая должна была последовать за ним»¹¹. Здесь нет никакого преувеличения. Фундамент обновленной военной мысли и военного обучения держался на представлениях о коренном изменении характера будущей войны, к которой Соединенным Штатам надлежало быть готовыми на уровне самых высоких требований, учитывающих как ближайшую, так и отдаленную перспективу.

«Американский образ войны – это предельная механизация армии по аналогии с такой же механизацией американских ферм и кухни», – писал видный английский обозреватель Д.Броган¹². Но помимо давнего обычая оснащать быт и сопровождающую его повседневность техническими усовершенствованиями, страсти к перекладыванию «грязной работы» на технику американские представления о будущей войне формировались под мощным давлением апокалипсических картин массовых истреблений людей военными машинами стран «Оси» в Европе, Азии и Африке. Пресса и радиокomentаторы, научная фантастика, кинодокументалистика, «транслируя» эти картины, подводила американцев к бескомпромиссному, жесткому выводу: военные технологии, сколь бы дорого они ни обошлись и сколь бы разрушительны и негуманны они ни были, должны превосходить на порядок военный потенциал возможного противника.

Естественно, новые виды и подвиды тяжелого технологичного оружия, столь сокрушительно проявившие себя в войне в Китае, Испании и Эфиопии, не были обойдены вниманием Рузвельта. Президент вместе с

¹¹ Noble D.F. *Forces of Production*. N.Y., 1984. P.4; Sherry M.S. *Preparing for the Next War. American Plans for Postwar Defence, 1941–1945*. New Haven and London, 1977. P.1.

¹² Brogan D.W. *The American Character*. N.Y., 1944. P.163, 164.

военными специалистами, пристально наблюдая после Мюнхена за успехами Люфтваффе, сделал ставку на создание оснащенной новейшей радиоаппаратурой стратегической авиации как предупредительной контрмеры. Вскоре очередь дошла и до военно-морского флота. За несколько недель до Перл-Харбора заместитель министра военно-морского флота Джеймс Форрестол в экстазе самолюбования говорил, что полностью модернизированный американский военный флот никогда впредь не остановится в наращивании своей мощи, предназначением которой является выполнение функции ночного и дневного «чистильщика» в акватории морей и океанов в обоих полушариях. «В наших руках теперь есть сила, и мы полны решимости сохранить ее»¹³.

В высшем эшелоне научного сообщества с энтузиазмом отмечали факт возросшего интереса правительственных кругов и военного клана к новинкам научной мысли, так же как и рост удельного веса военно-промышленного комплекса в экономике страны. Исподволь формируемая президентом Рузвельтом новая доктрина национальной безопасности (термин, фактически впервые введенный самим Рузвельтом) показала очень многим привлекательной: защита неприкосновенности границ США приобретает глобальное измерение, граница вновь становится подвижной и отодвигается далеко за пределы американского континента. В этом свете иное, более существенное значение стали придавать требующим огромных вливаний многим направлениям фундаментальных исследований, сулящим прорыв в области вооружений наступательного и оборонительного характера.

Легко объяснимо, почему интеллектуальное сообщество страны (его университетский сегмент в особенности) охотнее других перешло на сторону носителей военной готовности – ньюдиллеров, прочно оседлавших большинство правительственных должностей и отстаивавших идеи президента о смене вектора внешнеполитического развития страны в сторону поддержки сил, противостоящих странам «Оси». Все это вместе предопределило процесс плавной трансформации антикризисного управления экономикой в управление военной мобилизацией. Во всем была своя логика, писал американский исследователь Майкл Шерри¹⁴, война без объявления войны позволяла оправдывать закачивание огромных расходов (прямых и скрытых) на перевооружение и опытные научно-исследовательские разработки, рассчитанные на прочное удерж-

¹³ Sherry M.S. *Preparing for the Next War*. P.32, 33.

¹⁴ Sherry M.S. *In the Shadow of War*. P.32.

жание первенства научно-технической мысли США на годы и годы вперед. Встречное движение администрации и фундаментальной науки, охотно откликнувшейся на военные нужды, воплотилось в создании национального Комитета оборонных исследований (июнь 1940 г.) и Управления научных исследований и опытно-проектных работ (июнь 1941 г.).

Вопрос «С кем вы?» для элиты научной интеллигенции (интернациональной по своему составу), работавшей в сфере ядерной физики, возник раньше, чем для многих других. Стремление поторопить правительство с созданием атомного оружия и, в конечном счете, опередить нацистскую Германию (а может быть, даже Японию) соседствовало с проснувшимся новым видением мировой роли Америки не только как лидера глобальной перестройки, но и как ее гаранта. Обретение сверхмощного оружия позволило бы реально притязать на полицейские функции в мире, повергнутом версальским идеализмом в хаос и объект разбоя. Холокост, захват Германией большей части Европы, а Японией огромных территорий в Азии, советско-германский пакт о ненападении 1939 года и, наконец, Перл-Харбор заставили интернациональное сообщество ученых-интеллектуалов («элитарных активистов») добиваться применения «карающей десницы» в отношении врагов Америки, которая, как казалось, могла остаться последним подлинным оплотом свободы на всех континентах и водном пространстве. Они четче и яснее, нежели правительственные деятели, артикулировали свое понимание мировых событий, их угрожающего развития¹⁵. Им казалось, что они лучше политиков знают, как осуществить на практике интернациональную миссию спасения цивилизации, приобщая одновременно все остальные народы к идеальной модели социально-политического устройства. И те, кто подобно Р.Оппенгеймеру сочувствовали социальному проекту левых, явно склонялись к противодействию злу насилием.

Именно к этому поворотному моменту относится, как пишет биограф Роберта Оппенгеймера, сращивание сообщества физиков-ядерщиков, занятых военными исследованиями, с адептами имперского мышления и правительством, а заодно и их дружный отказ от пацифизма всех сортов и оттенков¹⁶. Сам будущий создатель первой атомной бомбы, с юных лет поражающий окружающих своей эрудицией и про-

¹⁵ Borgwardt E. *Op. cit.* P.46–86; Divine R.A. *Second Chance. The Triumph of Internationalism in America during World War II.* N.Y., 1967.

¹⁶ Cassidy D.C. *J.Oppenheimer and the American Century.* N.Y., 2005. P.203–206.

ницательностью, делая вывод из собственных наблюдений и из всех дискуссий, в которых ему довелось участвовать, не мог не прийти к главному умозаключению: современная война будет войной не только физических и химических научных достижений, но и идеалов. Лучше понимая, чем военные специалисты, «сильные стороны» элементарных частиц при ведении войны, научная меритократия мыслила себе военно-стратегические цели США нетрадиционно, преимущественно не в пределах Западного полушария¹⁷, а шире, в масштабах планетарных – и неограниченных во времени. Итоги и уроки Первой мировой войны воспринимались в этой среде как банкротство наивных упований на прочность договоров и мифов о мире без оружия. Американский историк Джеймс Хершберг, сравнительно недавно обнаруживший в личных архивах ряда ученых-ядерщиков важные документы, могущие служить дополнительным доводом в пользу такого вывода, бесстрашно обнажил склонность ряда представителей научной элиты США быть ретрансляторами люсовского «Американского века». Так, Джеймс Конант, президент Гарвардского университета, ставший в июне 1940 г. одним из руководителей научно-исследовательских работ в целях обороны, писал тогда же, едва ли не в духе Генри Люса, что в годы Первой мировой войны американцы оказались излишне идеалистически настроенными, а потому не сумели воспользоваться мировым кризисом, непростительно упустив свою «маржу». Он призывал вмешаться в европейский конфликт и перестроить мировой порядок, даже если для этого придется прибегнуть к оружию нового поколения. «Я надеюсь, что в ходе создания нового мирового порядка, – писал он в январе 1940 г., – будет показано, что из катастрофы, в которой мы все оказались, Соединенные Штаты извлекут для себя максимум выгоды»¹⁸.

Публицистика «возрожденного духа» и приход в политику поверившего в себя поколения «нового курса», которое приобрело особое мировидение – сплав национального снобизма, удвоенной озабоченности о национальной безопасности как *насущной* проблемы и окрепшей веры в будущее без иллюзий, – создали предпосылки для появления, по определению американских культурологов, сплоченного «мультинационального блока» – носителя идеи обновленного американизма. Коммерческие структуры, ориентированные на глобальную экспансию, анти-

¹⁷ См. подробнее: Sherry M.S. *In the Shadow of War*. P.35.

¹⁸ Hershberg J.G., James B. Conant. *Harvard to Hiroshima and the Making of the Nuclear Age*. Stanford, Cal., 1993. P.126.

изоляционистски, «проатлантически» настроенная интеллектуальная элита и подавляющая масса промышленных рабочих, с одобрением поддерживавшая сохранение на постоянной основе военно-промышленного комплекса, составляли его ядро¹⁹. Новому пониманию роли США как последнего оплота демократии в brutальном мире всеобщей смуты соответствовал неромантизированный, цинично-деловой, жесткий стиль предлагаемых проектов избавления от тоталитаризма и опасных конкурентов. Роберт Даллек, говоря об этой переналадке общественного сознания, дает ей короткую по выразительности характеристику, соотнося ее с тем, что можно было бы сказать о состоянии умов американцев эпохи начала XX века и Первой мировой войны. Он пишет: «Стало меньше визгливости, меньше впечатлительности и больше реализма в отношении того, чего хотят массы»²⁰. Элизабет Бонгвардт, более щедрая на метафоры, назвала эти изменения «сейсмическим смещением в мироощущении»²¹.

Итогом этих смещений стало возвращение к вильсоновской формуле неделимости мира, но при обязательном условии признания универсального значения американской политической культуры, геополитических интересов Америки и важности подкрепления их военной мощью. Наиболее влиятельную часть политического класса уже не приходилось

¹⁹ См.: Печатнов В.О. *Уолтер Липман...* С.155–198; Fousek J. *To Lead the Free World. American Nationalism and the Cultural Roots of the Cold War.* Chapel Hill, 2000. P.10, 11.

²⁰ Dallek R. *The American Style of Foreign Policy. Cultural Politics and Foreign Affairs.* N.Y., 1983. P.119.

²¹ Bongwardt E. *Op. cit.* P.288. – *Очередная победа Рузвельта на президентских выборах 1940 г., вопреки традиции, позволявшей баллотироваться одному и тому же кандидату лишь дважды, красноречиво иллюстрирует складывание «мультинационального блока».* Посол СССР в США К.Уманский, отдавший дань рузвельтовской риторике в период резкого охлаждения советско-американских отношений после начала «зимней войны», довольно точно указал на формирование общенационального консенсуса по вопросам внешней политики на фоне европейских событий 1939–1940 годов. (*Советско-американские отношения 1939–1945 / Научн. ред. Г.Н.Севостьянов. М., 2004. С.54–62*). Посол США в Москве Л.Штейнгардт в беседе с В.М.Молотовым 26 сентября 1940 г. сделал беспрецедентное в дипломатической практике заявление, сказав, что США совершили резкий поворот от сентиментальности и беспечности «в своих взглядах на окружающий мир» к реалистическому подходу к тому же миру, «где проведение политики производится силой». По словам посла, все субъекты мировой политики должны были раз и навсегда усвоить, что теперь США – «новая страна» (Там же. С.93).

спрашивать, на чьей она стороне – изоляционистов или интервенционистов, хотя внешние различия внутри ее фракции сохранялись и даже порой принимали весьма резкие очертания. Война, приблизившаяся к Соединенным Штатам и затронувшая по всему миру их национальные интересы – экономические, политические и идеологические, – вынудила американцев согласиться с тем, что они, как утверждал Рузвельт, живут «в становящемся все более тесном мире»²². При этом большинство было согласно, что реагирование на этот непрерывно «сужающийся мир» должно быть адекватным, понимая под этим уже не вильсоновское миротворчество в обрамлении цветистых слов о согласии и поиске консенсуса, а жесткий курс «рейнджера» Т.Рузвельта, а то и вообще «замену политики на механику», т.е. использование против внешних угроз ударной военной мощи. Заметим, забегая вперед, что прямым отзвуком такой логики явились современные теории неоконсерваторов, утверждающих, что США вполне могут обойтись без союзников, располагая абсолютным превосходством в новейшей военной науке и технике²³.

Уже осенью 1939 г. правительство «нейтральных» США, внемля настойчивым обращениям со стороны ведущих представителей академической науки, предприняло первые шаги к мобилизации интеллектуальных и материальных ресурсов с целью проведения широких перспективных исследований в целях обороны. Университетская профессура, библиотечные «черви» и ученые следопыты из частных лабораторий утверждали приоритет науки в опережающих военную мысль исследованиях и обоснованных прогнозах их незаменимости в военном деле. Начальствующий состав вооруженных сил, а частично и политики оказались позади научного сообщества в обнаружении более чем опасного, хотя только лишь предполагаемого, отставания от прогресса военной науки в Германии и Японии²⁴. Преодолевая сомнения перед метафизической наукой о внутриядерном строении, Рузвельт под давлением громких научных имен (А.Эйнштейн, Л.Сциллард, Э.Теллер, В.Буш, К.Комптон, Ф.Джуит, Дж.Конант и др.) принимает ряд мер научно-организационного и административного характера, ведущих к ускоренному развитию исследований в ядерной физике и созданию вне всякой международно-

²² *Инаугурационные речи президентов США. С.397.*

²³ *См.: Halper S. and Clark J. America Alone: The Neo-Conservatives and the Global Order. Cambridge, Mass., 2004.*

²⁴ *См. об этом: Baxter J.Ph. Scientists against Time. Boston, 1946; Bush V. Pieces of the Action. N.Y., 1970; Sherry M.S. Preparing for the Next War. P.123–125.*

правовой регламентации оружия массового уничтожения. Тем самым ставилась жирная точка на эпохе договорного права, и, напротив, жизненный смысл получил ницшеанский тезис Р.Нибура о том, что высокие декларации, договора и пацифистские призывы мало что значат в мировой политике XX века, тогда как воля, опирающаяся на силу, способна реально вернуть человечеству уважение к устойчивому миропорядку. Рузвельт после Мюнхена намеренно в своей программе перевооружения делает ставку на стратегическую авиацию и авианесущие корабли, видя в них средство сдерживания стран-агрессоров. И уже после Перл-Харбора, сознавая недостаточность принятых мер, он секретно поручает военному руководству в ходе подготовки к будущим переговорам о послевоенном устройстве изучить вопрос о военно-воздушных базах за пределами США, рекомендуя военным забыть о соображениях, связанных с проблемой национального суверенитета других стран, когда речь идет о безопасности США или их союзников²⁵.

Очевидные успехи страны в годы войны в плане создания современных вооруженных сил, включая в первую очередь их ядерный компонент (уверенное продвижение вперед «Манхэттенского проекта», а затем и демонстрация на жителях Хиросимы и Нагасаки превосходства ядерного оружия перед любым другим способом ведения войны), окончательно привели к переформулированию военной доктрины США и, как следствию этого, представлений о роли Америки в мире.

ГОТОВЯСЬ К СЛЕДУЮЩЕЙ ВОЙНЕ

Война представила в конкретных терминах уже сложившиеся, но все еще отвлеченные представления о том, какой должна быть военная стратегия США в войнах второй

половины XX века. Во всех крупнейших операциях стратегического значения в годы Второй мировой войны Рузвельт и военное руководство США исходили из общей генеральной установки на абсолютный приоритет технических средств. Затраты людских сил должны быть минимальными. Прочитируем только одно – подкупающее своей искренностью – место из дневниковой записи военного министра США Генри Стимсона, сделанной им после продолжительного совещания у президента 13 октября 1944 г. Обсуждались вопросы участия вооруженных сил США в боевых действиях на европейском континенте и в пред-

²⁵ Sherry M.S. *Preparing for the Next War*. P.42.

стоящих сражениях за Китай. Касательно прямого диалога с Рузвельтом Стимсон воссоздал его в следующих словах: «Я затем перешел к положению на театре военных действий в Китае и сказал, что ситуация делает абсолютно невозможным рассматривать использование американских солдат в боях с японцами на материковой территории Китая, что мы должны стремиться выиграть войну с помощью флота и авиации, а также используя эмбарго, если найдем это нужным. Президент сразу же сказал, что он согласен со мной и что он доволен тем, что выступил против адмирала Кинга, который намеревался атаковать китайский берег... Он полагает, что драться на материковом Китае мы должны предоставить русским»²⁶. Избегать высадки в Китае и Японии (и следовательно больших людских потерь) стало императивом для Вашингтонских стратегов.

Рузвельт и Трумэн в августе 1944 года (Prologue, v.26, №3, p.159)

Таким образом, президент Г.Трумэн действовал не вполне самостоятельно, когда отдавал распоряжение о нанесении атомных ударов по Японии. Война на Тихом океане и победа над империей микадо должны

²⁶ *Yale University Library, New Haven, Conn. Henry L. Stimson Diaries (далее – Stimson Diaries). Reel 9. October 13, 1944. P.5, 6.*

были оставаться «американским шоу», как это происходило и как на том настаивали военные. Выполнение «черновой работы» было отдано русским (нейтрализация Квантунской армии, операции на Сахалине и Курильских островах), а заключительный аккорд оставался за США. Ковровые бомбардировки Токио и других крупных городов Японии в мае 1945 г. достаточно убедительно продемонстрировали, каким сокрушительным он мог стать. Сам момент овладения секретом ядерного оружия и его ошеломляюще неожиданное использование над Хиросимой и Нагасаки были занесены президентом Г.Трумэном в книгу памяти человечества как кульминация всех усилий по разгрому агрессоров, не оставляющая никому надежд стать вровень с Америкой в военном отношении. Он сказал об этом словами заклинания: бомба, сброшенная на Хиросиму, «более чем в две тысячи раз превосходит по своей взрывной мощи британский "Большой шлем", который является самой большой бомбой, когда-либо использованной в истории войн»; она вообще вне постижения разумом, потому что «использует базовые силы мироздания»; Соединенные Штаты овладели инфернальной «силой, которая питает солнечную энергию»²⁷.

Командование военно-воздушных сил США восприняло эти заявления как руководство к действию. Суть новой стратегии безопасности оно видело в неограниченном наращивании ядерного оружия и совершенствовании средств его доставки (стратегическая бомбардировочная авиация и баллистические ракеты), дающих США право принять превентивные меры или даже одной только угрозой сокрушительного ответного удара – возмездия – вынудить потенциального противника отказаться от экспансии и планов внезапного нападения²⁸. Свое отношение к атомной бомбе как к идеальному оружию в наступательной и оборонительной войне (а также и в качестве средства активной дипломатии с целью достижения военно-стратегических преимуществ) выразили сразу же после окончания Второй мировой войны все высшие чины командования стратегической бомбардировочной авиации США в десятистраничном докладе – одном из первых документов истории холодной войны.

²⁷ *Public Papers of the President of the United States. Harry Truman, 1945. Washington, 1961. P.197.*

²⁸ *См.: Мальков В.Л. «Манхэттенский проект». Разведка и дипломатия. М., 1995. С.139; Sherry M.S. The Rise of American Air Power. The Creation of Armageddon. New Haven, 1987.*

Геоглобалистика

Подготовленный в октябре 1945 г. этот политический документ «заглядывал» далеко за горизонт, рассматривая весь обозначенный в его вводной части комплекс вопросов в долгосрочной перспективе вплоть до 1955 г. Имена его авторов говорили сами за себя – генералы Карл Спаатс, Хойт Ванденберг и Лорис Норстэд. Доклад визировал с высшей степенью одобрительной резолюцией командующий ВВС США генерал Г. Арнольд²⁹.

DECLASSIFIED
TOP SECRET

SPATZ BOARD REPORT

23 Oct. 1945

PROBLEM

1. To determine the effect of the atomic bomb on the employment, size, organization, and composition of the postwar Air Force.

FACTS BEARING ON THE PROBLEM

2. This study covers the general period from 1945 to 1955.

3. The tremendous implications of this force have necessitated the highest security measures; consequently an integrated program for the development and employment of this weapon has not been made by the Air Staff.

4. a. The atomic bomb has the capacity of utterly devastating an area of some four miles in area and may be expected to be increased in efficiency to where an area of ten miles or more can be destroyed.

b. The minimum weight and dimensions of the atomic bomb are now generally fixed for technical reasons and no major changes are expected in the near future.

c. At present, the B-29 is the most effective carrier available and the bomb has been tailored to the airplanes.

d. The bomb will normally be exploded in the air. Fusing for sub-surface action on land or sea has as yet not been developed.

e. The bomb is enormously expensive and definitely limited in availability.

- 1 -

TOP SECRET

DECLASSIFIED
DDD ltr.
8 Jan 88 Juse, WMA
By: [signature] Date: [signature]

Доклад Спаатса от 23 октября

²⁹ LC. Carl Spaatz Papers. Box 22. «Spaatz Board Report». October 23, 1945.

В содержательной своей части, изложенной в виде кратких тезисов, «доклад группы Спаатса» исходил из следующих постулатов.

Первое. Использование решающего преимущества США в войне – атомной бомбы – не подпадает ни под какие международно-правовые или двусторонние ограничения и, следовательно, должно рассматриваться исключительно как обычное средство ведения войны многоцелевого характера.

Второе. Владение атомной бомбой, по определению, предполагает готовность вести превентивную войну или войну-возмездие против мирного населения, как это делали англичане в 1939–1945 гг., ставя задачей не столько разрушение военных объектов, сколько подавление морального духа противника нанесением ударов по глубокому тылу.

Третье. Условия ведения атомной войны диктуют наличие военно-воздушных баз постоянного использования за пределами территории США. Они (эти базы) нужны и для наступательных действий, и для удержания противника на максимальном удалении от границ США³⁰.

Четвертое. США любой ценой должны сохранять свое превосходство в воздухе, используя с этой целью весь научный и технологический потенциал страны и не останавливаясь ни перед какими затратами и жертвами. Любые компромиссы в этой сфере (демобилизация и сокращение личного состава, ограничения вооружений по соглашению с другими странами) смерти подобны для страны.

Пятое. Фактор времени. Пока США обладают монополией на атомное оружие, «ни одна страна не рискнет начать против них войну», что дает возможность создать достаточный запас новейших атомных боеприпасов и тем самым надолго сохранить решающее преимущество при любом повороте событий. Создание же всемирной разведывательной паутины позволит своевременно «спланировать, если это будет необходимо, немедленные и действенные меры».

³⁰ *Вопрос об аэродромах передового базирования «в целях поддержания мира» после Победы прорабатывался совместно командованием ВВС США и лидерами американской экономики накануне окончания войны (См.: LC. Henry H. Arnold Papers. Box 10. General Correspondence 1939–1946. Bernard M. Baruch to Arnold. September 6, 1944). Но понимание того, что американские летчики никогда не покинут свои аэродромы на других континентах, пришло примерно тогда, когда впервые в 1942 г. Рузвельт заговорил об идее «четырех полицейских», т.е. о несении полицейских функций США и их союзниками для предотвращения реванша со стороны нацистской Германии и ее сателлитов.*

Речь шла, таким образом, не об отражении вражеского нападения, а, очевидно, о мерах, его упреждающих, так сказать, профилактических. Допускалась, следовательно, возможность нанесения превентивного атомного удара по объектам «возможного противника», чьи намерения могли быть признаны агрессивными. Не здесь ли кроется причина затяжного молчания советских властей после испытания атомной бомбы под Семипалатинском в августе 1949 г.: своим ликованием Сталин, возможно, опасался (и не без оснований) спровоцировать США на молниеносный удар по атомным объектам СССР и их разрушение³¹.

Профессионально корпоративный интерес начальствующего состава армии, флота и ВВС США, а также работающего с ним в тесном контакте нового комплекса атомной индустрии (включая, разумеется, его научный сегмент) разворачивал их в сторону признания за атомной бомбой статуса конвенционального, обычного оружия. Его накопление и использование не вносит революционных изменений в правила ведения войны³² и, стало быть, не влечет никаких последствий для планов инициативных действий. Испытания на атолле Бикини (Маршалловы острова) в 1946 г. прибавили уверенности в своей правоте всем сторонникам атомной бомбы, беспокоившимся о запрете ее по образцу, скажем, химического оружия, поставленного вне закона Женевской конвенцией 1925 года³³. Важный аргумент в полемике с «гуманитариями» они дали К.Спаатсу, к тому времени несшему всю полноту ответственности за психологическую подготовку ВВС США к атомной войне. В специальном послании военному министру Роберту Паттерсону от 4 октября 1946 года он потребовал сделать все, чтобы покончить с нетерпимой ситуацией, в которой оказались Соединенные Штаты в результате «дикого преувеличения потенциала атомной бомбы» и распространения в связи с этим «паники, поражения и нездоровой общественной морали». Последствия всего этого, заключал он, будут иметь отрицательное значение для «твердого и уважительного по отношению к самим себе подхода к внешнему ми-

³¹ Gaddis J.L. *The Cold War. A New History*. N.Y., 2005. P.56; *Idem. The Long Peace. Inquiries into the History of the Cold War*. N.Y., 1987. P.106.

³² Sherry M.S. *Preparing for the Next War*. P.212.

³³ Holloway D. *Stalin and the Bomb. The Soviet Union and Atomic Energy. 1939–1956*. N.Y., 1994. P.162, 163.

ру»³⁴. В Пентагоне бегство ученых-атомщиков с военных объектов расценили как следствие упорно ходящих слухов о достижении договоренностей с Москвой о приостановлении всех работ по атомному оружию и последующем его запрете, выведении из арсенала войны. Военная партия принимала свои контрмеры с целью «оздоровления общественной морали».

Планировщики в Пентагоне предпочитали доверять не столько реальным данным разведывательного мониторинга о намерениях советского политического и военного руководства в отношении Европы, Средиземноморья, Балкан, Ближнего и Среднего Востока, сколько прогнозам, построенным на простейших подсчетах количества дивизий, стоящих друг против друга в центре Европы. Американский историк Джон Гэддис в своей последней работе по истории холодной войны пишет: «Встревоженные фактом преобладания войск Красной Армии в Европе над малочисленным контингентом солдат Соединенных Штатов и их союзников, планировщики Пентагона не имели другого выбора, кроме как предполагать, что Верховный главнокомандующий (Г.Трумэн. – В.М.) даст приказ использовать атомное оружие, если Советский Союз проявит намерение оккупировать ту часть континента, которая была еще не подвластна ему»³⁵.

³⁴ LC. Carl Spaatz Papers. Box 256. Spaatz to Robert P. Patterson. October 4, 1946. – Протест генерала К. Спатца против морального разоружения нации, скорее всего, был вызван не только появлением первых признаков неблагоприятной реакции на атомное оружие вроде напущенной книги йельского ученого Бернарда Броди «Абсолютное оружие» (Brodie B. ed. *The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order*. N.Y., 1946), но и не вполне определенной политикой президента Трумэна и государственного секретаря Джеймса Бернса. Они слишком вяло откликнулись на предложения «ястребов» сжечь все мосты в переговорах с русскими о международном контроле над производством и использованием атомного оружия и перестать думать о компромиссах со Сталиным (См.: Messer R.L. *Paths Not Taken: The United States Department of State and Alternatives to Containment, 1945–1946* // *Diplomatic History*. Fall 1977. P. 297–319). Послание Спатца Паттерсону своим непримиримым духом по отношению к «умиротворителям», запугивавшим общество картинами «ядерной зимы», свидетельствовало о переломе в настроениях вашингтонских высших кругов летом 1946 г. Возникшая, по их мнению, угроза Турции, всему Ближнему Востоку и Средиземноморью со стороны СССР достигла высшего накала (Mark E. *The War Scare of 1946 and Its Consequences* // *Diplomatic History*. Summer 1997. P. 383–415).

³⁵ Gaddis J.L. *The Cold War. A New History*. P. 55.

Сказано было весьма дипломатично, хотя, как следует понимать маститого автора многих работ по истории холодной войны, вооруженные силы США играли скорее пассивную, нежели активную роль в национальной мобилизационной кампании по отражению ожидаемого советского нападения. Между тем именно они являлись основным источником расхожей идеи допустимости быстротекущей атомной войны, безболезненности ее последствий для США в случае принятия своевременного решения о ее начале и особой ответственности политиков за промедление. К ним примкнула большая группа гражданских лиц из промышленности, бизнеса и академической науки, объединенных влиятельной неправительственной организацией «Американские исследования стратегических бомбардировок» (*US Strategic Bombing Survey in the Pacific*)³⁶. Главной своей задачей эта организация считала «демистификацию атомной бомбы», тщательное изучение реального физического эффекта атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, перевод его на язык бесстрастных цифр. Такой подход призван был очистить сознание американцев от излишне эмоционального восприятия, мешающего видеть в атомной бомбе обычное оружие, чья убойная сила не превышает ту, что была обрушена на города Германии и Японии и в свое время не вызвала ни у кого угрызений совести. Природа войны ничуть не изменилась вследствие появления атомного оружия, и люди по-прежнему должны относиться к ней как к чему-то естественному, неизбежному и неустраняемому.

Трагедия Чехословакии, Польши, Бельгии, Дании, Норвегии и Франции, «предательство» Сталина в 1939 году, картина Перл-Харбора стали духоподъемным политическим фольклором для сторонников милитаристского курса, использовавших образ «воссозданного врага» в целях оправдания безостановочного наращивания ядерной составляющей армии США. Оппонентов такого курса зачисляли в категорию вольных или невольных пособников подкрадывающейся опасности или недалековидных искателей путей к примирению и разоружению сторон. Военные ведомства посредством пресс-релизов, военные обозреватели и участники многочисленных слушаний в Кон-

³⁶ О деятельности этого экспертного сообщества во главе с громко заявившим о себе политике П.Нитце по пропаганде «здорового образа мысли» в связи с атомной бомбой см. подробнее: Talbot S. *The Master of the Game. Paul Nitze and the Nuclear Peace*. N.Y., 1988. P.33–39.

грессе, Голливуд в своих пугающих фильмах-прогнозах, всю используя исторический материал, поспешили с ответом политическим оппортунистам: слабость провоцирует агрессора, сила действует на него отрезвляюще.

Американская «идеологическая мобилизация», как позволил себе выразиться по поводу кампании готовности к «последней» войне публицист Питер Новик, самым непосредственным образом затронула весь спектр представителей исторической профессии и в особенности военно-исторического и геополитического направлений. «Тотальная война, – заявил в своем докладе съезду Американской исторической ассоциации в 1949 году ее президент К.Рид, – будь она горячей или холодной, касается каждого и призывает всех до единого принять на себя ее бремя». Мерл Керти, основоположник американской интеллектуальной истории, возглавлявший тогда «испорченное» меньшинство американских обществоведов, назвал эту речь К.Рида «ужасающей»³⁷. Однако многообещающая молодая поросль историков и политологов, уже вскоре достигшая вершин политического влияния (А.М.Шлезингер-мл., Г.Киссинджер и др.)³⁸, была склонна думать о немыслимом и поддержать выбор в пользу силовой акции и ограниченной ядерной войны в случае дальнейшего расширения советской экспансии в Европе. Голос критиков, вопрошавших о цене победы в *реальной* ядерной войне, тонул в хоре авторов стратегических оценок, непременно сулящих успех, если выгоды и преимущества атомного монополиста не будут растрчены впустую, в бесконечных поисках золотой середины между военной целесообразностью и христианской моралью.

Проблема изменения баланса сил в результате ожидаемой впереди ликвидации атомной монополии привела к появлению в недрах военного сообщества и внешнеполитического истеблишмента суммы рискованных идей, инкорпорированных в такую трактовку доктрины «сдерживания» (1946 г.), которая принципиально расходилась с той, что принадлежала ее автору – Джорджу Кеннану. Получил признание взгляд, что понятия «оборона» и «безопасность» в своем традиционном употреблении лишены смысла перед лицом скрытно вынаши-

³⁷ Цит. по: Sherry M.S. *In the Shadow of War*. P.162.

³⁸ Kissinger H. *Nuclear Weapons and Foreign Policy*. N.Y., 1957; Schlesinger A. Jr. *The Vital Center: The Politics of Freedom*. Boston, 1949.

вающего свои экспансионистские планы вероломного и безжалостного агрессора. Утверждалось, что если страна, наученная горьким опытом войн XX века, не готова нанести опережающий удар до того, как она сама подвергнется нападению, то ее нельзя считать способной к эффективной самозащите. Военные специалисты, газетные таблоиды и серьезные издания, а также телевидение формировали склонность видеть ситуацию строго в одном и том же контексте. А именно: враг у ворот, повышенная готовность пустить в ход атомное оружие отрезвляюще действует на поджидающего своего часа нового врага, но, коль скоро и это может оказаться недостаточным, не следует останавливаться перед крайней мерой³⁹. Именно эти упования на одномоментную и технически безукоризненно подготовленную и проведенную операцию опережающего атомного удара Кеннан позднее назовет «готовностью совершить самоубийство из-за страха смерти»⁴⁰.

Фрустрацию вызывала и неожиданная жесткость советской политики. Отрезанная от ленд-лиза Россия в считанные годы удвоила свой военно-промышленный потенциал. Упорное толкование советским правительством в свою пользу Ялтинских соглашений, обострение с осени 1945 г. отношений между США, Англией, с одной стороны, и Советским Союзом – с другой, по иранскому и польскому вопросам⁴¹, нестабильность переходных режимов в западноевропейских странах, возможность прихода в них к власти просоветских сил по принципу домино⁴² и, наконец, цепь шпионских скандалов сделали сознание прагматичных американцев не расположенным строить долгосрочные планы добрососедства с фактически подчинившими себе пол-Европы Советами. Постоянное внимание советологии к теме нового тоталитаризма, красного террора возвращало американцев к ночным кошмарам нацистского покорения Европы и концлагерей. Культурный и психологический мейнстрим дал себя знать в ожившей подозрительности относительно намерений Советского Союза и его руководства,

³⁹ Mark E. *Op. cit.* P.387. См. также: Leffler M.P. *A Preponderance of Power. National Security, the Truman Administration, and the Cold War.* Stanford, 1992. P.110–114.

⁴⁰ Kennan G. *On Nuclear War* // *The New York Review of Books.* January 21, 1982. P.12.

⁴¹ Егорова Н.И. «Иранский кризис» 1945–1946 гг.: взгляд из российских архивов // *Холодная война. Новые подходы, новые документы* / Отв. ред. М.М.Наринский. М., 1995. С.294–314.

⁴² Mastny V. *Russia's Road to the Cold War: Diplomacy, Warfare and the Politics of Communism, 1941–1945.* N.Y., 1979.

родившийся страх перед русскими вытеснял страх перед бомбой. Ужасный убийца жителей японских городов 1945 года светлел, превращаясь в щит Республики. Военные достигли невиданного пика популярности параллельно с фаталистической верой, пишет М.Шерри, в технологический детерминизм так, как будто уже не люди, а бомба определяла курс мировой политики. «Военные руководители, – продолжает он, – рисовали дело таким образом, что уже в самом начале войны Советский Союз будет уничтожен в результате атомных ударов»⁴³.

Новое испытание, турецкий кризис лета и осени 1946 г.⁴⁴, показал, как пишет Э.Марк, что США в этот момент не только «начали планировать войну с Советским Союзом», но и согласовали с Великобританией «частности». Войну предполагалось вести, используя главным образом атакующие возможности флота стратегической авиации, не имеющего аналога по мощи и в количественном, и в качественном отношениях («План Пинчер»)⁴⁵. Фактически это означало проведение оперативной подготовки (включая и психологическую) к превентивной атомной войне, к «большому шоу», которое военные деятели всех родов войск ожидали «очень скоро»⁴⁶. Анализируя штабные документы «военной тревоги 1946 г.» и констатируя при этом их нацеленность на подавление советских центров индустриального и научно-технического прогресса, исследователи, как правило, не фиксируют внимания на очень важном и, может быть, определяющем моменте штабных игр, проводимых по линии военных ведомств США и Англии. Его суть в следующем. График развертывания американо-английских приготовлений и выход на «ударную позицию» привязывался жестко к расчетному времени ожидаемой реализации советского атомного проекта, завершения его экспериментальной фазы и перехода к накоплению ядерного потенциала. Предполагалось, что на

⁴³ Sherry M.S. *In the Shadow of War*. P.127, 130.

⁴⁴ Советское правительство в ноте турецкому правительству от 7 августа 1946 г. сделало ряд заявлений об изменении режима Черноморских проливов и об озабоченности Москвы безопасностью южных рубежей СССР. В Вашингтоне и Лондоне расценили эти требования как ультиматум и начало военной акции СССР по присоединению части территории Турции.

⁴⁵ Mark E. *Op. cit.* P.387.

⁴⁶ *Ibid.* P.393, 397.

это у СССР должен уйти отрезок времени в 6–7 лет (т.е. к 1952–1955 годам), и, следовательно, неожиданное появление осенью 1949 г. советского «изделия» внесло серьезные изменения в первоначальные планы и расчеты «стратегической воздушной войны» за ресурсы Евразии⁴⁷. Главное – геостратегический баланс, привычный для военных и политических планировщиков в Вашингтоне и позволяющий, в сущности, не рискуя ничем, принимать решение о применении атомной бомбы, перестал существовать.

Но и без утерянных преимуществ, удержание разницы военных потенциалов путем опережающего наращивания атомного, а затем и термоядерного потенциала позволяло извлекать существенную политическую выгоду. Используя ее как средство дипломатического торга и устрашения, США и их союзники рассчитывали на многое. Оказалось возможным повесить бремя дополнительных расходов на экономику СССР; оказать серьезное психологическое давление на левых и на их сторонников в странах, оказавшихся в положении предреволюционного кризиса; дать передышку консервативным силам, укрепляя их уверенность в себе и в надежности прикрытия. Все эти вопросы в общих чертах «проговаривались» Рузвельтом и Г.Стимсоном еще на заключительном этапе войны, начиная с октября 1944 г.⁴⁸ В любом случае в сохранении лидирующей роли США в гонке атомных вооружений теперь видели инструмент экономического давления и даже залог устойчивого развития международно-правовых институтов

⁴⁷ См.: *National Archives. Record Group 226. Office of Strategic Services (далее – NA. RG 226. OSS). Entry 190, Folder 1562, Box 495. J.I.C. 342/2, 27 March 1946. «Report by the Joint Intelligence Committee. British Capabilities vs the USSR».* – Э.Марк в своей статье цитирует похожие документы, но в данном случае мы сталкиваемся с планированием атомного удара по СССР без увязки с «турецким кризисом». Последний, как известно, осенью 1946 г. полностью исчерпал себя, не оставив никаких следов, кроме недвусмысленного вопроса историков к самим себе: «Что это было?» В последнем своем обобщающем исследовании по истории холодной войны Джон Гэддис говорит об этом эпизоде как всего лишь о попытке Сталина оказать давление на Турцию предъявлением ей «территориальных претензий» и их отклонении Анкарой при решительной поддержке США и Англии (*Gaddis J.L. The Cold War. A New History. P.28*).

⁴⁸ См.: *Stimson Diaries. Reel 9. December 31, 1944, P.5; February 13, 1945. P.2; February 15, 1945. P.1, 2 ets.*

нового времени, социального спокойствия и согласия⁴⁹. Командование армии США, военно-морского флота и особенно ВВС самостоятельно апеллировало к общественности, администрации и Конгрессу, напоминая об уроках «умиротворения» 30-х годов, которые сопровождались высоким накалом социальной напряженности и ростом радикального экстремизма. Уильям С. Парсонс, один из создателей атомных бомб, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки, а после войны руководитель отдела атомного оружия штаба военно-морских сил США, в одном из своих писем высказался в поддержку формулы Арнольда «Атомная бомба – все, обычное оружие – ничто». «До тех пор, пока человечество не создало международного органа, – писал он 12 марта 1947 г., – достаточно сильного, чтобы осуществить контроль за джином, выпущенным из бутылки в Аламогордо, мы должны держать наш порох сухим. Только сильные Соединенные Штаты могут оказать достаточную поддержку миротворческой структуре Объединенных Наций во время трудного периода перехода, в ходе которого мировые лидеры могут спокойно заняться выработкой основ миропорядка»⁵⁰.

Генерал Карл Спаатс, занявший пост командующего ВВС, совсем в духе первой части нибуровского постулата «сила против зла», полагал необходимым сохранять полную свободу маневра. За военными оставалось преимущественное право выбора момента для нанесения

⁴⁹ Herken G. *The Winning Weapon. The Atomic Bomb in the Cold War*. N.Y., 1980. P.167. – Согласие в данном случае следует понимать расширительно, включая и согласие в обществе. Для Европы и Азии на заключительном этапе Второй мировой войны и в первые послевоенные годы было характерно проявление симпатий к Советскому Союзу. «В общественном сознании, – писал в письме Г. Трумэну 10 мая 1945 г. крупнейший американский финансист и государственный деятель Бернард Барух, – русские становятся защитниками всех тех, кто в планетарном масштабе является обиженными и угнетенными» (Princeton University Library. Mudd Manuscript Library. Bernard M. Baruch Papers. Box 28. Baruch to H. Truman. May 10, 1945). Атомная бомба как результат американской технологической революции призвана была противостоять силам перемен и социальной революции. Только самая развитая в мире экономика и наука способны были оказать разоренной войной Европе ощутимую помощь и защиту, поскольку «ответственность и сила находятся в прямой взаимосвязи». Так формулировался экспортный вариант обновленного американизма.

⁵⁰ LC. William S. Parsons Papers. Box 1. Parsons to Lysbeth W. Muney, March 1947.

первого внезапного атомного удара по крупным промышленным центрам СССР с выводом из строя системы управления страной, транспортных коммуникаций, морских и океанских терминалов, ресурсной базы. Если оружие сделано, его следует пустить в ход. Все звенья иерархической лестницы ВВС разделяли эту точку зрения. План атомной войны, утвержденный Спаатсом в декабре 1946 г., обладал свойством билета с открытой датой, его неоднократно продлевали, сохраняя одновременно в условиях абсолютной секретности. Все распоряжения отдавались только в устной форме⁵¹. Было также совершенно очевидно, что командование стратегической авиации США подстраховало себя, предусмотрев не только возможность обращения к способу «окончательного решения вопроса», но и отчетливо видя препятствия, способные помешать этому. К ним отнесены были разногласия в политическом классе США; изменения в политике Советского Союза; способность лидеров Запада «адекватно» и без колебаний отвечать на угрозы предупредительными мерами; технические трудности, связанные с созданием системы передового базирования для бомбардировщиков, несущих атомные заряды; и, не в последнюю очередь, готовность американского народа к принятию на себя морального груза повторения Хиросимы.

Фон, на котором проходила разработка всех этих хладнокровно обдуманных планов третьей мировой войны, – маккартизм, ксенофобия, антикоммунизм, гонения на рузвельтовских либералов, шельмование имени Рузвельта, мнимые и реальные факты проникновения советских агентов на секретные атомные объекты, их громкие провалы, тесты на лояльность. Люди, погруженные в мир нейтронов и мезонов, всю войну занимавшиеся «самым важным государственным делом», воспринимали все это как данность, в меру неприятную и тревожную, но и в меру неизбежную. Главная беспокоящая и для очень многих травмирующая неожиданность – пространство «сво-

⁵¹ *Leffler M. Op. cit. P.113; Mark E. Op. cit. P.406.* – Генерал Д.Эйзенхауэр, в то время председатель Объединенного комитета начальников штабов, полагал, что стратегическое планирование США должно исходить из признания атомного оружия базовым преимуществом американских вооруженных сил и предусматривать его использование в случае войны в первую очередь (*Erdmann A.P.N. «War No Longer Has Any Logic Whatever»: D.D.Eisenhower and the Thermonuclear Revolution // Cold War Statesmen Confront the Bomb. Nuclear Diplomacy since 1945 / Ed. by J.L.Gaddis et al. N.Y., 1999. P.95).*

бодного мира» продолжало сужаться. Лидер Запада У.Черчилль, к мнению которого в этой среде было принято прислушиваться, утверждал, что только атомная бомба защитит Запад от наступления советского коммунизма. Другой, не менее уважаемый англичанин, философ Бертран Рассел, человек высокой морали и лучших побуждений, фактически напрямую обратившись к ученым-ядерщикам США и Англии, в своей статье «Ценности атомного века» попросил их не поддаваться разного рода комплексам по поводу вполне допустимых роковых, но необходимых решений. «...Только война способна предотвратить всеобщую победу коммунизма...»⁵².

Общая обстановка сделала позицию и эмоциональный настрой части верхнего эшелона ученых-ядерщиков почти неотличимыми от этоса военных. Раздумья о будущем обретали характер кризисного мышления. Война неизбежна. Правительство не должно поддаваться соблазну найти общий язык с русскими путем замораживания накопленного атомного оружия, приостановки исследований и замораживания атомного арсенала. Недопустимо принятие на себя любых обязательств, которые затруднили бы мгновенное реагирование Запада на вероломство Кремля.

Могло случиться, что из всех возможных ответов на неоспоримые признаки угрозы нападения останется один. И тогда сомнений быть не может: страна должна быть готова «использовать оружие того типа, которое было пущено в ход в конце прошлой войны», – писал 3 января 1947 года в письме военному министру Роберту Паттерсону Ванневар Буш. Далее он продолжал, касаясь наиболее чувствительного нерва внутренней полемики: «Сегодня существует общее понимание, как я полагаю, что мы не можем готовиться только к обороне, стремясь обезопасить себя от нападения. Мы должны быть готовы к

⁵² Russell B. *Values in the Atomic Age // The Atomic Age / By M.L.Oliphant et. al. London, 1949. P.81–104.* – *Ход мыслей Рассела совпадал до мелочей с ходом мыслей ученых-ядерщиков в СССР, именно в этот момент упорно работавших над созданием советской атомной бомбы. Но они стремились отвести угрозу «империалистического реванша». А.Д.Сахаров в одном из последних своих интервью в Японии в 1989 году говорил: «...Наше участие в его разработке (речь идет об атомном проекте СССР. – В.М.) не было преступным. Это оружие сыграло свою роль в удержании современного мира в равновесии, предотвратило возникновение обычной войны» (Сахаров А. «Всякое мессианство должно быть исключено» // *Россия в глобальной политике*. 2006. № 4. С.61).*

мгновенному контрудару превосходящими силами, если мы не хотим, чтобы какой-либо агрессор напал на нас. Конечно, когда возникнет подобная ситуация, мы должны располагать соответствующей ударной силой, обеспеченной новейшим оружием и подготовленной наилучшим образом, что предполагает атомные бомбы, самолеты, способные их транспортировать, а также наличие баз там, где это необходимо, средств связи и всего остального»⁵³.

Одним из самых последовательных и решительно настроенных сторонников использования внеконкурентных позиций США в сфере новейшего (атомного) оружия поначалу был Джеймс Конант. Он шел дальше всех в стремлении предупредить «новый Мюнхен», добиваясь двойного и тройного военного преимущества США. Еще в 1940 году (как мы видели) Конант писал о необходимости взять на вооружение «экспансионистскую» политику с тем, чтобы после поражения Германии (Конант был ярким сторонником вмешательства в европейский конфликт) «создать новый мировой порядок», управляемый международной ассамблеей. В ней, по мнению Конанта, «США должны иметь более пятидесяти процентов голосов», а в «сферу влияния» США в интересах международной безопасности необходимо было «включать более половины цивилизованного мира». Их внешняя политика должна следовать «исключительно национальным целям», что в состоянии обеспечить только непреклонное, преследующее собственные интересы, эгоистическое политическое мышление⁵⁴.

Цена, которую придется заплатить за привилегии быть великой державой, говорил Конант в преддверии вступления США во Вторую мировую войну, – «желание и способность драться, когда это необходимо»⁵⁵. Окончание войны, радикальное изменение всей международной обстановки приводят его к выводу, что неизбежными становятся противостояние и гонка ядерных вооружений, логика которых приведет либо к превентивной войне против СССР («атомный супер-блиц»)⁵⁶, либо к использованию тактического ядерного оружия для

⁵³ LC. Robert P. Patterson Papers. Vannevar Bush to Patterson. January 3, 1947.

⁵⁴ Hershberg J.G., James B. Conant. P.132.

⁵⁵ Sherry M.S. In the Shadow of War. P.44.

⁵⁶ Hershberg J.G., James B. Conant. P.494, 495, 539. – Мысль о создании термоядерной бомбы, чтобы не дать России догнать США, была высказана Конантом в его письме В.Бушу 9 мая 1945 года. В 1949 году Конант изменит свое мнение.

отражения внезапной атаки наземных сил Советского Союза и его союзников в Европе. Однако, оставаясь сторонником «атомной самообороны», Конант не разделял энтузиазма Э.Теллера и поддерживавших его ученых и «догматических» военных в отношении водородной бомбы. Нужна ли она? Не приведет ли она к абсурдной диспропорции между предположениями о целесообразности ее применения и ужасающим по своим последствиям результатам? «Водородной бомбой нельзя выиграть войну, но можно разрушить мир». К варианту нанесения превентивного удара глобальной мощности с воздуха после семипалатинского испытания Конант вообще относился крайне сдержанно, открыв для себя, что обмен такого рода ударами ничего не даст. Планируя гибель Москвы и Ленинграда, говорил он, нужно быть готовым принести в жертву Нью-Йорк и Вашингтон⁵⁷.

Никто как будто бы не хотел расставаться с идеей уравнивания ядерного и обычного оружия, но у стратегии атомных ковровых бомбардировок нашлось (помимо Конанта и Оппенгеймера) много несогласных, полагававших, что следует «вернуть битву снова на поля сражений», локализовав ее в пределах театра военных действий. Этот транзит – от ядерного блицкрига к тактическому ядерному оружию позиционной войны и частичному признанию негарантированности полного успеха удара «на опережение», – занявший примерно 5–6 лет, вместил в себя череду событий и кризисов, по всем меркам едва ли не каждое или каждый из которых могли быть использованы в качестве повода для прямого военного столкновения двух сверхдержав послевоенного мира со всеми вытекающими отсюда последствиями. Среди важнейших факторов возникших рисков военного противостояния между СССР и его западными партнерами по «Большой тройке» особое место занимали ситуация в Восточной Европе⁵⁸ и резкое обострение ситуации в Азии после победы революции в Китае в октябре 1949 г. Корейская война, начало войны в Индокитае легко

⁵⁷ Hershberg J.G., James B.Conant. P.591.

⁵⁸ См. подробнее: Волокитина Т.В. Сталин и смена стратегического курса Кремля в конце 40-х годов: от компромиссов к конфронтации // Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы / Отв. ред. А.О.Чубарьян. М., 1999; Гибианский Л.Я. Проблемы Восточной Европы и начало формирования советского блока; Он же. Форсирование советской блоковой политики // Холодная война 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива / Отв. ред. Н.И.Егорова, А.О.Чубарьян. М., 2003. С.105–186.

могли перерасти в полномасштабную войну между двумя сверхдержавами. Февральский кризис в Чехословакии и блокада Берлина (1948), кризис вокруг островов Куэмой и Матсу (1954–1955), Суэцкий кризис (1956), последовавшее вслед за ним вторжение США в Ливан (1958), второй Берлинский кризис (1958–1959) – вот далеко не полный перечень эпизодов в этом цикле холодной войны, когда мир в очередной раз буквально застыл в ожидании «самопроизвольного» начала ядерной войны.

Страхи и ожидание перерастания всех этих тлеющих очагов возгорания в открытое военное столкновение глобального масштаба были сняты, как пишет американский историк М.Леффлер, благодаря благоразумию, прозорливости западных политиков и слабости Советского Союза⁵⁹. Оставим вопрос о слабости Советского Союза. Наверное, следует в этом отношении прислушаться к мнению Черчилля и Эйзенхауэра⁶⁰. А вот о благоразумии политического руководства США следует сказать особо. В самом обобщенном виде, представленном ведущим американским авторитетом в области военной истории эпохи ядерного оружия Дэвидом Розенбергом, степень вероятности возникновения ядерной войны была выражена следующим образом: «Стратегические планы союзников (стран американско-английского блока. – В.М.) после окончательной их подработки к 1948–1949 гг. замыкались на атомном воздушном нападении с использованием аэродромов передового базирования, расположенных на евразийской периферии, а также на территории Соединенных Штатов и нацеленных преимущественно на индустриальные объекты Советского Союза, что и составляло суть главной западной стратегической инициативы»⁶¹. Отвечая на поставленный самой историей вопрос, как относились к применению атомного оружия после Хиросимы те, кто призван был принимать окончательное решение, и в первую очередь президент США, другой видный историк холодной войны Джон Гэддис обращает внимание на то, как быстро прошел шок от удара 6 августа 1945 года. Он приводит в пример слова У.Черчилля, который, находя «физический эффект Хиросимы ужасным, не высказал сомнений в

⁵⁹ Leffler M.P. *A Preponderance of Power*. P.218.

⁶⁰ Erdmann A.P.N. *Op. cit.* P.95.

⁶¹ Rosenberg D.A. *The History of World War III, 1945–1990: A Conceptual Framework // On Cultural Ground. Essays in International History / Ed. by R.D.Johnson. Chicago, 1994. P.201.*

ЭВОЛЮЦИЯ ИМПЕРСКОГО МЫШЛЕНИЯ

разумности использования атомной бомбы против Японии или угрозы применения ее в назревающем конфликте с Советским Союзом. Его он с уверенностью предвидел. Бомба, по убеждению Черчилля, могла оказаться *единственным* оружием, с помощью которого западные демократии способны были остановить Советский Союз от попытки захватить Европу»⁶².

Наверное американцы знали, что делали, когда решили назвать плутониевую бомбу, сброшенную на Нагасаки 9 августа 1945 г. «Толстяком» («Fat Man»). В честь Уинстона Черчилля.

(Окончание следует)

⁶² Gaddis J.L. *Conclusion // Cold War Statesmen Confront the Bomb*. P.261.

Леонид Фридман

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ
И КАВКАЗ
В МИРОВОМ
ЭКОНОМИЧЕСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ***

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

The author examines positions of Central Asian and South Caucasus countries as well as states adjacent to these countries occupy in the world. The author supports his interpretation with analysis of the latest data on absolute and relative (in per capita terms) GDP calculated on the basis of purchasing power of currencies. The adduced materials give evidence of the fact that in circumstances of independent development and reconstructive economic growth, under impact of deep economic crisis these countries did not converge. On the contrary, they increasingly came off within global social and economic space. A particular attention is paid to social consequences of economic dynamics including main characteristics of majority of these countries' populations. For this purpose per capita consumption indicators are examined (per capita consumption of the most qualitative foodstuffs, i.e. meats, fish, milk, eggs and sugar) as well as indicators of population provision with durable goods. Situation in the sphere of popular education is examined primarily on the basis of data on development of higher education. The similar examination of public health is done on basis of data on dynamics of infant mortality, aggregate per capita expenses on medical services and comparison on these data with cumulative economic characteristics.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект №06-02-02062а).

Появление на карте мира новых независимых государств стало одним из результатов кризиса и распада СССР. Это привело к глубокому геоэкономическому и геополитическому сдвигу, все значение которого может быть осознано лишь со временем. Надежды на частичную экономическую реинтеграцию бывшего советского пространства, конечно, существуют, но пока откладываются на все более неопределенное будущее.

Каждое из суверенных государств Центральной Азии и Кавказа самостоятельно налаживает хозяйство и внешнеэкономические связи, стремится определить свое место в геоэкономическом пространстве и на «великой шахматной доске» мировой политики. При этом выработка оптимального внутри- и внешнеэкономического, а также внешнеполитического курса, о какой бы стране ни шла речь, предполагает объективную оценку ее реальных возможностей, в том числе и, пожалуй, в первую очередь, требует количественной характеристики экономического (а значит – политического и военного) потенциала, состояния людских ресурсов и т.д.

Сравнительные размеры и уровни экономического развития стран Центральной Азии и Южного Кавказа по результатам раунда международных сопоставлений 2005 года

В качестве агрегированного показателя, отражающего результаты хозяйственной деятельности населения страны, как известно, используется валовой внутренний продукт (ВВП) и его модификации: валовой национальный продукт (ВНП), а также валовой национальный доход (ВНД). Абсолютная величина этих индикаторов дает представление об «экономических размерах», экономическом потенциале, экономической мощи каждого государства. В свою очередь, показатели ВВП в расчете на душу населения позволяют (конечно, огрубленно, так сказать, в первом приближении) определить положение страны на шкале мирового развития, т.е. сравнительный уровень ее экономического развития.

При сравнении ВВП различных стран используются два основных метода расчетов. Первый из них основан на использовании обменных курсов различных валют, которые и в прошлом, и сейчас постоянно

менялись и меняются под воздействием многих, в том числе и случайных, внутренних и внешних факторов. При этом они зависели и зависят главным образом от соотношения цен на товары и услуги, проходящие по каналам внешней торговли. Но роль внешней торговли, ее удельный вес в ВВП разных стран далеко не одинаковы.

В больших странах, где имеются широкие возможности для диверсификации экономической деятельности, при прочих равных условиях, обычно производится гораздо более разнообразная номенклатура товаров и услуг, чем в малых странах со сравнительно немногочисленным населением. Поэтому, как правило, удельный вес внешней торговли в больших странах (при прочих равных условиях) ниже, чем в малых государствах, которые не производят столь же широкую гамму конкурентоспособных товаров. А это, в свою очередь, означает, что валютные курсы, отражающие главным образом соотношение цен на товары и услуги, проходящие по каналам внешней торговли, не могут точно определить соотношение цен на все товары и услуги, производящиеся в сравниваемых странах. И чем больше различия между странами, будь то по их величине или по общему уровню экономического развития, тем значительнее может оказаться «разрыв» между валютными курсами этих стран и реальным соотношением цен на все производящиеся в них товары и услуги. Такой разрыв оказывается особенно значительным в тех случаях, когда речь идет о сопоставлении ВВП стран, находящихся на далеко не одинаковых уровнях экономического развития, т.е. развитых и развивающихся стран.

Для того, чтобы преодолеть этот недостаток, еще в конце 60-х и в 70-х годах прошлого века, сначала через пять, а теперь и через каждые три года проводятся очередные раунды Программы международных сопоставлений (International Comparison Program – ICP), осуществляемой под эгидой ООН (Далее – ПМС). В итоге размеры всего ВВП и ВВП на душу населения рассчитываются не только по обменным курсам, но и по «паритетам покупательной способности» (ППС) валют, причем в качестве единой валюты используется американский доллар. Все соответствующие показатели рассчитываются либо в текущих долларах, либо в «постоянных» долларах какого-либо, выбранного в качестве базового, года. В последнем случае снимается проблема учета изменений во времени покупательной способности самого американского доллара.

В декабре 2007 года были опубликованы предварительные результаты последнего раунда этой программы, проведенного в 2005 году.

Значение полученных материалов тем более велико, что в рамках раунда 2005 года впервые официально приняли участие Китай и некоторые другие развивающиеся страны, включая и Индию, которая в последний раз участвовала в раунде 1985 года. Новые данные по многим странам существенно отличаются от тех расчетов и оценок их ВВП, которые фигурировали ранее в таких широко известных публикациях Всемирного банка и Международного валютного Фонда, как например World Development Indicators, World Development Report, World Economic Outlook и др.

Ниже, в таблице 1, приводятся данные о ВВП и ВВП на душу населения, полученные в итоге раунда сопоставлений 2005 года, а также прежние оценки ВВП на 2005 год, по странам Центральной Азии и Кавказа, равно как и странам их «ближнего зарубежья» (Индия, Иран, Китай и Турция), составляющим историко-географическую среду этих регионов. Мы приводим соответствующие показатели и по США, поскольку эта страна стремится расширить свое влияние в Центральной Азии и на Кавказе.

Прежде чем переходить к анализу таблицы 1, необходимо отметить, что Туркмения и Узбекистан не принимали участие в раунде 2005 года, поэтому приведенные в таблице цифры по указанным странам являются оценками экспертов ПМС. Как видно из этих данных, страны Центральной Азии и Кавказа различаются по всем основным базовым характеристикам: страны Южного Кавказа меньше, а государства Центральной Азии больше. Доминирующее положение в регионе по таким важнейшим индикаторам, как территория, численность населения и величина ВВП, занимает Российская Федерация. Но даже если рассматривать только страны Центральной Азии и Кавказа, то оказывается, что территория Казахстана превышает территорию Армении в 90 раз, население Узбекистана больше населения Армении в 8,5 раз, а ВВП Казахстана, рассчитанный по ППС валют, в 14,8 раза больше аналогичного показателя по Кыргызстану.

Иначе говоря, перед нами группа государств, которые расположены рядом друг с другом, у которых было общее историческое прошлое, и в этом прошлом они образовывали единое экономическое пространство с Россией и другими республиками бывшего СССР. Но ныне, если иметь в виду такие базовые характеристики, как территория, население и ВВП, для них характерны не сходства, а скорее различия, причем в ряде случаев эти различия достигают больших или даже огромных масштабов.

Таблица 1

Размеры экономики (некоторые базовые характеристики)

Территория (тыс. кв. км)	Население (млн)	ВВП						ВВП на душу насел.				
		ППС \$ млрд	ППС (прежние оценки)	разница (%)	млрд US\$	Доли (мир.=100)		ППС US\$	US\$	Индексы (США=100)		
						ВВП ППС	ВВП US\$			ППС	US\$	
Армения	30	3,2	12,6	14,9	-15,6	4,9	0,02	0,01	3903	1519	9,4	3,6
Азербайджан	87	8,3	38,4	42,2	-8,9	13,3	0,07	0,03	4648	1604	11,2	3,8
Грузия	70	4,4	15,3	15,1	+1,6	6,2	0,03	0,01	3505	1425	8,4	3,4
Казахстан	2725	15,1	131,8	119,1	+10,7	57,0	0,24	0,13	8699	3764	20,9	9,0
Кыргызстан	200	5,1	8,9	10,0	-10,6	2,5	0,02	0,01	1728	477	4,1	1,1
Россия	17098	143,1	1697,5	1552,3	+9,4	762,5	3,09	1,72	11861	5328	28,5	12,8
Таджикистан	143	6,9	9,7	8,8	+10,6	2,3	0,02	0,01	1413	337	3,4	0,8
Туркменистан	488	(5)	(21)	(?)	(?)	(8,38)	0,04	0,02	(4211)	(1676)	10,1	4,0
Узбекистан	447	(26)	(51)	(?)	(?)	(14,5)	0,09	0,01	(1970)	(558)	4,7	1,3
Китай	9634	1303,7	5333,2	8818,6	-39,5	2243,8	9,70	5,06	4091	1721	9,8	4,1
Индия	3287	1101,3	2341,0	3779,0	-38,1	778,7	4,26	1,76	2126	707	5,1	1,7
Иран	1648	68,7	734,5	544,0	+35,0	219,2	1,34	0,49	10692	3190	25,7	7,7
Турция	784	72,1	561,1	606,0	-7,4	361,3	1,02	0,82	7786	5013	18,7	12,0
США	9629	297	12376,1	12416,5	-0,3	12376,1	122,51	127,93	41674	41674	100,0	100,0

Составлено и подсчитано по: 2005 ICP Global Results: Summary Table of Results; UNSTAT. World Bank Estimates; UNECE.

Далее, сопоставления абсолютных величин ВВП стран Центральной Азии свидетельствуют о том, что Казахстан и Узбекистан, с одной стороны, а Кыргызстан и Таджикистан, – с другой, образно говоря, находятся «в разных весовых категориях». При этом в первой половине 90-х годов экономические потенциалы Казахстана и Узбекистана, измеряемые в ВВП по ППС

валют, были вполне сопоставимы, и на первое место выходила то одна, то другая страна. Однако в дальнейшем, в результате ускоренного экономического роста, Казахстан «вырвался вперед», и ныне его экономическая мощь примерно в 2,5 раза больше, чем у Узбекистана. Это не может не учитываться во внешней политике других стран Центральной Азии, а также России. Что касается государств Южного Кавказа, то здесь за последние 15–17 лет соотношение «экономических размеров» Армении и Азербайджана изменилось в пользу последнего, тогда как положение в Грузии относительно своих соседей значительно ухудшилось. Необходимо также отметить, что все данные по Туркменистану гораздо менее точны, чем аналогичные показатели по другим странам обоих регионов, поскольку статистика в Туркменинии в период «правления Туркменбаши», мягко выражаясь, не отличалась реалистичностью. Более того, некоторые данные о динамике ВВП и о производстве промышленной и сельскохозяйственной продукции в 2000-е годы противоречили друг другу и, по-видимому, составлялись в угоду президенту Туркменинии. Хочется надеяться, что в не слишком отдаленном будущем в Туркменинии будет осуществлен пересмотр основных экономических показателей конца 90-х и первых семи лет XXI века.

Итак, страны Центральной Азии и Южного Кавказа существенно различаются между собой по величине экономического потенциала. Однако еще более важны различия, а точнее разрыв между каждой из них и даже между всеми ими, с одной стороны, и экономической мощью таких государств их ближнего зарубежья, как Иран и Турция, – с другой. Ведь даже суммарные экономические размеры всех восьми государств двух регионов не достигают и 300 млрд. долл. по ППС валют, т.е. оказываются почти вдвое меньше величины аналогичного показателя в Турции и почти в 2,5 раза меньше величины ВВП Ирана. Однако само это предположение о возможности объединения экономических потенциалов, например, трех республик Южного Кавказа, в свете «необъявленной и незаконченной» войны между Арменией и Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха, а также других проблем, осложняющих отношения между тремя республиками региона, в современных условиях представляется совершенно несбыточным. Да и в Центральной Азии, помимо соперничества Казахстана и Узбекистана, претендующих на роль регионального лидера, существует немало противоречий в различных сферах политической и экономической жизни, осложняющих, например, отношения между Кыргызстаном и Узбекистаном или Таджикистаном и Узбекистаном. Все это отнюдь не способствует объединению усилий всех стран регионов в интересах укреп-

ления их совместных позиций и достижения общих целей. Что же касается сопоставления экономических размеров каждой из этих стран с Россией, Китаем или Индией (не говоря уже о США), то подобные сравнения вообще становятся достаточно условными: ведь две эти группы государств попросту несопоставимы.

Все предыдущие сравнения, напомним, производились на основе данных о ВВП этих стран, полученных по итогам раунда ПМС 2005 года. Как показывают материалы таблицы 1, при этом обнаружилось, что прежние расчеты и оценки ВВП почти по всем странам Центральной Азии и Кавказа изменились: в Казахстане, России и Таджикистане они были увеличены на 9–10%, тогда как в Армении и Азербайджане, напротив, сократились на 9–15% (незначительное изменение величины ВВП в Грузии, на наш взгляд, находится в пределах статистической ошибки).

Если же рассмотреть ситуацию в более широком контексте, то окажется, что наиболее серьезные изменения прежней величины ВВП произошли в Индии и Китае, где соответствующие показатели были уменьшены на 38–39%, а также в Иране, где ВВП по ППС валют был, напротив, увеличен на 35%. Разумеется, подобные масштабы изменений ключевых макроэкономических характеристик таких демографических и экономических гигантов, как Китай и Индия, а также крупной региональной державы – Ирана, неизбежно оказывают воздействие на всю геоэкономическую структуру современного мира, ибо на долю этих трех стран приходилось в 2005 году более 15% всего мирового ВВП, рассчитанного по ППС валют. Однако анализ этих сдвигов на геоэкономической карте мира, при всей их важности, выходит далеко за рамки нашего исследования, тем более, что они не изменяют сколько-нибудь существенно ключевые соотношения экономических размеров каждой из стран Южного Кавказа и Центральной Азии, с одной стороны, Китая, Индии и Ирана, – с другой.

Как уже отмечалось, если абсолютная величина ВВП характеризует экономические размеры той или иной страны, то ВВП на душу населения показывает уровень ее экономического развития. В связи с этим особый интерес представляет сопоставление соответствующих показателей, рассчитанных по обменному курсу и по ППС валют. Если использовать обменный курс, то окажется, что весь подушевой ВВП Таджикистана (337 долл.) в расчете не на год, а на один день, не достигает и 1 долл., а в Кыргызстане (477 долл.) и Узбекистане (558 долл.) – не превышает 1,5 долларов в день. Эти цифры явно не выдерживают сопоставления с реальностью и свидетельствуют, главным образом, о сложностях финансового положения и всей внешнеэкономической ситуации в этих странах. Но и

расчеты по ППС валют, которые превышают приведенные выше цифры в 3–4 раза (1413 долл. – в Таджикистане, 1728 – в Кыргызстане и 1970 – в Узбекистане) отражают низкий уровень общего экономического развития этих стран. Они более или менее соответствуют величине аналогичных показателей таких стран Африки, как Бенин (1390), Чад (1749), Нигерия (1892) или Судан (2249). Отметим также, что подушевой ВВП Узбекистана, видимо, остается ниже величины соответствующего показателя в Индии.

Наибольшей величины ВВП на душу населения среди стран Центральной Азии и Кавказа достигает показатель по Казахстану: он почти в 6,2 раза превосходит аналогичную цифру по Таджикистану, оставаясь тем не менее примерно на 27% ниже аналогичного российского индикатора. В 2005 году Казахстан по уровню экономического развития занимал на карте мира место рядом с такой, сравнительно развитой в прошлом латиноамериканской страной, как Уругвай, и несколько превосходил соответствующий показатель по ЮАР.

ВВП на душу населения в России в 8,4 раза больше аналогичного показателя в Таджикистане. Эта величина в 2–3 раза превосходит соотношение между размерами подушевого национального дохода России и Таджикистана в 1990 году, когда обе республики еще входили в состав СССР. За годы независимого развития значительно увеличилось и расстояние, отделяющее Россию от других стран Центральной Азии и Кавказа (исключение, возможно, составляет лишь Казахстан) на шкале мирового экономического развития. Таким образом, 14–15 лет независимого развития (об этом свидетельствует динамика ВВП соответствующих стран за 2006 и 2007 годы) пока еще не принесли народам Центральной Азии тех «экономических дивидендов», на которые они рассчитывали, выйдя из состава СССР.

Уровень экономического развития стран Южного Кавказа всегда был выше соответствующих показателей по государствам Средней Азии (но не Казахстана). Он остается таковым и сейчас. Причем в последние годы особенно быстрыми темпами соответствующий показатель увеличивался в Азербайджане. Здесь, как и в Казахстане, наиболее важную роль играл рост добычи нефти и газа, а также резкое повышение цен этих энергоносителей на мировом рынке. Аналогичных успехов можно было бы ожидать и в Туркмении, обладающей особенно крупными месторождениями природного газа. Однако, хотя по прежним расчетам подушевой ВВП в этой стране по ППС валют превышал 5 тыс. долл., эксперты, работавшие в рамках ПМС 2005 года, сочли возможным оценить его лишь в 4211

долл. Если эта величина в дальнейшем будет подтверждена, придется признать, что такие неутешительные результаты были связаны главным образом с экономической политикой и всей системой власти покойного «пожизненного президента Туркменистана» Ниязова.

***Траектории экономического развития стран
Центральной Азии и Южного Кавказа (1989–2007 годы)***

Анализ предварительных результатов последнего раунда программы международных сопоставлений позволил нам изучить положение стран Центральной Азии, Южного Кавказа и их «ближнего зарубежья», так сказать, в статике, в геоэкономической структуре 2005 года. Не менее важно и интересно проследить динамику этого процесса, опираясь главным образом на материалы национальной статистики этих стран. С тем чтобы, по возможности, избежать искажений статистических показателей, мы использовали базу данных Европейской комиссии ООН, эксперты которой не были заинтересованы в завышении реальных темпов роста их ВВП. Преимущество этих сведений заключается также в том, что в качестве базового был выбран 1989 год, когда в СССР был достигнут наивысший уровень производства ВВП. Конечно, ситуация в отдельных республиках изменялась далеко не одинаково: если в большинстве из них в 1990 году производство ВВП снизилось, то в Кыргызстане и Туркменистане, судя по официальным данным того времени, оно незначительно увеличилось. Далее, в 1989–1990 гг. опубликованные сведения о динамике национального дохода несколько преувеличивали масштабы его снижения, ибо советские статистики не умели (или не хотели?) учитывать масштабы и темпы роста неформального, теневого сектора экономики, который особенно быстро расширился в эти годы. Тем не менее приводимые ниже данные представляют несомненный интерес и в целом правильно отражают общие тенденции экономического развития изучаемых стран.

Все государства Центральной Азии и Кавказа в 90-х годах испытали глубокий экономический кризис, связанный с переходом от командно-административной к рыночной экономике, разрывом прежних экономических связей между республиками бывшего СССР, а также с действием других, хорошо известных факторов.

Масштабы падения ВВП в годы экономического кризиса переходного типа были далеко не одинаковыми (см. таблицу 2). В Армении мак-

симальное падение производства (с 1989 по 1993 г.) составило около 56%, в Азербайджане (с 1989 по 1995 г.) – 63%, в Грузии (с 1989 по 1994 г.) – 76–77% (!), в Казахстане (с 1989 по 1995 г.) – около 39%, в Кыргызстане (с 1990 по 1995 г.) – 47%, в России (с 1989 по 1998 г.) – 44%, в Таджикистане (с 1990 по 1996 г.) – 70% (!), в Туркменистане (с 1990 по 1997 г.) – около 39–40% и, наконец, в Узбекистане (с 1989 по 1995 г.) – около 20%. Таким образом, можно констатировать, что падение производства приобрело наименьшие масштабы в Узбекистане и, судя по этим данным, оно достигло наибольших масштабов в Грузии, где объем ВВП за 5 лет сократился якобы в 4 раза. Добавим, что аналогичный показатель по Таджикистану достиг 3,3 раза; в остальных странах Центральной Азии и Южного Кавказа масштабы падения производства были несколько меньшими.

Конечно, причины резкого многократного снижения ВВП в Грузии, Азербайджане и Таджикистане, а также почти в 2,5 раза в Армении объясняются, помимо действия общих факторов, применимых ко всем странам постсоветского пространства, последствиями гражданских войн в этих странах: бедствиями, разрушениями, гибелью людей, их вынужденным бегством. Однако, даже с учетом тяжкого наследия гражданских войн для экономики, эти сведения официальной статистики, по-видимому, все же преувеличивают масштабы снижения ВВП. Ведь ничего похожего, насколько нам известно, не наблюдалось ни в одной стране Европы или Азии даже в период Второй мировой войны. Ранее уже упоминалось, что постсоветская статистика в первой половине 90-х годов в Грузии, Таджикистане и Армении далеко не полностью учитывала масштабы и динамику неформального, теневого сектора экономики этих стран. Кроме того, валовой национальный доход, как нам представляется, был выше ВВП, поскольку включал сотни миллионов долларов (в валюте и товарах), которые переводили или привозили в эти страны сотни тысяч армян, азербайджанцев, грузин, киргизов и таджиков, уезжавших на заработки в Россию, Турцию, страны Западной Европы и даже в США. Наконец, значительные средства в Армению поступали благодаря дарам и кредитам от армянской диаспоры в США и странах Западной Европы.

Как видно из данных таблицы 2, все страны Центральной Азии и Кавказа в 90-х годах испытали глубокий экономический кризис, закончившийся в каждой из стран в разное время: в Армении – в 1993 году, в Азербайджане – в 1995 году, в Грузии – в 1994 году, в Казахстане – в 1998 году, в Кыргыз-

стане – в 1995 году, в России – в 1998 году, в Таджикистане – в 1996 году, в Туркмении – в 1997 году и, наконец, в Узбекистане – в 1995 году. После окончания экономического кризиса повсеместно начинался восстановительный экономический рост. Однако в России (в 1997 г.) и Казахстане (в 1996 и 1997 гг.) падение производства прекращалось, но затем, под влиянием дефолта в России, в 1998 году наблюдался новый спад производства. Так что в обеих странах начало непрерывного восстановительного экономического роста можно датировать 1999 годом.

К настоящему времени экономическое положение стран Центральной Азии и Кавказа сложилось по-разному. Если судить по материалам официальной статистики и оценкам экспертов Европейской комиссии ООН и Всемирного банка, а также нашим расчетам и оценкам, представленным в таблице 2, наибольших успехов в развитии национальной экономики (упрощенно – в динамике ВВП) добились Армения, Азербайджан, Казахстан и Узбекистан. В этих странах индекс ВВП составил от 135% до 164% от максимального уровня производства, достигнутого в советский период.

К тому же существенно изменилось, так сказать, качество ВВП в этих странах, где он теперь имеет более или менее выраженный рыночный характер. В отличие от советского периода, ныне производство товаров и услуг в гораздо большей степени направлено на удовлетворение потребностей внутреннего и внешнего рынка и в гораздо меньшей мере диктуется идеологическими догмами и политическими предпочтениями лидеров этих стран. В то же время в Грузии, Таджикистане и Кыргызстане даже в 2007 году все еще не был достигнут максимальный уровень производства советского периода; а в России и Туркмении он лишь незначительно превышал наибольшие показатели прошлого.

Однако более точное представление о динамике и уровне экономического развития изучаемых стран дают показатели ВВП, рассчитанные на душу населения. При этом оказывается, что в Армении, Грузии, Казахстане и России в результате «естественной убыли» населения (Россия) и его массовой эмиграции в годы обострения экономического кризиса (Армения, Грузия и Казахстан) общая численность населения с 1989 по 2007 год более или менее значительно сократилась. В то же время в Азербайджане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркмении и Узбекистане она продолжала увеличиваться, несмотря на эмиграцию и трудовую миграцию из этих стран в указанный период.

Таблица 2

Динамика ВВП в странах Южного Кавказа, Центральной Азии и России

	1989 год = 100%																	наша оцен- ка	
	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006		2007
Армения	94,5	83,5	48,6	44,3	46,7	49,9	52,9	54,6	58,6	60,5	64,1	70,2	80,8	92,2	101,8	115,9	131,3	149,4	145-150
Азербай- джан	88,3	87,7	67,9	52,2	41,9	37,0	37,4	39,6	43,6	46,8	52,0	57,1	63,2	70,2	77,3	97,8	131,5	164,4	155-165
Грузия	84,9	67,0	36,9	26,1	23,4	24,0	26,7	29,5	30,4	31,3	31,8	33,4	35,2	39,1	41,4	45,4	49,6	(54,5)	50-60
Казах- стан	99,0	88,2	83,5	75,8	66,2	60,8	61,1	62,1	60,9	62,6	68,7	78,1	85,7	93,7	102,6	112,6	124,5	(135-136)	130-136
Кыргыз- стан	104,8	96,5	83,1	70,3	56,2	53,1	56,9	62,5	63,8	66,2	69,8	73,5	73,5	78,6	84,2	84,0	86,3	93,3	85-95
РФ	97,0	92,2	78,8	71,9	62,8	60,2	58,1	58,9	55,7	59,2	65,2	68,5	71,8	77,0	82,5	87,8	93,7	101,2	100
Таджи- кистан	100,2	92,0	62,5	52,3	41,2	38,7	30,0	30,5	32,1	33,3	36,1	39,5	43,8	48,7	53,7	57,3	61,1	65,9	60-65
Туркме- ния	101,8	97,0	82,5	83,7	69,2	64,2	68,5	60,7	65,0	75,8	79,9	83,4	83,6	86,3	90,2	98,9	(105)	(111)	100-110
Узбеки- стан	99,2	98,7	87,7	85,7	81,3	80,5	81,9	86,2	90,0	93,9	97,7	102,1	106,4	111,0	119,6	128,0	137,3	(149-150)	145-150

Составлено и подсчитано по: Economic Survey of Europe 2005, № 2; Европейский Банк Реконструкции и Развития. Доклад о процессе перехода за 2006 год. Процесс перехода и показатели стран СНГ и Монголии; Межгосударственный Статистический Комитет Содружества Независимых Государств. Содружество Независимых Государств в 2006 году. Статистический Ежегодник. Москва, 2007; Экспресс-информация Межгосударственного статистического комитета СНГ.

За 2007 году данные по Грузии, Казахстану, Узбекистану: январь–сентябрь 2007 – к январю–сентябрю 2006; данные по Туркмении за 2006 и 2007 год – наши расчеты и оценки.

К сожалению, официальные данные о динамике численности населения во многих странах маскировали действительные масштабы эмиграции, а также трудовой миграции из Армении, Азербайджана, Кыргызста-

не, Таджикистана и Узбекистана. Между тем истинные масштабы эмиграции и уменьшения численности населения видны на примере Грузии, где проведенная в начале 2000-х годов перепись населения впервые дала представление о его действительной динамике. Пересчитанные с учетом ее результатов данные показывают, что с 1989 по 2006 год численность населения Грузии сократилась с 5,4 до 4,4 млн. человек, т.е. на 1 миллион, или на 19%. Не исключено, что и в Армении, где по официальным данным, пересчитанным с учетом переписи населения, его численность сократилась за тот же период лишь на 8,3%, масштабы эмиграции и трудовой миграции были гораздо большими.

В Казахстане, по официальным данным, численность населения в 90-х и начале 2000-х годов также сократилась примерно на 7%, но в последние годы, во многом под влиянием улучшения экономического положения страны, она вновь, хотя и медленно, стала увеличиваться. Нельзя не остановиться и на специфике ситуации, сложившейся в Азербайджане. Здесь официальные данные о росте населения были получены простым путем: к цифрам переписи 1989 года ежегодно прибавлялись цифры его естественного прироста, т.е. превышения рождаемости над смертностью. Таким образом, официальные данные совершенно не учитывают отъезд сотен тысяч, а по некоторым оценкам – одного или даже полутора миллионов азербайджанцев в другие страны, главным образом в Россию, а также в Турцию и страны Западной Европы.

Конечно, трудно сказать, кто из них уехал навсегда, а кто рассчитывает вернуться и время от времени возвращается на родину, с тем, однако, чтобы в дальнейшем вновь покинуть ее. Можно и нужно уточнять данные о реальных масштабах этого процесса. Но отсутствие в стране на протяжении каждого года огромного числа людей, официально включенных в состав ее постоянного населения, – непреложный факт, вряд ли подлежащий сомнению. Если предположить, что за пределами Азербайджана к 2007 году находилось около одного миллиона его граждан, то окажется, что численность постоянного населения в этом году составляла не 8,5, а примерно 7,5 млн. человек. Это соответственно отразится на увеличении подушевого показателя ВВП и ВНД, тем более что большинство уехавших – трудовые мигранты, ежегодно отправляющие на родину несколько сот миллионов, а возможно и до 1 млрд. долл. (В 2005 году весь ВВП Азербайджана, рассчитанный по обменному курсу, составлял 13,3 млрд. долл.)

Что касается России, то здесь численность постоянного населения снизилась (с учетом данных переписи 2002 года) примерно на 3,1%. Однако, по материалам миграционной службы, а также по оценкам экспер-

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И КАВКАЗ В МИРОВОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

тов, в стране на протяжении каждого года трудится и проживает от 5 до 10 млн. «незаконных» мигрантов из других стран СНГ, причем главным образом – из республик Центральной Азии и Кавказа. По-видимому, реальная их численность находится где-то между ее минимальной и максимальной оценкой. Таким масштабам нелегальной миграции вряд ли стоит удивляться, с учетом опыта США, где ее оценки также варьировали в пределах 5–10 млн. В этих условиях все данные о динамике ВВП на душу населения могут оказаться искаженными и в одних случаях (Армения, Грузия) занижать величину соответствующих показателей, а в других – например, в России – напротив, несколько преувеличивать величину и рост подушевого ВВП.

Итак, в тех странах, где численность населения сокращалась, показатели подушевого ВВП оказывались выше данных о динамике его абсолютной величины. И напротив, в Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане и Кыргызстане, где численность населения в 2007 году была на 20–40% выше, чем в 1989 году, подушевой ВВП сокращался значительно быстрее, чем абсолютная величина производства товаров и услуг. Приведем соответствующие данные. Если принять индекс ВВП на душу населения в 1989 году за 100, то его изменения будут характеризоваться следующими цифрами¹:

Год максимального сокращения	ВВП на душу населения 2007(%)	Наша оценка
Армения 44–46 (1993)	160	140–150
Азербайджан 34–36 (1995)	136–137	125–135
Грузия 29–30 (1995)	65–67	60–65
Казахстан 66 (1998)	140–145	135–140
Кыргызстан 47–48 (1995)	75–77	70–75
Россия 56–57 (1998)	103–105	100–105
Таджикистан 26–27 (1996)	48–50	40–45
Туркменистан 49–50 (1997)	79–80	70–80
Узбекистан 69–70 (1995)	109	100–110

Эти данные свидетельствуют как будто о существенном повышении уровня производства товаров и услуг на душу населения в Армении, Азербайджане, Казахстане и о достижении величины его максимального, еще советского, показателя в России и Узбекистане. Однако за последние

¹ Все данные рассчитаны нами по источникам, указанным в таблице 2.

семнадцать лет значительно увеличился разрыв (а в ряде случаев, пожалуй, даже пропасть) между уровнем доходов «верхних» 10–15% населения и его большинства, которое, по данным соответствующих опросов общественного мнения, считало, что его доходы и уровень жизни в этих странах оставались значительно ниже поздних советских показателей.

Что касается Грузии, Кыргызстана, Таджикистана и Туркмении, то здесь, даже по официальным показателям, уровень подушевого ВВП остается существенно ниже, чем в 1989–1990 годах. К тому же восстановительный экономический рост в этих странах, несмотря на внушительные цифры последних лет, остается крайне неустойчивым. Об этом красноречиво свидетельствует резкое ухудшение условий жизни в Таджикистане зимой 2007/08 г., когда в результате сильных морозов, нехватки электроэнергии и продовольствия (цены на которое резко повысились) большинство сельских жителей, да и горожан, вновь оказалось на грани выживания, как это было в худшие годы гражданской войны и экономического кризиса.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что за последние 17–18 лет значительно усилился процесс дифференциации стран Центральной Азии и Кавказа. Это объясняется действием многих факторов. Так, например, особенно резкое ухудшение ключевых экономических показателей в Грузии и Таджикистане, несомненно, связано с последствиями гражданских войн, но также с отсутствием крупного экспортного потенциала и необходимостью импорта таких энергоносителей, как нефть и газ. Это относится и к Кыргызстану, где практически нет нефти и газа, а добыча и экспорт золота, по мере истощения его запасов на месторождении Кумтор, снижается, что может еще более осложнить экономическую ситуацию в стране. И в Грузии, и в Кыргызстане причины так называемых «цветных» революций коренятся именно в тяжелом экономическом положении и ухудшении условий жизни огромного большинства населения. В Таджикистане отсутствие каких-либо массовых волнений в последние годы, в том числе и прошедшей зимой, на мой взгляд, объясняется тем, что в памяти народа еще свежи ужасы гражданской войны первой половины 90-х годов.

В ином положении находится группа стран – экспортеров нефти и газа. К их числу относятся Казахстан, Азербайджан, Туркмения и Российская Федерация. Эти страны располагают крупными запасами энергоносителей, добывают и экспортируют нефть и газ. Конечно, абсолютные величины добычи нефти в 2006 году в Саудовской Аравии (около 515 млн. т) или России (481 млн. т) намного превосходят аналогичные данные по Казахстану (66 млн.), Азербайджану (33 млн.) или Туркмении (8

млн.)². Но если Азербайджан, Казахстан или Туркмения не определяют общую динамику нефтедобычи в мире и, тем более, не влияют на уровень нефтяных цен, то в масштабах каждой из этих стран доходы от нефти оказывали возрастающее воздействие на повышение уровня их ВВП. Сказанное относится также к добыче природного газа, с той только разницей, что здесь на первое место по масштабам запасов и добычи выходит Туркменистан.

При сравнении ситуации на рынке этих энергоносителей в разных странах наибольший интерес представляют данные о суммарной добыче нефти и природного газа (в нефтяном эквиваленте) на душу населения. Проведенные нами расчеты показывают, что наивысшие показатели производства нефти и газа (в нефтяном эквиваленте на душу населения в тоннах) в 2006 году имели: Катар (около 119), Бруней (~55), Кувейт (~48), Норвегия (~42), Тринидад и Тобаго (40), ОАЭ (36) и Саудовская Аравия (25). Все эти страны входят в группу государств с высокими доходами, т.е. составляют часть населения так называемого «золотого миллиарда». Правда, Норвегия и до разработки нефтяных залежей входила в группу развитых стран.

Что касается Центральной Азии и Кавказа, то здесь наивысший показатель в 2006 году был в Туркмении 12–13 т, тогда как в Казахстане соответствующая цифра составляла 5,7 т, в Азербайджане – 4,5 т, в Узбекистане – не более 2,1 т, а в России – несколько более 7 т, из которых, правда, отправлялось на экспорт около 3 т. За период с 2000 по 2006 год добыча нефти в Азербайджане и Казахстане возросла примерно в 2 раза. В условиях быстрого роста цен на нефть это и обеспечило им значительный приток долларов и способствовало возрастающим темпам экономического роста. Конечно, динамика ВВП в Азербайджане в 2005–2007 гг. (рост соответственно – на 26%, 34% и 25%) вызывает определенные сомнения, но само ускорение темпов экономического роста представляется вполне реальной тенденцией. Соответствующие цифры по Казахстану (9, 10 и более процентов прироста в год) в целом, на наш взгляд, отражают реальную динамику его ВВП. Учитывая тенденции 2000-х годов и принимая во внимание возможности дальнейшего увеличения добычи нефти и газа примерно вдвое на протяжении ближайших

² Здесь и далее все данные о добыче нефти и газа (в нефтяном эквиваленте) – в целом и в расчете на душу населения – подсчитаны нами по: OPEC Annual Statistical Bulletin 2002, 2006; World Bank. World Development Indicators 2007; Содружество Независимых Государств в 2006 году. М., 2007.

десяти лет, можно полагать, что при условии сохранения высоких цен на эти энергоносители Казахстан и Азербайджан могут добиться темпов экономического роста примерно 8–10%, что обеспечит им увеличение ВВП за этот период примерно в два или даже в три раза. Но и тогда показатели добычи и экспорта нефти и газа в расчете на душу населения останутся значительно ниже аналогичных цифр по Саудовской Аравии, не говоря уже об ОАЭ или Кувейте.

Иная ситуация сложилась в Туркмении, где в 2006 году добыча нефти и газа на душу населения была вдвое или втрое выше, чем в Казахстане или Азербайджане. Но здесь динамика соответствующих индикаторов оказалась крайне неустойчивой. Например, если в 2000 году было добыто 7,2 млн. т, а в 2003 – даже 10 млн. т, то в 2006-м – не более 8,1 млн. т нефти. Что касается добычи газа (в нефтяном эквиваленте), то в 1990 году соответствующий показатель достигал 73,7 млн. т, в 1995-м сократился до 27 млн. т, в 2000-м поднялся до 39,5 млн. т, а в 2006 году – до 56 млн. т, оставаясь, таким образом, значительно ниже уровня 1990 года. Режим личной власти покойного президента Ниязова и проводимая им экономическая политика, ассигнование огромных средств на престижное строительство, вывоз капитала из страны – все эти и иные аналогичные факторы приводили к тому, что даже в условиях исключительно высокой конъюнктуры на мировом нефтяном рынке в Туркмении реальные темпы экономического роста были, по-видимому, вдвое ниже, чем в Казахстане или Азербайджане, а уровень жизни большинства населения оставался низким.

Ныне, в новой обстановке, при условии проведения назревших и «перезревших» реформ во всех сферах социально-экономической и политической жизни, при условии привлечения в страну крупных иностранных капиталов, использовании новейшей техники и технологии, Туркмения вполне может добиться (при сохранении сравнительно высоких цен на нефть и газ) показателей, не уступающих аналогичным цифрам по Казахстану или Азербайджану. И это единственная страна Центральной Азии, которая, при реализации указанных предпосылок, могла бы за 8–10 лет удвоить добычу нефти и газа, а следовательно, достичь производства этих энергоносителей в расчете на душу населения в размере примерно 24–25 т. А ведь это уровень Саудовской Аравии, которая в последние годы была включена экспертами Всемирного Банка в группу стран с высокими доходами.

Но все эти благоприятные прогнозы, относящиеся к Азербайджану, Казахстану и Туркмении, осуществимы лишь при сохранении сравни-

тельно высокого уровня цен на нефть и газ, равно как и высокого спроса на эти энергоносители на мировом рынке. К сожалению, никто и ничто не может гарантировать такого развития событий. И если все эти страны (а также Россия) будут по-прежнему зависеть от добычи, спроса и цен на энергоносители, их экономический рост будет оставаться неустойчивым и подверженным разнонаправленным, порою резким колебаниям. Вот почему диверсификация (в пределах возможного) экономики стран – экспортеров нефти и газа также становится необходимой предпосылкой придания большей устойчивости их экономическому росту.

Положение населения в условиях кризиса и восстановительного экономического роста

а) Потребление продуктов питания и обеспеченность товарами длительного пользования.

До сих пор мы рассматривали обобщающие экономические характеристики стран Центральной Азии, Южного Кавказа и их «ближнего зарубежья». Однако не менее важно дать хотя бы краткий анализ некоторых индикаторов, отражающих положение в социальной сфере, а попросту говоря – уровень и условия жизни большинства населения этих регионов. Конечно, можно было бы в этих целях привести индексы реальной заработной платы, располагаемых доходов и другие аналогичные показатели. Однако, на наш взгляд, для того, чтобы получить представление о реальном положении населения, целесообразно использовать такие «натуральные» показатели, как, например, потребление продуктов питания, обеспеченность товарами длительного пользования и т.п. Это тем более важно, что в 90-х годах удельный вес расходов на питание в большинстве стран Центральной Азии и Южного Кавказа достигал 50–70%, а в отдельные годы (Таджикистан в 1999 г.) и 85% всех расходов семейных бюджетов. Приведем соответствующие данные, сгруппированные в таблице 3. Поскольку в 90-е – начале 2000-х годов потребление хлебных продуктов, овощей и картофеля в изучаемых странах изменялось незначительно, мы сочли целесообразным привести сведения, главным образом, о тех продуктах, которые отражают не только количественную, но и качественную характеристику пищевого рациона. Речь идет о мясе и мясных продуктах, рыбе и рыбопродуктах, молоке и молочных продуктах, яйце, а также сахаре. На наш взгляд, динамика потребления именно этих продуктов показывает те изменения, которые происходили в характере и особенностях питания населения в 90-х и начале 2000-х годов.

Таблица 3

Потребление продуктов питания на душу населения (кг/год)

продукты / страны	мясо и мясные продукты			молоко и молочные продукты			яйцо			сахар			рыба	
	1990	1995*	2005	1990	1995*	2005	1990	1995*	2005	1990	1995*	2005	1990	1995*
	Азербайджан	32	15	22	292	139	170	143	70	98	36	8	20	4,2
Армения	44	20	31	446	117	169	163	45	155	39	2	35	7,5	0,2
Грузия	42	15	(24)	289	86	(174)	140	46	(112)	39	?	?	8,2	1,3
Казахстан	73	44	58	311	196	303	222	70	159	38	18	34	10,3	3,0
Кыргызстан	54	39	38	266	183	211	154	31	60	36	13	20	6,3	0,2
Россия	69	41	55	386	215	235	297	218	250	38	30	38	20	9,3
Таджикистан	26	4	(8)	161	47	(70-78)	111	6	(15)	28	3,6	(7-10)	3,3	0,5
Туркменистан	43	30	(30-35)	212	178	(240-250) ?	101	62	(100)	32	11	(10-15) ?	4,3	2
Узбекистан	32	33 (?)	(24-30)	210	160	(160-170)	120	53	(50-55)	25	9	(10-15)	4,9	(2)

* 1995, или год наименьшего подушевого потребления этого продукта

Примечание: данные в скобках – наша оценка, в ряде случаев отражающая уровень производства данного продукта на душу населения.

Составлено и рассчитано по: Содружество независимых государств в 1996 году. М., 1997; 10 лет Содружеству независимых государств. М., 2001.; Содружество независимых государств в 2006 году. М., 2007; Россия и страны мира 2002. М., 2002; Ежегодник Республики Таджикистан 2002. Душанбе, 2002.

Еще в советский период страны Центральной Азии и Казахстана можно было разделить на две группы, к первой из которой относились Казахстан и Кыргызстан, где рацион питания хотя и отличался от российского, но в целом по своей структуре и основным характеристикам тяготел к нему. Здесь, в большей степени в Казахстане и в меньшей – в Кыргызстане, происходила замена нищенского хлебно-картофельного и овощного рациона, столь характерного для сталинской эпохи, мясомолочным (+ яйцо, овощи и картофель). Это произошло в 70–80-х годах прошлого столетия и являлось крупнейшим достижением в области питания. По уровню потребления мяса, рыбы, молока и сахара эти страны сблизились с некоторыми государствами тогдашней Восточной Европы: Польшей, Румынией, Венгрией, Словакией и Болгарией.

Положение в другой группе стран, включавшей Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, отличалось в худшую сторону от продовольст-

венной ситуации в Казахстане и Кыргызстане. В этих среднеазиатских республиках рацион питания по-прежнему во многом сохранял черты хлебно-овощного, и даже потребление фруктов и ягод в таких благословенных местах, с развитой ирригационной системой, оставалось в несколько раз меньшим, чем в странах, где природные условия для садоводства были гораздо менее благоприятными. Так, например, потребление фруктов и ягод на душу населения в Таджикистане в 1990 году не превышало 30–32 кг, в Узбекистане – 23 кг, в Туркмении – 20–25 кг, тогда как аналогичные показатели в Чехии, Венгрии или Румынии были в 2–2,5 раза выше.

В Узбекистане, Таджикистане и Туркменистане, превращенных в республики хлопковой монокультуры, производство и потребление мяса, молока, яиц, рыбы и рыбопродуктов было в 1,5–2 раза меньшим, чем в Кыргызстане и, тем более, в Казахстане. Что касается республик Южного Кавказа, то они по потреблению основных продуктов питания занимали своеобразное положение между Казахстаном, с одной стороны, Таджикистаном, Туркменией и Узбекистаном, – с другой.

Системный кризис 90-х годов тяжело отразился на общем положении населения и особенно на потреблении продуктов первой необходимости. Как видно из таблицы 3, во всех изучаемых странах в несколько раз сократилось потребление рыбы и рыбопродуктов, которые завозились ранее из других республик СССР, главным образом России (РСФСР). Хотя в таблице не приводятся данные о потреблении рыбы в 2005 году, соответствующие цифры почти или вообще не изменились по сравнению с годами экономического кризиса. В худшие годы кризиса в Азербайджане, Армении и Грузии потребление мяса уменьшалось в два и более раз; потребление молока в Азербайджане – более, чем вдвое, а в Армении – почти в 4 раза (!), в Грузии – в 3 раза; потребление яиц в этих странах – в 2–3 раза, а сахара в Азербайджане – в 4 и в Армении – более, чем в 15 раз (!).

В Казахстане, Кыргызстане, Туркмении и Узбекистане потребление мяса и молока сократилось менее, чем вдвое; потребление сахара – в 2–3 раза; яиц – в 3–4 раза. При этом в особенно тяжелом положении оказалось население Таджикистана, где потребление мяса сократилось в 4 раза; молока – более, чем в 3; яиц – в 16 раз и сахара – в 4 раза. Таковы были страшные последствия гражданской войны, охватившей страну в первой половине 90-х годов. Подобные масштабы сокращения потребления наиболее качественных продуктов питания в 90-е годы могут быть сопоставимы, пожалуй, только с временами самых разрушительных войн XX столетия. Но все

это не означает, что в республиках Центральной Азии и Южного Кавказа в 90-е годы наблюдался массовый голод. Дело в том, что потребление хлебных продуктов, овощей, отчасти картофеля, а также фруктов и ягод сокращалось в отдельные годы не более, чем на 10–20%, а порою и увеличивалось. Таким образом, в этот период происходило возвращение к скудному рациону 40-летней давности – к 50-м и началу 60-х годов.

Напомним, что, по данным статистиков Европейской комиссии ООН, ВВП Грузии в 1993–1994 годах снизился примерно в 4 раза по сравнению с максимальным советским уровнем его производства. Вновь повторим, что подобные масштабы сокращения этого обобщающего индикатора, на наш взгляд, явно преувеличены. Тем не менее характерно, что именно в Грузии в 1993–1994 годах не только сокращалось в 2,5 раза потребление мяса; более, чем втрое – потребление молочных продуктов; втрое – потребление яиц; и даже «хлебный рацион» в 1993 году оказался почти на 40% ниже уровня 1990 года. Официальные данные о потреблении хлеба в Таджикистане не показывают аналогичного сокращения, но, судя по рассказам очевидцев, не исключено, что здесь, так же как и в Грузии, в первой половине 90-х годов, значительная часть (а может быть, и большинство) населения не только испытывала постоянное недоедание, но и оказалась перед угрозой голода – в прямом смысле этого слова.

Во второй половине 90-х и начале 2000-х годов в ходе восстановительного экономического роста и, тем более, после его завершения продовольственная ситуация во всех республиках Центральной Азии и Кавказа значительно улучшилась. Потребление хлеба и хлебопродуктов вернулось к нормальному уровню, овощей и картофеля в большинстве республик ныне производится и потребляется (в среднем на душу населения) больше, чем в конце 80-х годов; о постоянном недоедании и голоде не может быть и речи. Тем не менее, как показывают приведенные в таблице и, как правило, официальные данные, потребление таких высококачественных продуктов, как мясо, молоко, яйцо, по-прежнему остается ниже докризисного уровня. Единственным исключением, быть может, является Казахстан, где (особенно учитывая возможное завышение советской статистикой данных о потреблении мяса, молока и некоторых других продуктов в 1990 году) можно предположить возможность достижения максимального докризисного уровня потребления молока, сахара и мяса если не в 2005, то в 2007–2008 годах. Что же касается остальных республик Центральной Азии и Кавказа, то приходится отметить, что, хотя подушевой ВВП в Армении, Азербайджане и Узбекистане либо достиг максимального докризисного уровня, либо на 25–50% превысил его, потре-

ние многих качественных продуктов в этих странах пока еще остается ниже показателей конца 80-х годов.

Все это так, но было бы неправильно остановиться на этой констатации. Дело в том, что в советский период истории республик Центральной Азии и Кавказа здесь, как и в других регионах СССР, ситуация на потребительском рынке характеризовалась постоянным дефицитом большинства продовольственных и других товаров. Неизменные очереди в магазинах, киосках и на рынках буквально съедали время и отнимали силы миллионов и десятков миллионов покупателей, у которых к тому же, как правило, не было особого выбора, ввиду крайней узости ассортимента продаваемых товаров. И надо признать, что ныне положение радикально изменилось. Теперь уже, в большинстве случаев, можно говорить не о «рынке продавца», а о «рынке покупателя»; и он, этот покупатель, впервые получил возможность выбирать тот товар, тот продукт, который больше подходит ему по качеству и цене. Исчезновение дефицита, постоянных очередей и утверждение свободы потребительского выбора относится к числу важнейших показателей улучшения и прогресса общих условий жизни и быта населения во всех постсоветских республиках.

Ранее мы уже отмечали, что в 90-х и начале 2000-х годов усилился и ускорился процесс дифференциации стран Центральной Азии и Южного Кавказа. При этом в более благоприятном положении оказались такие страны – экспортеры нефти и газа, как Казахстан, Азербайджан и (потенциально) Туркменистан. Отчасти это можно обнаружить и по материалам о потреблении продуктов питания. Однако еще более отчетливо подобная тенденция проявляется в ходе анализа данных об обеспеченности населения предметами культурно-бытового и хозяйственного назначения длительного пользования. Так, например, в Казахстане, в расчете на каждые 100 семей, с 1990 по 2006 год число телевизоров увеличилось со 112 до 173, число холодильников и морозильников – с 97 до 133, а число легковых автомашин – с 18 до 34–37; в Азербайджане число телевизоров за тот же период несколько увеличилось со 102 до 106, холодильников и морозильников – с 83 до 101, а легковых автомобилей – с 17 до 29.

И, напротив, за то же время в Кыргызстане число холодильников на каждые 100 семей сократилось с 94 до 33, холодильников и морозильников – с 82 до 32, стиральных машин – с 86 до 50. В Таджикистане число телевизоров уменьшилось с 88 до 37, холодильников и морозильников – с 74 до 19, а стиральных машин – с 59 до 3 (!); правда, в последнем случае эта цифра вызывает некоторое сомнение, хотя она и сообщена статисти-

ческой службой Таджикистана³. На наш взгляд, эти цифры означают, что в этих странах многие приобретенные ранее телевизоры, холодильники, стиральные машины (а также пылесосы, магнитофоны и т.п.) уже выработали свой ресурс, а их починка либо невозможна, либо слишком дорога. Очевидно, большинство населения не имело возможности заменить «вышедшую из строя» бытовую технику.

Но что означает резкое сужение сферы использования этой бытовой техники? Там, где это происходит, наблюдается частичное возвращение к ручному труду, возрастание его затрат, в первую очередь у женщин, сокращение у них свободного времени, а в более широком плане – усиление тенденции к примитивизации и даже архаизации быта, общих условий жизни миллионов людей. Особенно болезненно этот процесс сказывается на положении большинства сельских жителей: ведь у них обычно и денег меньше; и «электричество» отключается чаще и на более длительное время; и мастеров по ремонту бытовой техники мало или вообще нет. К тому же, когда гаснет телевизор или перестает работать радиоприемник, люди не только лишаются привычных форм досуга и развлечений; они оказываются отрезанными от информации об окружающем мире, которую привыкли получать «здесь и сейчас».

Значительная часть населения против своего желания, так сказать насильственно, начинает демодернизироваться, оказывается возвращенной к уже было позабытым формам времяпрепровождения, становится более восприимчивой к пропаганде традиционных, в том числе религиозно-фундаменталистских, ценностей и установок, существует вне сферы постоянного и непосредственного воздействия государственной политики и пропаганды. Одним словом, столь быстрое и значительное сокращение «объема» аудиовизуальной и прочей техники не только обостряет бытовые проблемы и неурядицы повседневной жизни, но становится одним из проявлений регрессивных тенденций в экономике, а также (по крайней мере потенциально) в политике, да и идеологии, ряда стран Центральной Азии.

Вместе с тем необходимо отметить, что именно за последние пять–десять лет в Казахстане, Азербайджане и (в меньшей степени) в других республиках Центральной Азии и Кавказа не только наблюдалось развитие автомобилизации и/или телефонизации, но также особенно быстро происходило распространение (преимущественно среди городского населения) сотовых телефонов, расширялась сфера использования Интернета и других современных средств и форм массовой коммуникации. Процесс

³ Все данные приведены по источникам, указанным в таблице 3.

этот протекает крайне неравномерно во времени и пространстве, и многое здесь зависит не только от общего уровня экономического развития, но также и от системы приоритетов, избранных правительством той или иной страны. Так, например, в том же 2005 году в среднем на каждую тысячу человек приходилось подключений к Интернету в Таджикистане – 1, в Туркменистане – 8, в Узбекистане – 34, в Казахстане – 27, в Кыргызстане – 54, в Армении – 53, в Азербайджане – 81 и в Грузии – 39. Для сравнения отметим, что в Китае величина аналогичного показателя достигала 85, в Иране – 103, в Турции – 222 и в России – 152⁴. Как видно из этих цифр, масштабы распространения Интернета далеко не всегда коррелировали с общим уровнем развития, измеряемым величиной подушевого ВВП.

б) Положение в сферах народного образования и здравоохранения.

Неравномерность и противоречивость изменений, происходивших в системе массовых коммуникаций, оказалась характерна и для различных звеньев сферы народного образования. Здесь, несмотря на быстрое сокращение, а по существу – разрушение системы дошкольных детских учреждений, а также сужение сети профессионально-технических училищ, удалось сохранить основу народного образования – начальные и средние школы. При этом общее число учеников увеличивалось не только абсолютно, но и в расчете на каждые 10 тысяч населения, что, возможно, стало одним из тех реальных достижений, которые касались не только верхов общества, но и его народного большинства.

Но еще более важные процессы происходят в системе высшего образования. В первой половине 90-х годов, когда разрушение привычных ценностей и общественных приоритетов происходило в условиях во многом хаотического движения к рынку, наступил временный спад, приведший к уменьшению числа студентов. Но за последние 8–10 лет положение изменилось коренным образом. Восстановление и дальнейшее развитие экономики, в основном уже на рыночных принципах, сопровождается возвращением к прежним семейным ориентациям на получение молодежью высшего образования. Да и сами юноши и девушки убедились, что наиболее перспективные рыночные структуры и институты нуждаются в работниках высокой квалификации; что иностранные и местные банки, промышленные и торговые компании предпочитают нанимать тех, кто имеет диплом о высшем образовании.

⁴ World Development Indicators 2007. P.304–306.

В этих условиях в Казахстане, и особенно в Кыргызстане, наблюдался настоящий бум в сфере высшего образования. За период с 1990 по 2006 год общее число студентов в Казахстане увеличилось в 2,7, а в Кыргызстане – даже в 4 раза (!). Этот процесс охватил, пусть и в меньших масштабах, и другие страны изучаемых регионов. Так, например, за тот же период число студентов в Таджикистане увеличилось в 2 раза, в Армении – в 1,5 раза, в Грузии – на 40% и в Азербайджане – на 23%. Лишь в Туркменистане и Узбекистане общая численность студентов сократилась соответственно в 2 раза и на 16%. Это было связано с политическим курсом лидеров указанных стран. Покойный президент Ниязов в интересах укрепления личной власти и настоящего культа его личности стремился не допустить расширения круга людей, владеющих современными знаниями и потому (хотя бы потенциально) могущих представлять угрозу его режиму. В то же время президент И.Каримов после массовых студенческих демонстраций начала 90-х годов, которые были использованы оппозиционными партиями и группами в их интересах, принял решение о сокращении сферы высшего образования. В результате к 1996 году общее число студентов в Узбекистане уменьшилось практически вдвое, но одновременно был взят курс на расширение сети профессионально-технического образования современного типа. В дальнейшем правительство вновь изменило систему своих приоритетов, и в результате число высших учебных заведений и обучающихся в них студентов значительно увеличилось, хотя и не достигло уровня 1991 года⁵.

Быстрый рост числа студентов в большинстве стран обоих регионов происходил в условиях обострения финансового положения университетов и институтов. К сожалению, развитие высшего образования в странах Центральной Азии и Кавказа не сопровождалось соответствующим расширением его материальной базы: строительством новых зданий, студенческих общежитий, лабораторных корпусов и т.д. Большинство студентов обучалось в старых помещениях, на старом оборудовании, при недостаточном обеспечении новыми учебными пособиями, а оборудования – расходными материалами. Это почти неизбежно отражалось на качестве обучения, что может со временем привести к частичному «обесценению» их дипломов как на местном, так и на международном рынке труда.

⁵ Подсчитано по источникам, указанным в примечании к таблице 4.

Наряду с народным образованием, важной составной частью всей социальной сферы является система здравоохранения, само название которой определяет ее основные цели и задачи. В отличие от народного образования, в большинстве стран Центральной Азии и Южного Кавказа на протяжении последних 10–15 лет наблюдалось сокращение числа больниц и больничных коек, а также среднего медицинского и обслуживающего персонала. Тем не менее практически везде общая численность врачей оставалась на прежнем уровне или даже увеличивалась.

Обычно при сравнении количественных характеристик систем здравоохранения в различных странах используются такие индикаторы, как, например, удельный вес государственных и общих расходов на здравоохранение в бюджетах и ВВП соответствующих государств. Однако мы имеем возможность привести более сопоставимые, единообразные и значимые показатели. Речь идет о величине всех расходов на здравоохранение в расчете на одного человека, пересчитанных в доллары не по обменному курсу, а по паритету покупательной способности валют. Правда, при этом остается неясным, использовался ли при соответствующих расчетах средний паритет по всем товарам и услугам или специальный индикатор, относящийся только к сфере здравоохранения. Приводимые ниже цифры отражают, следовательно, все государственные и частные затраты на здравоохранение.

Не менее важно, конечно, попытаться определить сравнительную меру эффективности таких затрат, частичное представление о которой дает показатель, характеризующий величину младенческой смертности, т.е. смертности детей в возрасте до 1 года. Данные о динамике этого показателя регулярно публикуются в статистике изучаемых стран, но они несопоставимы с аналогичными сведениями по другим странам, ибо не соответствуют международным критериям, разработанным Всемирной Организацией Здравоохранения. Как видно из материалов таблицы 4, расхождения между официальными данными, до сих пор регулярно публикуемыми в статистике стран СНГ, и показателями, основанными на критериях ВОЗ, достигают по многим странам 2–3–4, а в Азербайджане – даже 7 раз. Конечно, индикаторы, полученные по критериям ВОЗ, не вполне точны, носят оценочный характер и почти наверняка в дальнейшем будут корректироваться. Но тенденция к занижению реальной величины показателей младенческой смертности в странах СНГ, на наш взгляд, не вызывает каких-либо сомнений. Вот почему мы сочли целесообразным привести оба индикатора младенческой смертности в странах Центральной Азии и Кавказа.

Таблица 4

Некоторые показатели функционирования системы здравоохранения в разных странах

страны	подушевые расходы на здравоохранение (в долл. по ППС валют) 2002 год	младенческая смертность (число детей, умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся)			ВВП на душу населения по ППС валют 2005 год, \$
		по официальной статистике стран СНГ (2005 год)	по международным критериям ВОЗ		
			1990	2005	
Азербайджан	120	10,1	84	74	4648
Армения	232	13,9	46	26	3903
Грузия	123	19,7	43	41	3505
Казахстан	261	13,9	53	63	8699
Кыргызстан	117	29,2	68	58	1728
Таджикистан	47 (!)	(21-30)	91	59	1413
Туркменистан	182	(25-30)	80	81	4211
Узбекистан	143	(20-25)	65	57	1970
Россия	535	10,2	21	14	11861
Индия	96	—	123	56	2126
Иран	432	—	72	31	10692
Китай	261	—	38	23	4091
Турция	420	—	67	26	7786
США	5274	—	9	6	41674
Португалия	1702	—	11	4	20006

Составлено по: Содружество Независимых Государств в 2006 году. С.116–118; UNDP Human Development Report 2005. N.Y., 2005. P.237–238.

На наш взгляд, значение этих материалов выходит далеко за рамки специальной проблемы здравоохранения. Дело в том, что приведенные в таблице данные позволяют лучше понять не только особенности положения в этой сфере, но и ее связь с такими экономическими индикаторами, как подушевой ВВП или удельные расходы на медицинское обслуживание населения. Вот почему целесообразно подробнее остановиться на анализе этих данных. Прежде всего отметим, что, коль скоро речь идет о сравнении ситуации в двух группах стран, находящихся на верхних и нижних ступенях «лестницы экономического развития», становится оче-

видной несомненной связью между сравнительными уровнями младенческой смертности, величиной душевых ВВП и душевых расходов на здравоохранение. Так, например, в США или Португалии, душевой ВВП которых (и аналогичные расходы на здравоохранение) в несколько раз выше, чем в странах Центральной Азии и Кавказа, уровень младенческой смертности (6 и 4) оказывается во много раз ниже, чем в странах этих регионов: 58 – в Кыргызстане, 59 – в Таджикистане и 81 – в Туркменистане и т.д.

Однако попытка установить прямую и непосредственную связь между душевым ВВП, расходами на здравоохранение и уровнем младенческой смертности между странами, находящимися в одной из этих групп, дает отрицательный результат. В самом деле, душевой ВВП в США вдвое выше, а расходы на здравоохранение (в расчете на 1 человека) втрое выше, чем, например, в Португалии, тогда как уровень младенческой смертности в Португалии в 2005 году, напротив, в 1,5 раза ниже, чем в США. Аналогичные результаты дает, например, сопоставление соответствующих цифр в Армении и Турции. В обеих странах уровень младенческой смертности одинаков (26 на тысячу родившихся), тогда как душевой ВВП Турции вдвое выше, чем в Армении, а расходы на здравоохранение в Турции также существенно превышают аналогичный показатель по Армении.

Еще более поразительные результаты дает сравнение младенческой смертности в Кыргызстане, Узбекистане и Туркменистане. Все это показывает, что конечные результаты функционирования системы здравоохранения (в данном случае – уровень младенческой смертности) зависят не только, а в отдельных странах и не столько от соотношения их душевых ВВП и даже душевых расходов на здравоохранение, сколько от сложного комплекса экономических, социальных, политических факторов, а также традиций, цивилизационных особенностей, исторически сложившихся условий быта их населения и т.п. Так, например, еще в 1990 году общий уровень младенческой смертности в Грузии и Армении был значительно ниже, чем в Азербайджане, находящемся в том же регионе. Аналогичное положение оказалось характерным и для 2005 года, но при этом ситуация в Армении значительно изменилась к лучшему, тогда как в Грузии сколько-нибудь существенных изменений не произошло. В данном случае это, на наш взгляд, прямо связано с особенной глубиной и длительными последствиями экономического кризиса в Грузии, но также, возможно, и с более эффективным функционированием системы здравоохранения в Армении.

Если теперь обратиться к ситуации в 4-х странах – экспортерах нефти и газа, то окажется, что положение в России заметно изменилось к лучшему, существенно снизился показатель младенческой смертности и в Азербайджане, тогда как в Казахстане его динамика оказалась крайне негативной, и в 2005 году величина соответствующего индикатора не только не уменьшилась, но, напротив, заметно увеличилась. Что касается Туркменистана, то здесь вообще не наблюдалось видимых изменений к лучшему. Думается, что в этой стране решающую роль играли проводимый ранее в этой стране социально-экономический курс и его негативные последствия в различных сферах народного хозяйства и общественной жизни.

Наиболее неожиданными оказываются, однако, результаты сравнения динамики младенческой смертности в Азербайджане и Казахстане. Дело в том, что Казахстан – единственная страна, где величина этого показателя существенно увеличилась, несмотря на высокие темпы экономического роста и значительное повышение подушевого ВВП, равно как и всех расходов на здравоохранение. Ведь оба экономических показателя в Казахстане выше, чем в Азербайджане, а динамика младенческой смертности в обеих странах оказалась прямо противоположной. Разумеется, эта проблема требует специального анализа, но уже сейчас можно предположить, что реформа, проводимая в Казахстане с целью «оптимизации» системы здравоохранения, в ходе которой сократилось число больниц и больничных коек, не дает тех результатов, которых от нее ожидали.

Наконец, сравнение ситуации в республиках Центральной Азии и Кавказа и в таких странах Азии, как Индия, Иран, Китай или Турция, показывает, во-первых, что во всех странах последней группы за период с 1990 по 2005 год наблюдалось резкое сокращение младенческой смертности (в Индии, Иране и Турции – более чем вдвое) и, во-вторых, что масштабы этого сокращения были значительно большими, чем в «азиатских» странах СНГ. Последнее обстоятельство несомненно связано, точнее объясняется, последствиями глубокого экономического кризиса переходного типа во всех республиках бывшего СССР.

Если попытаться подвести итог изучению динамики некоторых индикаторов социальной сферы в странах Центральной Азии и Кавказа, то приходится признать, что их изменения носили глубоко противоречивый характер и определялись воздействием не какого-то одного, пусть очень важного, обобщающего экономического показателя (например – подушевого ВВП), а сложным взаимодействием различных, порою даже разнонаправленных факторов, далеко не всегда поддающихся количественной

или даже качественной оценке. Представляется, что более или менее жесткая привязка различных социальных показателей к величине подушевого ВВП была бы ошибкой, ибо сведения о соотношениях этих индикаторов с динамикой обобщающих экономических характеристик являются полезными, информативными, когнитивными, но не могут быть нормативными и, тем более, директивными для определения оптимальной величины удельных расходов на образование, здравоохранение и т.д. Размеры таких ассигнований и их динамика зависят не только, а порою и не столько от общего уровня развития той или иной страны, сколько от избранной системы приоритетов и проводимого ее руководством курса социально-экономической политики.

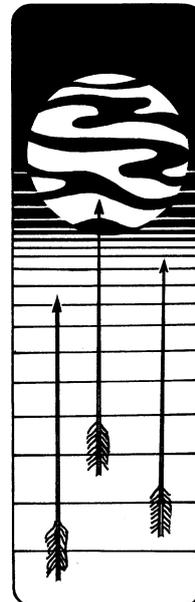
Изучение экономических и некоторых социальных процессов в странах Центральной Азии и Кавказа позволяет сделать ряд существенных выводов. Прежде всего, социально-экономическое развитие этих стран в условиях политической независимости отличалось глубокой неравномерностью «во времени и в пространстве». Иначе говоря, экономический кризис 90-х годов сменился восстановительным экономическим ростом, а в ряде стран – и поствосстановительным развитием, масштабы и темпы которого существенно различались от страны к стране. В результате различия между абсолютными и относительными показателями экономического и социального развития каждого из государств Центральной Азии и Кавказа ныне существенно превышают величину аналогичных индикаторов, характерных для последних лет существования СССР. Если использовать иные термины, то можно сказать, что ныне страны Центральной Азии и Южного Кавказа больше отличаются друг от друга (и от России), чем это было в период их вхождения в СССР. Можно даже сказать, что за последние 10–15 лет они все больше «удалялись друг от друга» в мировом социально-экономическом пространстве. При этом в период восстановительного роста положение населения, как правило, изменялось к лучшему гораздо медленнее индикаторов общей экономической динамики. На наш взгляд, это, видимо, потребует в будущем придания большей социальной направленности (и особенно социальной отдачи) как дальнейшим реформам, так и результатам общего экономического развития этих стран.

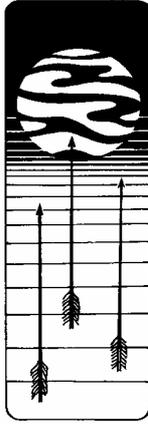
Религия есть вид мифа, а именно мифическая жизнь, и притом мифическая жизнь ради самоутверждения в вечности. <...> Религия ... уже по самой своей природе чрезвычайно близка к мифу. Ведь она есть по преимуществу бытие личностное, синтетическое, а не изолированно-абстрактное самоутверждение личности. Она в самом своем принципе уже содержит нечто мифическое. Она не может не зацвести мифом.

А.Ф. Лосев

**Отношение доверия основано
на состоянии соприкосновения:
соприкосновения моей
целостности с тем,
к чему я испытываю
доверие.**

Мартин Бубер

Жан-Клод Шмитт

**ВЕРА
В СРЕДНИЕ ВЕКА¹**

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

Faith is one of history's motors. At the same time history of the faith itself is inadequately investigated so far. Faith is not identical to religion. This notion embraces not only what people believe in (in God, saints, after-life) but all diversity of individual and collective practices that embody this belief. Faith is a social and psychological process. In different societies people believe differently. J.-C. Shmitt, the French Historian is a specialist in the history of Middle Ages. His subject is Middle Ages. History of faith he plots is not merely history of Catholicism, institutes of the Church, sacraments and rites. He tries to understand what did it mean to believe in Middle Ages. Author raises a series of fundamental questions. What was the role of faith in medieval society? What were specific mechanisms of new beliefs' dissemination and of the Church control of the faith? Was there any place for religious doubts in the medieval culture?

¹Статья впервые опубликована: Schmitt J.-C. *La croyance au Moyen Age // Raison présente*, 113, 1995. P.15–22.

Для того, кто задумает написать историю веры, Средние века представляют на первый взгляд совершенную модель того, как идеально могут совпасть контуры социального организма и системы представлений, которые разделяют все «верующие». Средневековье воспринимается как образцовая «эпоха веры», веры, которая способна «переставлять горы»² или, как минимум, позволила возвести соборы. Вот почему его принято противопоставлять как ритуализму гражданской религии греко-римской Античности, так и современному агностицизму, который появилось на свет в эпоху Возрождения, что позволило Люсьену Февру задаться вопросом о «неверии» или «атеизме» такого человека, как Рабле³.

На этом фоне одни с ностальгией оплакивают безвозвратную потерю былого рая веры, тогда как другие, напротив, изобличают царство «легковерия» и средневековых «суеверий», плодородную среду для всевозможных фантазмов. Подобные суждения, которые, казалось бы, противоречат друг другу, на самом деле одинаково упрощают суть дела. Они пренебрегают всеми нюансами, которые может принести в эту грубую картину историк, коль скоро он откажется ставить знак равенства между заявленным объектом веры (Бог, дьявол, ад и т.д.) и изменчивыми формами, в которые эта вера воплощается (что, собственно, значит верить в дьявола?). По словам Мишеля де Серто, мы обращаем в объекты только те верования, в которые больше не верим, и не способны распознать столь же незаметные и принудительные операции веры в своих собственных практиках⁴. Даже если вынести за скобки «возвращение религии», которое часто происходит на периферии традиционных Церквей, то как не заметить, что и сегодня вера (или, скорее, определенные типы веры) приводит в движение механизмы общества потребления, средств массовой информации, лотереи, биржевой спекуляции или политической жизни?

Однако настоящее и прошлое все-таки не тождественны друг другу. Их различия, без сомнения, лежат в плоскости отношений между верой и религией, с одной стороны, и разумом и наукой, – с другой. Какова бы ни была доля веры во всяком познании, вплоть до самых основ проекта

² 1 Кор. 13:2. – Прим. пер.

³ Febvre L. *Problème de l'incroyance au XVIe siècle. La religion de Rabelais*. Paris: Albin Michel, 1942 (rééd. 1968).

⁴ Certeau M., de. *Croire: une pratique sociale de la différence // Vauchez A (éd.). Faire croire: Modalités de la diffusion et de la réception des messages religieux du XIe au XVe siècles*. Rome: École française de Rome, 1981.

науки (например, когда ученый выдвигает гипотезу), нет причин сомневаться в следующем утверждении. Современный рационализм и развитие точных наук потеснили по всему фронту царство верований, особенно там, где религиозная фантазия населяла сверхъестественными существами невидимый мир, недоступный прямому наблюдению и принципиально непознаваемый. Тем не менее поостережемся говорить о линейном прогрессе разума и окончательном отступлении верований. Задача историка – фиксировать смещение полей веры, изменения в ее содержании и возникновение в обществе новых форм производства веры⁵ и контроля над ней.

Социальные рамки веры в Средние века

Разговор о вере в Средние века невозможен, если мы сразу же не напомним о том, что главная роль в определении объектов веры (христианство), побуждении верить (орто-

доксия) и педагогике веры (апостолат) принадлежала Церкви. Кроме того, наши знания о средневековых верованиях в значительной степени зависят от свидетельств клириков, чья миссия заключалась в том, чтобы прославлять и распространять легитимные верования. Вот почему в течение долгого времени они были единственными, кто пользовался грамотой. Тем не менее даже для самих средневековых клириков вопрос о вере не сводится к вере в Бога, но подразумевает множество других объектов и форм веры, идет ли речь о том, чтобы поверить в чей-либо рассказ, болтовню соседа, какое-нибудь знамение или собственную судьбу...

В церковной латыни Средних веков, как и в классической латыни, от которой она произошла, большая часть семантического поля веры покрывается двумя словами. Во-первых, это глагол *credere*, который буквально означает «давать в долг», ждать в ответ эквивалент того, что вы одолжили⁶. Таким образом, вера предполагает взаимодействие с Дру-

⁵ Выражение «производство веры» (*production de la croyance*) широко используется в работах французского социолога П.Бурдьё. См., например, его известную статью 1977 г. «Производство веры. Вклад в экономику символических благ» (Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. Н.А. Шматко. СПб., 1997. С.177–271). Речь идет о формировании у индивида в процессе социализации определенных моделей перцепции и оценки, которые заставляют его действовать в соответствии с определенными ожиданиями и воспринимать как должное т.н. символическое насилие. Ж.-К.Шмитт применяет близкий термин «*production du croire*». – Прим. пер.

⁶ См. статью «Доверие и вера»: Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных

гим, будь он человеком или божеством. Во-вторых, есть существительное *fides*, которое переводится как «доверие», «верность» и в расширительном смысле – «вера в Бога». В любом случае эти слова могут относиться к любой сфере социального поведения человека. Симптоматично, что «вера» и «верность» – это ключевые слова целой социополитической системы – феодализма⁷. Идея договора, изначально заложенная в понятия веры и верности, лежит в основе отношений, которые связывают «верного»⁸ как с его сеньором, так и с Богом (также называемым *dominus*). В обоих случаях между ними устанавливаются отношения взаимного доверия. Они существуют в рамках четкой иерархии и призваны продлиться ровно столько, сколько понадобится для реализации принципа взаимности услуг, предусмотренных договором (защита со стороны сеньора и помощь ему вассала, преданность верующего его Богу и обещание спасения в загробном мире).

Если лингвистические рамки этих отношений мало изменились со времен Античности, то специфика Средневековья не становится от этого менее заметной. Она связана с новым социальным и религиозным содержанием этих понятий и особенно, если мы говорим о христианстве, с появлением религиозной системы принципиально нового типа.

Исключительность христианской веры состоит, прежде всего, в претензии новой религии на то, что она одна владеет истиной. Эта позиция контрастирует с тем, как легко гражданская религия Рима принимала в свое лоно иноземных богов при условии, что их культ не угрожал основам Империи (именно этим объясняется преследование христиан)⁹. Христианский монотеизм столь категорично отвергал любой компромисс с другими культурами, поскольку в течение первых веков выработал для себя строго обязательный корпус верований – догму. Никейский собор 325 г. резюмировал ее в формуле Символа веры (*Credo*). Менее века спустя св. Августин обосновал его члены в трактате «*De doctrina christiana*» («О христианском учении»). Поскольку Истина, как она изложена в Библии, дарована человеку в Откровении, то он должен принять христианскую веру и она не может мириться ни с какой другой.

терминов. М., 1995. С.124–129; Pouillon J. *Remarques sur le verbe croire* // Izard M., Smith P. (éd.). *La Fonction symbolique. Essais d'anthropologie*. Paris: Gallimard, 1979. P.43–51.

⁷ Французские слова *foi* (вера [в Бога], вероисповедание, доверие, обещание) и *fidélité* (верность) восходят к латинскому слову *fides* и его производным. – Прим. пер.

⁸ Слово *fidèle* означает как «верующего», так и «верного» вассала. – Прим. пер.

⁹ Linder M., Scheid J. *Quand croire c'est faire. Le problème de la croyance dans la Rome ancienne* // *Archives de sciences sociales des religions*, 81, 1993. P.47–62.

Тем не менее христианство с самого начала не стало замыкаться на *одном-единственном* тексте и оставило дверь открытой для более гибкого понимания Истины. Ведь исходно существует не одно Евангелие, а четыре. Они, конечно, сходятся друг с другом в самом главном, но выражают его по-своему, а иногда и противоречат друг другу в деталях, при этом оставляя в тени множество аспектов Обетования. Вот почему священный текст, который раскрывает обязательные истины веры в форме множества рассказов, сам одновременно требует комментария и продуцирует новые повествования. Вера или, если говорить шире, то, что достойно доверия, подразумевает различные уровни и степени легитимности и не ограничивается одним жестким ядром Писания. Она охватывает все то, что составляет традицию, созданную таким институтом веры, как Церковь, как на уровне доктрины (от трудов Отцов Церкви до деяний соборов), так и в плане повествования (т.е. всю христианскую легенду: от житий святых до рассказов о чудесах и *exempla* проповедников).

Тем не менее, сколь бы ни был высок авторитет, на который претендует традиция, она никогда полностью не отождествляется с Истиной, дарованной в откровении. Она не может отменить того, что она создана людьми, даже если они *уполномочены* на это в силу сакральной природы своего сана и святости института, которому они служат. Недаром еретики, а позже и протестанты не преминут об этом напомнить. Однако поначалу то, что могло обернуться слабостью, было обращено в преимущество, поскольку благодаря традиции вера смогла стать ближе к верующим. Они быстро прониклись множеством изречений и образов (маленький Иисус, Святое семейство, святые, Страшный суд и т.д.), которые возникли на границе между человеческим и божественным. В силу этого они были лучше всего приспособлены, чтобы обеспечивать единство социального организма, который, как мы видим из анализа словаря, покоится на разветвленной сети подобных друг другу «договоров».

Еще одна особенность христианства – это универсализм веры, которая открыта и дарована всем людям, вне зависимости от их социального положения (раб или свободный человек), государственных границ (христианство никогда не позиционировало себя как религия одной общины или империи) или этнического происхождения (избранный народ потенциально включает всех людей). Христос требовал от людей только одного – следовать за ним. Это один из самых революционных аспектов его послания, и именно он позволил христианству столь быстро достичь успеха и распространиться.

Однако эта особенность влекла за собой два следствия. С одной стороны, христианство нуждалось в сильном церковном аппарате, который бы компенсировал отсутствие иной устойчивой институциональной опоры. Если сравнить христианство с религиями Античности, иудаизмом или исламом, то его отличает от них как раз существование сильной и все более централизованной Церкви, с ее священниками, клириками, администрацией, огромными материальными богатствами, университетами и т.д. Невозможно правильно судить о значении и функциях веры в период Средневековья без учета той определяющей роли, которую играл такой институт веры, как Церковь. Она была одновременно законодателем веры, инструментом ее проповеди и, как обязательный источник авторитета (*auctoritas*), еще и объектом веры.

Второе следствие универсального характера христианства заключается в том, что оно подчеркивало: вера – это результат индивидуального выбора. Она никогда не может быть просто пассивно унаследована. Христианство всегда призывает человека к обращению: внешнему обращению в новую веру, по образцу св. Павла, или внутреннему и по природе бесконечному обращению, какое, например, велит принять монашеский постриг. Нельзя не заметить, что христианская культура с самого начала рассматривает выбор веры как интимный, внутренний и свободный акт и делает упор на личную связь между человеком и Богом (как в «Исповеди» св. Августина). Однако, как мы увидим в дальнейшем, не стоит пренебрегать и внешними проявлениями веры (в том числе и в рамках Церкви) как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Наконец, даже если наши современные представления о вере как индивидуальном чувстве, без сомнения, многим обязаны христианской культуре прошлых времен, стоит остерегаться анахронизма. Ведь христиане издревле были убеждены, что перводвижитель христианского обращения – это не только свободная воля, но и Благодать, духовение Святого духа, которое ребенок получает во время крещения.

Границы веры?

Значение Церкви и христианства как конфессии не должны от нас заслонять чрезвычайного разнообразия практик и остроту средневековых дебатов о содержании и градациях веры. Остается ли в религиозной культуре, кажущейся столь монолитной, место для неверия? Каково место отвергнутых Церковью «ложных верований», которые существуют параллельно или в прямой оппозиции

к верованиям легитимным? Наконец, как на фоне этих дебатов в средневековой культуре ставится вопрос о вере в «правду» и «ложь»?

Из-за состояния источников, которыми мы располагаем, вопрос о неверии, без сомнения, остается одним из самых проблематичных. Люсьен Февр попытался к нему подойти, чтобы сделать вывод о принципиальной невозможности неверия в Средние века. Как показал Жан Вирт¹⁰, сегодня эти выводы нуждаются в уточнении, что я и попытаюсь сделать, выделив два уровня анализа. С одной стороны, мы должны иначе, чем это делалось до сих пор, изучить обширный комплекс сохранившихся на страницах житий святых, в рассказах о чудесах или историях проповедников свидетельств о поступках, которые клирики расценивали как богохульные и святотатственные и которые через насилие или осмеяние ставили под сомнение реальность какого-либо чуда, материальность Реального присутствия, сакральную природу священства, силу церковного благословения или проклятия либо способность того или иного святого излечить больного. Если обобщить все эти примеры критики, нападок, сальных насмешек, то мы убедимся в том, сколь были распространены поступки, которые, конечно, свидетельствуют не о принципиальном агностицизме со стороны простых «верующих», а скорее о недоверии к конкретным святыням и вольности в восприятии ортодоксального дискурса клириков.

Кроме того, следует обратить внимание на еще один феномен, на этот раз на самом научном уровне интеллектуальной жизни: неустанное стремление рационализировать религию. Оно настолько же старо, как и комментарий Писания (*Sacra pagina*), но сделало решительный рывок с появлением схоластики, когда, по выражению отца Шеню, теология превратилась в «науку». С первых же шагов она поставила себя в очень смелую позицию по отношению к вере: св. Ансельм попытался продемонстрировать необходимость Воплощения с помощью диалектики. Абельяр прибег к тем же логическим процедурам, чтобы испытать доктринальную традицию на критических весах истины и лжи («*Sic et Non*»¹¹). Подобные попытки свидетельствуют о необычной свободе по отношению к Тексту, согласно завету о том, что «буква убивает, а дух животворит»¹². Однако, как мы видим из продолжающихся до сих пор регулярных предостережений церковных иерархов в адрес теологов, это

¹⁰ Wirth J. *La naissance du concept de croyance (XIIe – XVIe siècle) // Bibliothèque d'humanisme et de Renaissance. Travaux et documents, XLV, 1983. P.7–58.*

¹¹ «Да и Нет» (лат.). – Прим. пер.

¹² 2 Кор. 3:6 – Прим. пер.

не помешало им подточить сами основы христианской веры, расчистить пространство для десакрализованной мирской мысли и релятивизировать историческое значение религиозных истин. «Смерть Бога» (которая, само собой, случилась много позже исхода Средневековья) не столько поразила Церковь снаружи, сколько была подготовлена, начиная со Средних веков, в самом ее лоне.

И тем не менее в эту эпоху основная линия раздела пролегает не между верой в Бога и агностицизмом, а между «истинной» верой и верой «ложной». Клирики оценивают веру на весах двух непримиримых категорий истины и лжи. Они открыто противостоят друг другу: *veritas* – это то, что даровано в Откровении, обязательное ядро веры. Она противоположна *falsitas*, т.е. по определению всему тому, что не является ею. При этом «ложь» воплощается в различных социальных и культурных типах, которые занимают значимое место в дискурсе Церкви.

В первую очередь речь идет о вере язычников, которая обобщенно называется «идолопоклонством», а их мифы изобличаются как пустые сказки, *fabulae*.

Затем следуют евреи, отношения с которыми, однако, строятся иначе, поскольку Ветхий Завет сохраняет свою значимость как пророчество о Воплощении. Недаром, типологическая экзегеза позволяет клирикам находить в эпизодах Ветхого Закона прообразы или моральные уроки Нового. Однако, будучи устаревшей и несовершенной верой современных евреев, иудаизм низводится до уровня *superstitio*¹³, т.е., если следовать за этимологией, свидетеля, который, не признав Мессию, продолжает влачить бессмысленное и все менее терпимое существование.

Термин *superstitio* относится также к «народным верованиям», которые Церковь, несмотря на свою мощную способность к адаптации, не смогла или не захотела интегрировать в число своих верований или практик. По-немецки они называются *Aberglaube*, т.е. этимологически – «неверие». Мы понимаем под этим весь плохо контролируемый фольклор, в центре которого стоят практики дивинации, а также благотворные и пагубные обряды, связанные с телом, болезнью и смертью¹⁴. Для средневековых клириков, как и позднее для эрудитов и фольклористов, они представляют собой не что иное, как разрозненные «пережитки», *membra disjecta*, античного идолопоклонства, сохранившиеся в лоне христианства и в обиходе неграмотного большинства населения. Одна-

¹³ *Suavepue* (лат.). – Прим. пер.

¹⁴ Schmitt J.-C. *Les «superstitions»* // Le Goff J., Rémond R. (éd.). *Histoire de la France religieuse*. T.1. Paris: Éd. du Seuil, 1988. P.417–551.

ко понятие «пережитка» не способно точно отразить суть этих верований, которые в реальности не отстают от ритма истории. На самом деле сама Церковь никогда не переставала подпитывать «суеверия», исключая из ядра ортодоксии те верования и практики, которые она прекратила признавать с течением времени. Эти же «обряды», утратившие свой первоначальный смысл, вновь приобретали популярность у «народа». Например, различные формы дивинации, которые в Раннее Средневековье без труда применялись, чтобы подтвердить выбор нового епископа, в XIII веке перестали одобряться церковными властями и сохранились только по домам и приходам. Как не отметить сходства (только в более длительной хронологической перспективе) с верой в дьявола, которая была достойна учнейшей спекуляции для такого человека, как Фома Аквинский, а в наши дни свелась до уровня безобидного фольклора или преподносится в метафорическом духе? Исторический характер христианства заключается в том, что мы могли бы назвать постоянным обновлением верований: одни верования получают новое обоснование, тогда как другие, напротив, теряют свою легитимность, но продолжают жить, пережившись и сблизившись с фольклором. Средневековое христианство никогда не было замкнутой и застывшей системой веры. Напротив, оно никогда не переставало изменяться, вводить новшества (например, изобретя среди прочего веру в Чистилище), адаптироваться к окружающим условиям и отбрасывать отжившие формы. Так, начиная с XIII века традиционный *clamor* – приостановка божественной службы, объявленная монахами для наказания своего святого патрона, который, как им казалось, не хотел больше их защищать, – приходит в упадок, однако аналогичная подпольная практика, несмотря на все обличения духовенства, вскоре появляется у простых мирян.

Не вызывает сомнения, что подобная способность к адаптации была одним из секретов силы и устойчивости Церкви. Настолько, что прямые атаки, направленные против нее, каждый раз заставляли ее собраться с силами и скорее укрепляли, чем ослабляли. Главная опасность заключалась в ереси, в которой видели извращение легитимной веры. Казалось, что она все время возрождается и сопровождает все успехи Церкви. Еретики противопоставляют церковному учению «фундаменталистское» толкование Писания, которое отвергает все добавления и компромиссы Традиции. Вместо гибкой концепции веры, которую с успехом предлагают клирики, еретики (в том числе и те, кого некоторые тексты показательно называют *credentes*) проповедуют моральный и доктринальный ригоризм и отвергают любые уступки миру. Здесь сталкиваются скорее не различные веры (это справедливо только для ката-

ров, да и то лишь отчасти), а две концепции веры: одна – бескомпромиссная и потому обреченная на поражение, а другая – предельно гибкая и потому обязанная победить. Церковь восторжествовала над своими противниками, без сомнения, с помощью институциональной, политической и материальной мощи. Однако не меньшую, если не большую роль здесь сыграла более гибкая концепция истины, которая в любых обстоятельствах была для нее решающим фактором адаптации, а порой и помогала пойти на полезный компромисс.

Проблема истинной и ложной веры не только сталкивает Церковь с ее противниками, которых она сама себе назначает и решает переубедить или осудить. Она стоит в самом сердце верований и практик, которые считают легитимными. Дело в том, что истина, как и ложь, не дана *a priori*. Ее еще нужно отыскать. До определенного предела ложь может быть даже необходима для истинной веры.

Об этом свидетельствует то многообразие функций, которые в Средние века выполняла фигура дьявола – отца всякой лжи, всех мнимых верований, точно описанных с помощью прилагательного *fantasticus*. «Фантазмы» – это суетные желания и образы сновидений, которые, согласно представлениям эпохи, не рождаются сами в психике человека, как мы думаем сегодня, а незаметно вкладываются туда, когда он спит и грезит, дьяволом под покровом ночи. Поэтому к сновидениям стоит относиться с осторожностью, не верить им безоглядно и скорее полагаться на то, что о них говорят те, кто уполномочен для этого: клирики, которые благодаря своей мудрости и достоинству сана (*ordo*) способны отличить «истинный» сон (посланный Богом и ангелами) от сна «ложного» (идущего от дьявола) либо «добрых духов» (ангелов, души умерших) от «духов злых» (демонов, которые принимают их облик). Недаром клирики закрепили харизматический дар *discretio spiritum*¹⁵ за особым чином экзорциста. Этим Церковь вновь заявила о себе как о хранительнице веры, навязав свое посредничество между человеком и сверхъестественным, дабы самой решать, что истина, а что ложь, и поставить вторую на службу первой. Ведь если дьявол – это воплощение лжи и источник ложных верований, то для спасения души люди должны верить в него и в его силу. Вот почему проповедники не упускали случая, чтобы с кафедры укрепить своими рассказами веру в дьявола и извлечь пользу из страхов, которые она порождает.

Граница между истиной и ложью неустанно и мучительно уточняется. Конечно, в некоторых случаях она может быть проведена уверенной

¹⁵ *Различение духов (лат.)*. – Прим. пер.

рукой, и некоторые средневековые клирики не стали дожидаться позитивистской критики Нового времени, чтобы разоблачить в одном месте мошенничество, а в другом – недобросовестную ошибку. Мы, например, знаем, как в начале XII века монах Гвиберт Ножанский попытался доказать, что претензии некоторых церквей на то, что они владеют телесными реликвиями (молочным зубом, крайней плотью, пуповиной) Христа, противоречат догмату о воскресении Спасителя. Однако в большинстве случаев «подлинность» объектов (которые мы, само собою разумеется, считаем «фальшивками») не вызывала, да и не могла вызвать никакого сомнения с того момента, как от нее зависели социальный статус и авторитет их обладателей, шла ли речь о хартии, подтверждающей давние привилегии, бесчисленных фрагментах Истинного Креста или мнимом теле какого-нибудь святого, хранившемся сразу же во многих святых местах. Для их счастливых обладателей, чаще всего монахов или каноников, подлинность этих ценных объектов, подтвержденная традицией или словом свидетелей, не вызывала сомнений, если хотя бы не выходила за рамки *правдоподобия*, которые без всякой позитивной проверки или рационального доказательства очерчивали к всеобщему удовлетворению границы приемлемых верований. В конце концов если реликвия слыла эффективной подмогой от какой-нибудь болезни, а предполагаемая древность монастыря лишь добавляла красок ее благородной легенде, то что мешало в нее «поверить»?

В конечном счете, лучшей гарантией эффективного функционирования веры была ее гибкость. Ален Буро это прекрасно продемонстрировал на примере повествований, которые церковная культура Средневековья создала вокруг первоначального рассказа Откровения. Он предложил выделить несколько «режимов истинности», что позволяет выстроить эти рассказы в иерархию в зависимости от их функций (начиная от литургии и заканчивая полемическими текстами, например, против еврейских докторов или еретиков, не говоря уже об «*exempla*» проповедников) и источников.

- На вершине лестницы стоят рассказы Евангелия – воплощение данной в Откровении истины, жесткое, хотя и не лишённое противоречий ядро обязательной веры.
- Затем следует истина, опирающаяся на «авторитет», которая включает все то, что было сказано Отцами Церкви и остается для нее непроверяемым.
- Ниже идет истина, «засвидетельствованная» самим рассказчиком, который ссылается не на авторитет (Августина, Григория Великого, Беду и т.д.), а на свой собственный опыт, не

забыв уточнить «я видел...», «я слышал...». Обычно он называет того, от кого получил информацию, человека «достойного доверия», и перечисляет причины, почему ему стоит поверить: его мудрость, добрый нрав, «благочестивые помыслы», принадлежность к монашескому ордену, особенно если это тот же самый орден, что и у рассказчика.

Добавим к этому, что в случае «засвидетельствованной» истины, который, по сути, охватывает значительную часть средневекового нарративного корпуса, вера питает веру. Это происходит потому, что записанный и объявленный сообразным критериям истинности рассказ, как правило, поднимается на одну ступеньку вверх по лестнице истины и сам превращается в источник «авторитета». Мы видим это в сборниках *exempla* XIII–XIV вв., где недавние рассказы, с большим или с меньшим основанием приписанные знаменитому проповеднику (например, Жаку де Витри), превращаются в «авторитетные» источники новых рассказов.

Последняя ступенька лестницы – это то, что «известно из третьих рук» и подтверждается простой ссылкой «*fertur*» или «*dicitur*»¹⁶. Мы спускаемся до обыкновенного слуха или того, что теоретические тексты из осторожности называют «мнением». Даже если никто не может поручиться за буквальную точность рассказа, он по существу не вызывает сомнений до тех пор, пока не вступает в противоречие с истиной. Мы незаметно прошли путь от несомненной истины к легитимному правдоподобию, в которое не вредно, а даже полезно поверить. Множество *mirabilia* – историй о чудесах природы или удивительных событиях (странных и необъяснимых видениях, появлениях монстров, волшебных существах) – относится к этой категории. Внимание, которым они пользуются, и доверие, которое вызывают, не стоит приписывать только «легковерию» эпохи. Если говорить о клириках, которые фиксировали эти удивительные вещи на бумаге, то они были движимы огромным интересом к «чудесным» явлениям, выпадающим, как им казалось, из привычных рамок традиционных «чудес» и способным даровать скрытые до сих пор познания о мире и человеке. Вера в фей и упавшие с небес «громовые камни», возможно, поддержала первые неуверенные шаги науки современного типа.

В то же время, чтобы понять, как функционирует вера, следует учитывать не только различные маркеры истинности, которые предваряют рассказы этого типа, но и материальные доказательства, принадлежащие к самой интриге повествования. В огромном числе историй об об-

¹⁶ «Как говорят...» (лат.). – Прим. пер.

ращении драматическая и конкретная демонстрация истины внезапно заставляет скептика одуматься или просветляет очерствевшую душу. Пораженный Божьей карой, внезапно согнутый вдвое болью, посланной проклявшим его святым, или, наоборот, чудесным образом избавленный от болезни, которая считалась неизлечимой, человек мгновенно перестает сопротивляться вере. Таким образом, существует момент обращения, который готовится большее или меньшее время, а потом внезапно происходит. Это подразумевает концепцию веры, которая, в отличие от того, что мы могли бы ожидать, соотносится не столько с внутренней духовной эволюцией, анахроничной для той эпохи картиной психологической жизни, сколько с публичным поведением, следующим общепринятым ритуальным формам и зримо демонстрирующим верность человека той истине, которая оказывается не чем иным, как социальной нормой. Таким образом, средневековый тип веры укоренен не столько во внутренних движениях души, сколько во внешней сфере публичного и ритуального поведения, а также осязаемых доказательствах, которые одновременно питают веру и служат ее внешним выражением.

Например, в многочисленных историях, которые выводят на сцену сверхъестественные силы (например, в случае явлений Христа, Девы Марии, дьявола или душ умерших), призыв поверить предполагает материальные гарантии, которые источники обычно называют *signa*¹⁷. Недостаточно провозгласить веру или потребовать от человека поверить в нее. Она нуждается в устойчивых и осязаемых доказательствах. Конечно, религиозное чувство, вера в Откровение по идее должны обходиться без подобных «знаков». Разве Христос не упрекнул Фому за то, что тот захотел прикоснуться к его ране, прежде чем поверить в воскресение? Однако во множестве рассказов, которые в течение веков неустанно дополняли и развивали драму истоков, различные типы *signa* становятся не исключением, а правилом. Речь идет о вещественных, а также невещественных доказательствах, как напоминании о забытом событии или предсказании, чье исполнение заставляет человека уверовать. Кроме того, «знаки» располагаются по всей временной шкале, предшествуя, совпадая по времени или следуя за сверхъестественным событием, которое является объектом веры. Так, дьявол может, явившись человеку во сне, оставить на его теле видимые и болезненные следы, а жертва, пробудившись, признается, что ночью действительно подверглась избиению. Другой вариант: упоминание о каком-то событии, о котором не может знать никто посторонний. Например, призрак

¹⁷ «Знаки» (лат.). – Прим. пер.

умершего напоминает своему брату о приключении, которое они вдвоем пережили в юности. В знаменитом чуде святого Меркурия свидетельство паломника позволяет *a posteriori* понять, что именно этот святой убил в бою императора Юлиана Отступника, как раз в тот момент, когда его оружие внезапно исчезло из церкви, где обычно хранилось. Наконец, часто случается, что сверхъестественный персонаж предрекает смерть тому, кому он явился, и реализация этого мрачного предсказания служит для недоверчивых свидетелей лучшим доказательством правдивости его рассказа.

Само собой, опознание подобных «знаков» и признание за ними силы доказательства подразумевает такой тип дешифровки реальности и понимания времени и судьбы, которые принадлежат к тому же пространству религиозной веры. Знаки немые для тех, кто не умеет связывать их друг с другом и с малейшими деталями происходящего. Ведь наделять их значением, закрепить за ними статус доказательства – значит, вообразить историю без случая и допустить, что видимый мир приводится в движение невидимым. Однако жить в таком мире не значит рабски подчиниться судьбе, не надеясь ничего изменить, или погрузиться в царство легковерия, где не было бы ни сомнения, ни критики «знаков».

Формы веры

В заключение мы должны попытаться выйти из круга ученых категорий, в которых осмыслились и классифицировались верования. Мы должны приблизиться к живым формам индивидуального акта веры, тонкой балансировки между тем, что преподносится как истина (хотя и актуально недоступно личному опыту – *я верю в милость короля, вечную жизнь и т.д.*), и сомнением (неизбежно подрывающим утверждения подобного рода – *да, я верю, но...*). Однако историку непросто проникнуть в сознание людей прошлого и интерпретировать внешние «знаки» веры, о которых мы говорили. Например, если количество и часто красота художественных и архитектурных памятников цивилизации Средневековья могут в наших глазах служить выражением религиозных верований этой эпохи, их искренности и силы, то как сделать следующий шаг и раскрыть конкретное содержание, нюансы, а порой и сомнения, которые образуют совокупность акта веры самих индивидов?

Некоторые свидетельства заслуживают более внимательного анализа, чем это делалось до сих пор. Я, в частности, поражен, сколь часто

встречаются изображения дьявола, которые не только в публичных местах (как, например, на порталах соборов), но и на миниатюрах рукописей были систематически и, без сомнения, намеренно стерты или изуродованы. Присутствие подобных изувеченных изображений даже в книгах, недоступных для широкой публики, показывает, что эта практика могла быть уделом не только мирян, но и клириков. Не таится ли за этими повреждениями и разрушениями страх перед образами дьявола и той властью, которую его взгляд, как было принято думать, таил даже в глубине обыкновенных миниатюр?

Мы должны параллельно обобщить все прямые свидетельства средневековых авторов об их собственной вере. Их список, начиная с «Исповеди» Августина, достаточно длинен. Христианская автобиография вновь выходит на свет в XI–XII веках, что делает подобное исследование возможным, даже если оно ограничено ничтожным меньшинством, состоявшим из монахов и клириков, которые одни владели грамотой. Такие авторы, как монахи Отлох Санкт-Эммерамский и Гвиберт Ножанский, были знакомы с интроспекцией, анализом движений души, сопротивления разума и сомнений, которые преследуют разум перед лицом Божьего всемогущества, искушений, которые они приписывали козням дьявола, а также собственных снов и видений, которые они воскрешали в памяти и о которых со страхом спрашивали себя, «истинны» они или «ложны». Я изучил серию подобных рассказов на примере «веры в привидения», который особенно показателен в контексте занимающих нас проблем¹⁸.

Историки обычно полагают, что «люди Средневековья» жили в непосредственном контакте с умершими, которые, как считалось, могли часто являться им во сне или даже наяву, чтобы их утешить или мирно попросить о «заступничестве», дабы скорее освободиться от мук Чистилища. Таково, по крайней мере, впечатление, возникающее при знакомстве с бесчисленными рассказами о привидениях, которыми изобилуют проповеди и сборники *exempla*. Я называю подобные истории о видениях рассказами из третьих рук, поскольку большинство из них принадлежит к режиму истинности, который, как было показано выше, опирается на «свидетельство». Проповедник составляет *exemplum* на основе рассказа о явлении призрака, услышанного, по его словам, от одного «достойного доверия» собрата. Последний смог подтвердить истинность случившегося, поскольку сам узнал о нем при обстоятельст-

¹⁸ Schmitt J.-C. *Les Revenants. Les vivants et les morts dans la société médiévale*. Paris: Gallimard, 1994.

вах, исключаящих любое сомнение. Такие истории, если воспринять их буквально, как обычно говорят, свидетельствуют о «вере в привидения». Согласно этой схеме, она дана *a priori* и существует еще до акта повествования, чья функция заключается лишь в том, чтобы ее перевести в слова.

Мне же, напротив, представляется, что мнимая способность привидений являться среди бела дня своим живым и бодрствующим близким на самом деле отсылает не к готовому верованию, а ко всему процессу его выражения. Объективация фигуры привидения неразрывно связана с социализацией повествования, которая проходит через его передачу и подтверждение и вовлекает целый круг лиц: не только самого рассказчика, но и его информаторов, других возможных свидетелей, слушателей, непосредственных и потенциальных читателей. Таким образом, мы сталкиваемся не с «верованием», а с социальным актом «веры». И дело здесь обстоит точно так же, как и в случае с «историей о привидении» (или НЛО), которая сегодня прозвучит по телевидению, а затем станет передаваться из уст в уста, видоизменяться и все больше отвердевать, словно бы речь шла о несомненном утверждении.

Этот вывод подтверждается от противного свидетельством автобиографий, поскольку они за редким исключением не упоминают о явлении призраков наяву и, как правило, говорят о том, что они предстали перед рассказчиком во сне. Он видит сны об умерших, которых знал и любил, пересказывает свои грезы и размышляет о них, как бы это сделали и мы после подобного сна, особенно если бы он случился, пока человек еще не прошел через испытание траура. Однако в этом случае, в противоположность предыдущему, автор подчеркивает свои сомнения и страхи перед изменчивым, имматериальным и призрачным обликом представшей перед ним фигуры.

Разумеется, что условием появления всех подобных историй была исходная вера в то, что душа каким-то образом продолжает жить после смерти, а живые сохраняют активную связь с умершими даже через смертный порог. Тем не менее эта необходимая предпосылка не предопределяет конкретных форм веры и стратегий ее проповеди, которые зависят от социальных условий повествования и целей, преследуемых каждым из рассказчиков.

Если мы допустим, что вера – это скорее процесс, акт веры, чем объект, то не стоит ли расширить наши поиски за пределы корпуса прямых высказываний о том, во что верили люди? Это понимали уже философы-схоласты, когда они различали «явную» веру (веру клириков, или

*majores*¹⁹, способных понимать и разъяснять другим божественные тайны) и «скрытую» веру *minores*²⁰ (или простых мирян, от которых требовалось только знать *Credo*, *Pater Noster*²¹ и *Ave Maria*²², даже если они не понимали всего смысла тех формул, которые произносили²³). Подобная уступка нуждам евангелизации привела к следующему. С одной стороны, к тому, что *Credo* (торжественный манифест христианской ортодоксии) превратился в такую же молитву, как и все остальные. В то же время (и это подтверждает сказанное выше о том, что вера была неотделима от тех форм, в которых выражалась, и зависела от словесной оболочки, в которую была облечена) нельзя не признать педагогический эффект или силу самовнушения слова (*если я говорю, что верю, то и начинаю верить*) либо даже магическую эффективность латинской формулы, чей точный смысл может и ускользнуть, но это не мешает всем говорить, что она, к примеру, защищает от демонов или внезапной смерти. Из этого следует, что чтение подобных формул, а также сопровождающие его жесты и все ритуальное действие таили в себе и даже сами создавали импульсы веры, которые, возможно, были тем более эффективны, что оставались в значительной степени скрытыми...

Эти наблюдения справедливы не только для «народных верований» малых мира сего (*minores*). Напротив, мы должны понять следующее. Для служителей культа в монастырях и в капитулах соборов (как минимум, в той же степени, что и для простых верующих) вся религиозная жизнь Средневековья, которая в течение дня билась в ритме монастырских или канонических часов, ритуальных жестов священников, совершающих таинства и приносящих ежедневную жертву тела Христова, различных процессий и благословений, мерцания свеч, запаха ладана, шуршания и красок литургических одежд, была совершенной машиной для производства веры и ее распространения, даже если не брать в расчет эксплицитные формулы, в которые она облакалась. В этом смысле «средневековая вера», несмотря на свою специфику, обнаруживает много общих черт с тем, что выше было сказано о вере в ритуализованной гражданской религии Древнего Рима. Однако, по существу, не напоминает ли она все те стратегии производства веры, которые мы наблюдали

¹⁹ *Великие (лат.)*. – Прим. пер.

²⁰ *Малые (лат.)*. – Прим. пер.

²¹ *Отче наш (лат.)*. – Прим. пер.

²² *Славься, Мария (лат.)*. – Прим. пер.

²³ См.: Schmitt J.-C. *Du bon usage du Credo* // Schmitt J.-C. *Le corps, les rites, les rêves, le temps. Essais d'anthropologie médiévale*. Paris: Gallimard, 2001. P.97–126.

или все еще наблюдаем в современную эпоху, – от техники мобилизации масс тоталитарными режимами до рекламы и средств массовой информации, поставленных на службу обществу спектакля?²⁴

* * *

Говоря о том, чем в Средние века была вера, историк постоянно испытывает искушение то подчеркнуть отличие этих времен от своей эпохи, то провести между ними параллели. Важнейшее различие, конечно, лежит в том религиозном послании, которое глубоко пронизывало средневековую культуру и общество. Содержание веры неотделимо от институциональных и социальных рамок, которые в этот конкретный период создала средневековая Церковь. Именно по этой причине средневековый христианин принципиально отличается от современного «верующего», даже если в основном они верят в одно и то же Откровение. То, что было универсальной, официальной, принятой почти всеми и частично обязательной верой, превратилось в дело индивидуального выбора, которое в силу этого считается неприкосновенным и опирается на свободу совести.

Тем не менее если абстрагироваться от статуса религиозных представлений, то анализ форм веры и условий ее бытования выявляет параллели с нашей эпохой и очерчивает круг проблем, которые ставит вера как таковая. Важнейшие из них – пластичность веры и самой истины, спор между верой и разумом, диалектика индивидуальной веры и коллективных представлений, соотношение между внутренним «психологическим» измерением веры и ее внешними ритуальными и публичными проявлениями, использование легковерия и возможные манипуляции им. Эти аспекты отличают средневековый тип веры, но при этом характерны для функционирования верований вообще, тех, в которые мы больше не верим, и тех, возникших недавно, в которые мы верим, не всегда отдавая себе в этом отчет.

Перевод с французского М.Р.Майзульса

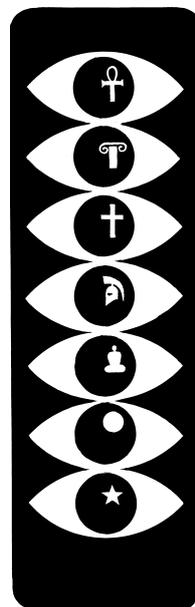
²⁴ Выражение «общество спектакля» восходит к одноименной книге Ги Дебора (La société du spectacle) 1967 года. – Прим. пер.

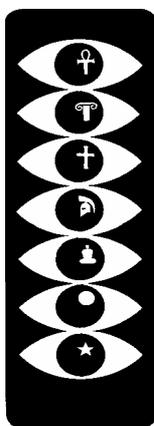
Кто полностью не разделил
с народом его горя,
непременно будет
чувствовать себя
отверженным
и на празднике его радости.

Л.М. Леонов

**В душе каждого человека
находится
миниатюрный портрет
его народа.**

Г. Фрейтаг

Нина Шевякина

БЛОКАДА

ВОСПОМИНАНИЯ

Reminiscences of N.N.Shevyakina, teacher of Russian language and literature, graduate of Leningrad State University are devoted to the blockade of Leningrad. Everyday life and workdays of the blockade have become the principal interest of the author. The author's aspiration to communicate her personal experiences authentically and precisely make Shevyakina's notes a valuable historical source.

ОТ РЕДАКЦИИ

Все дальше и дальше отстоят от нас грандиозные битвы и героические будни Великой Отечественной войны. Уходят те, кто в 1941–1945 гг. были молоды. Старшее поколение командиров и солдат уже стало легендой. Главное событие новейшей российской истории, на многие десятилетия мирной жизни привлекавшее внимание историков, политиков, деятелей искусства, воспринимается юными гражданами нашей страны как далекое эпическое прошлое. Война в культуре и в общественном сознании современности обросла многочисленными идеологическими стереотипами, интерпретациями, домыслами, а то и просто мифами. Поэтому любое прикосновение к историческим источникам, особенно к таким, которые никогда не были обнародованы, по праву может считаться открытием, приносящим не только новые факты, но и новое видение, обогащенное знанием множества деталей. Повседневность войны связана не только с тяжелым трудом командира и солдата, но и с теми нечеловеческими испытаниями, которые выпали на долю гражданского населения СССР. Н.Н.Шевякина – дочь прославленного советского комдива Н.С.Тимофеева, который возглавлял 172 Павлоградскую дивизию, освободившую Брест и подготовившую занятие союзными польскими войсками Варшавы.

Я записала, кажется, все, что помню и знаю о Великой Отечественной войне из моего личного опыта и из того, что удалось слышать из уст отца, матери и некоторых других людей, но только то, что не вызывает у меня никаких сомнений в достоверности. Мне кажется, что просто честно записанное без мнений и прибавлений очень важно, если сохранится. Что касается толкований, то тут могут присутствовать лишь объяснения того, как сказанное сейчас понималось тогда. Надеюсь, что все написанное мною сохранило атмосферу истинного восприятия. Я как-то попробовала сделать акварельные рисунки по воспоминаниям и столкнулась с удивительным явлением. Хотя я могу нарисовать подобное вполне по-взрослому, волнение воспоминаний вызвало неожиданный эффект: рисунки эти оказались как бы нарисованными детской рукой без подделок под примитивизм как стиль.

Надеюсь, что и данные записки не выходят за рамки воспоминаний.

* * *

Мы приехали в Ленинград из Петрозаводска, куда ездили пожить вместе с папой. Мама даже уволилась с работы и не знала, как сложится ее трудовая жизнь, так как отца могли в любой момент перебросить в другую часть, в другой район страны. Но, когда началась война, отец

поспешил отправить нас домой, хотя и говорил о том, что нельзя надеяться на то, что война будет скоротечной, знал, что орды врага гигантские и могут продвинуться далеко в тыл. Но не только о сдаче Ленинграда, но и о его окружении мыслей не было. Страшно было, что могут быть бомбежки. Однако все-таки на Ленинград смотрели почти как на крепость, и мыслей о немедленной эвакуации не было совсем. Блокада подвигалась медленно, как перед этим война. Ведь на героические полеты летчиков и женщин-летчиц смотрели как на дело военное; на военный всеобуч на улицах и на работе тоже смотрели как на дело нужное, хоть и нудное, и радовались, что эти учения проводятся довольно редко. «Дан приказ: ему на запад, ей – в другую сторону» – эту и подобные песни о гражданской войне пели как песни будущих боев. Но в то же время все виделось спокойным.

Теперь беда подползала к Ленинграду так же спокойно и медленно. Потихоньку узнавали и от соседей, и по радио, что враг приближается, берет знакомые города, городки, потом уже близкие сердцу места. Узнали от папы, что бои идут, кипят в Пулковке, это место почти родное. Мамина лаборатория, которой руководил академик Качалов, делала линзы для пулковских телескопов. Сколько было волнений от того, что Цейс обещал раскрыть тайны технологии, но во время визита Качалова ничего ему не позволили узнать, и только воля ученого помогла ему, употребив талант и натиск, получить какие-то скуднейшие сведения. Делали сами и сделали не хуже Цейса. Мама была технологом в этой научной лаборатории завода Лензос (потом – ЛОМО). И вот ее хрупкие и прекрасные создания крошат снаряды и бомбы. Становилось страшно и за так называемое рубиновое стекло кремлевских звезд, ведь лаборатория добивалась такого преломления света в стекле, имитирующем драгоценные камни, что ювелиры дивились... А звезды такие огромные и такие хрупкие. Очень надеялись, что москвичи придумают, как их спасти.

Наш город преобразился. Все окна были залеплены крест-накрест полосками бумаги и представляли собой косую сетку. Считалось, что это укрепит стекла. Но опыта осады не было. Когда взрывная волна, угасая, достигала дома, это, вероятно, помогало, но при близком разрыве могли вылететь и рамы, и еще что побольше.

Окна магазинов, большие витрины закладывали мешками с землей и песком. То же было с памятниками, некоторые снимали. Конечно, я по городу не гуляла, но в разговорах об этом все время шла речь. Говорили, что некоторые памятники снимают и зарывают в землю, а особенно большие укрывают от осколков и маскируют специальными сетками.

БЛОКАДА. ВОСПОМИНАНИЯ

Сетки эти были везде. Сетка, а на ней довольно редко цветные лоскутья. Говорили, что этого достаточно для того, чтобы сбить летчика с толку и он может принять объект за сквер. В некоторых случаях строили из досок ящики, укрепляющие сложенные мешки. По улицам проходили отряды военных и народного ополчения. Последние были в собственной одежде, чаще всего в пиджаках темных, темных шерстяных брюках, сапогах и кепках. Они несли с собой небольшие чемоданы или вещмешки. Изредка проходили танки. Мы знали, что их делал завод «Большевик», бывший Обуховский, на котором работал папа и в ранней юности, почти в детстве, и после гражданской войны. Завод 185 был его секретным филиалом. Пошли беженцы. Они шли не строем, как другие, а сплошной толпой, как раньше на демонстрации шли люди по нашему проспекту. Но это был торопливый поток размеренно идущих людей, несущих вещи или везущих их на чем-нибудь, например, на высокой двухколесной тележке, которую толкали за широкую ручку сзади.

С ними не было скота и каких-либо громоздких вещей, но на чем-то иногда везли детей, то ли на подводах, то ли тоже на каких-то тележках, родители стайкой шли в сопровождении. Они были спокойные и деловитые, в глазах серьезная печаль. Мы им выносили воду. Они пили быстро и почти не разговаривали, торопились. Говорили, что на Московском вокзале день и ночь дежурят желающие уехать далеко в тыл. Из нашего окружения никто уезжать не собирался. Наоборот, многим предлагали, а иных обязывали уезжать с эвакуирующимися заводами. Никто, с кем я была знакома, не хотел оставлять город. Часто возражали: «А город кто будет защищать?!» Про очередь на вокзале говорили «шкурники городские!». Почему именно так? Дело в том, что мы жили на заводской окраине и понятие «центр города» там имело название «город». «Я еду в город» значило, что ты садишься на трамвай номер 7 или 24 от завода им. Ленина у Обводного и едешь в центр.

Наш район, ныне Невский, тогда назывался Володарским, потому что на нашем главном шоссе был убит большевик Володарский. Кто-то из моих родственников видел это происшествие и говорил, что его убили в машине как раз возле того места, где ему стоит памятник, где выстроили хорошее здание райсовета и мост на правый берег Невы. Там за Невой почти не было жилья, а распускал свой жидкий «лисий хвост», как говорили мамы знакомые, Ленхимкомбинат. И хвост этот был столь ядовит, что за годы он даже разъедал до шероховатости стекла домов, обращенные на Неву. Мама всегда радовалась, что наши окна туда не смотрят. На Ленхимкомбинате мама начинала свою трудовую жизнь, но, любя керамику, стекло, все-таки быстро покинула его.

Все предприятия района, а им несть числа, растянулись в полосу между Невой и железной дорогой на Москву, которая когда-то называлась Николаевской, а потом Октябрьской. Стоило перейти проспект – и вы у самого длинного, бесконечного, серого забора в пару метров вышиной, совершенно сплошного, с крышечкой из горизонтальных досок и калитками-проходными. Это заводы, масса разных: и гиганты, и огромные, и малютки. Перед нашим домом «Картон-толь», «Катушка», «Рабочий», мыловаренный, а вокруг – и не перечить. Все это – Невская застава. А с другой стороны – дома. Стоит пройти пару маленьких кварталов, где высятся новейшая двадцатая школа с планетарием в центре сложной архитектурой композиции из бетонных, но не очень похожих на современный бетон, а, видимо, оштукатуренных панелей, стоит пройти огромную территорию больницы в конце Палевского проспекта, на который выходил наш дом и который формально назывался Елизарова, революционера, близкого Ленину человека, как вы оказывались у железной дороги.

«Бомбить нас – красота, – говорили соседи, – как в завод не попадут – все наше, а если будут бомбить финляндский мост (это две–три трамвайных остановки), то дом и вовсе развалится сам». Говорили это потому, что дом наш был новый и построен по новейшей технологии, он и назывался шлакобетонным. В просторечье его так и звали. Стены были тонкие, отопление, как говорили, паровое (скорее, водяное, наверное), квартирки маленькие с маленькими кухнями, а посреди дома на все пять этажей экспериментальные квартиры по 23 комнаты с двумя кухнями и прочими нужными частями, включая ванны, в которых умывались и стирали мелочи. Называлось это «комнатная система». В такой квартире жил и мой отец, хотя был на производстве значительным начальником. К началу войны в комнате №23 в квартире №308 жила семья бабушки. За огромным Г-образным домом огромный двор, в нем двухэтажный домишко ЖАКТа, на котором установили сирену воздушной тревоги, и она жутко выла под нашим окном.

Но то ли самолеты летали не над нашим районом, то ли это были тренировочные тревоги, а это делали изредка раньше, но было тихо. В конце Палевского проспекта поставили надолбы, накрепко сваренные куски рельсов. Их сваривали так, что они стояли дыбом, вздернув концы кверху, и загораживали улицу от угла до угла, а рядом в угловом доме в одной из квартир окно забрали кирпичом и сделали лишь маленькую амбразуру – получилась долговременная огневая точка (ДОТ), я уже не помню, чем отличается ДЗОТ от нее, земляная, что ли? Говорили, что тут танкам никогда не пройти. На углу Палевского и проспек-

БЛОКАДА. ВОСПОМИНАНИЯ

та Села Смоленского, как раз напротив нашего дома, у спичечного киоска, поставили зенитную пушку, потом ее перевели подальше к скверу. По проспекту Села Смоленского, это ныне часть проспекта Обуховской обороны, который идет вдоль Невы (когда-то Шлиссельбургского тракта), от Александро-Невской лавры до Рыбацкого, часто несли аэростаты воздушного заграждения, такие надутые газом огромные дирижабли с хвостиками, но без корзин и кабин. Их отпускали на длинных веревках высоко в воздух, как детские шары. Считалось, что между ними есть то ли сетка, то ли связи какие-то и вроде бы они могут мешать самолетам, но потом их поднимать не стали.

Все в это время говорили о том, что надо вывезти из Ленинграда побольше ценностей, особенно всех волновал наш великий Эрмитаж, но не только он. Об этом много говорили на бабушкиной кухне простые люди. Сегодня некоторым это может показаться странным, но ленинградская окраина была местом особым, и рабочие люди, жизнь которых я наблюдала, были не только рабочими, знающими станок и дом. Каждый свободный день считалось необходимым побывать в центре, погулять на красивых улицах. Книги и даже путеводители изучались, читались вслух. Человека, не знающего главных достопримечательностей города, все как-то отторгали. Я даже не раз слышала, как говорилось о тех, кто не бывал в театрах и музеях: «Да такого надо из города выселять, зачем он здесь!» Эту же фразу я услышала от рабочего и в начале 50-х годов. Уезжая в «город», принаряжались, надевали вещи модные, иногда дорогие, их имели немного, но имели. Например, считалось, что платье может быть и недорогим, но туфли «на выход» – обязательно хорошими. Почтение к культуре было видно во всем, по радио с удовольствием слушали оперную музыку и популярную инструментальную, я имею в виду и эстраду, и классику. Пели много, в том числе и популярную классику, слушали патефон с хорошими пластинками, читали. Знали всех заметных артистов города и ученых. Все это продолжалось и в тяжелый предблокадный период. Работая, включали радио, ставили пластинку. Отряды, маршировавшие по улицам, иногда негромко пели, чтобы было легче идти.

Несколько раз мы сходили в бомбоубежище (самолеты были рядом), но нам там показалось холодно, промозгло и тревожно, хотя все необходимое оборудование там было. Наверное, это был не очень удачный подвал, говорили, что в других и теплее, и приятнее, но они не так глубоки. Мы с бабушкой иногда вместе ходили в магазин за тем, что можно было купить без карточек, а такие товары были. Бабушка в прошлом видела голод и холод, старательно запасалась всем, чем можно. Для

походов в бомбоубежища люди понаделали себе рюкзаков. Я никогда не слыхала, чтобы их называли «сидор», как часто говорят теперь. Не слышала никогда слово «похоронка» примерно до 70-х годов, всегда говорили «извещение», никогда не слышала слова «гражданка» в смысле названия войны, почти никогда не слышала слова «Питер», разве что «питерский» изредка.

Вообще, в этом кругу на словах не экономили, речь не ломали, идиомы не сокращали, а ругательное слово вызывало большой стыд и произносилось, конечно, только в большом запале и уж никогда в жизни в качестве поговорки, а тем более постоянной. Понятий «пьяный на улице» или «матерщинник» не было. Ходить на работу в спецовке был позор, все переодевались. Ее стирали не часто, но имели не одну смену. Носили кто галстук, кто косоворотку – все при костюмчике. В плохую погоду в сапоги костюмные брюки и заправляли. Некоторые шили сами, по старым распоротым вещам выкраивая новые. Это для работы. Зонты носили только черные, любили по слякоти ходить в теплых и удобных га- или калошах, теряли их часто и покупали новые. Кепка, мерлушковая шапка или добротная ушанка, темная одежда – так выглядел рабочий народ в массе.

На улице к неброским цветам гражданской одежды добавился зеленый. Чаше стали появляться военные. В том числе те, кто был мобилизован и мог забежать домой, работники госпиталя, в который была превращена Палевская больница. Много их. Но никогда я не видела ни в жизни, ни в кино пестрой камуфляжной формы нынешнего образца. Впервые я увидела ее на экране в фильме о Вьетнаме.

Слышала, что в Финскую войну для лыжников и разведчиков была сделана белая одежда. Многие ходили, как я сказала, с рюкзаками. Штатские часто делали себе подобие рюкзака из крепкой наволочки, а то из пары, вдетых одна в другую. Это делается так: вы берете пояс подлиннее или хорошую мягкую веревку, которую легко связать и развязать. Концы ее привязываете к углам наволочки у закрытой части, и все. Закладываете туда пару–две белья, еду, какая есть, что необходимо всего в жизни (и это, конечно, не одна зубная щетка, о которой так пекутся англичане и американцы), не забудьте в карманы или специальную сумку положить документы – и тоже можно туда поглубже, – стяните горло наволочки и обмотайте его сложенной вдвое привязанной завязкой и затяните. У вас получится мешок с лямками для рук, а сверху будет торчать обмотанное лямками горло его.

Наладьте длину так, чтобы горло было повыше, а лямки не сползали. И – с богом! В бомбоубежище, в эвакуацию, хоть на фронт, а чаще все-

БЛОКАДА. ВОСПОМИНАНИЯ

го еще – на трудовые работы, «на окопы». Отец говорил, что хоть и приходилось оставлять эти окопы немцам, иногда и повоевать в них не удавалось, но они были гигантским подспорьем пехотинцу: невероятное количество земляных работ проделывала пехота и саперы для оборудования укрытий и мест отдыха. Это сотни километров траншей, тысячи землянок, может, сотни тысяч, окопы, блиндажи. И если труднейшей частью был призыв «на окопы», то население Ленинграда взвалило на себя эту ношу и сделало все, чтобы солдату было легче. Об этом много говорили. Бранили тех, кто представлял справки о немощи, особенно если раньше об этих немощах никто не знал. Приехавшие рассказывали прифронтовые новости, новости печальные. Все радовались, когда человек приезжал благополучно. Были случаи – попадали в плен или погибали под бомбежками. Конечно, это было ужасно.

Первая бомбежка застала меня в пути, когда мы с мамой ехали из центра на трамвае. На улице завывала тревога, трамвай остановился, и кондуктор велела всем выходить и расходиться, чтобы искать убежища от осколков. Это было рядом с заводом имени Ленина (старой Семянниковской мануфактурой), потом там сделали стадион, а тогда было картофельное поле. Около шоссе стояли, кажется, два частных домика, обычные, похожие на хорошую избу. Крыльцо ближайшего было крытым, вот туда мы и отправились. Все стояли тихо, переговаривались, ждать было скучно. Вдруг послышался мерный непрерывающийся гул самолетов. Многие выглянули из дома, выглянули и мы. Значительно левее шоссе и даже левее мельницы имени Ленина, мукомольного комбината с огромными элеваторами, шло направление полета целой армады мощных, медленно летящих машин, вокруг них летели какие-то другие, то ли поменьше, то ли полегче. Многие мужчины побежали на другой конец поля, там где был длинный холмик. Как я поняла уже позже, вспоминая, это был, видимо, бург для хранения картошки. В молодости мне пришлось работать в студенческих отрядах, помогающих колхозникам, и мы укрывали картофель именно в такие бурты.

Все безбоязненно смотрели на пролетающую армаду, говорили, что летят, наверное, бомбить вокзалы или другую сторону города. Вдруг мама схватила меня за руку и быстро затащила в дом. Я только увидела, что с холмика бегут мужчины, но видела это мельком, краем глаза. Люди набились в дом, хозяйка открыла дверь, некоторые вошли туда. Из их сбивчивых слов я поняла, что какой-то самолет сопровождения повернул обратно и быстро долетел до поля. Кому-то мерещилось, что он просто снизился, кому-то – что стрелял. Мы долго стояли в доме, до полного отбоя тревоги. Был еще случай, когда я смогла рассмотреть

самолет очень близко. Я была одна дома, когда сирена тревоги завывала оглушительно не только по радио, но и на домике ЖАКТа. Все это только началось, и я подошла к ярко освещенному солнцем окну нашей веселой, с желтой камчатой скатертью на столе, комнаты. Я хотела увидеть маму и узнать, как ведут себя люди: может быть, надо надеть свою заплечную сумку, взять пальтишко и пойти на лестницу. Я даже не успела отшатнуться и испугаться, как прямо перед моим окном четвертого этажа над самой крышей двухэтажного ЖАКТа, где еще ревела сирена, пролетел под небольшим углом вниз самолет с длинным вытянутым, какой-то жесткой формы телом. Он пикировал в огромном дворе, и я увидела крест, обведенный крестом же, но не черного, а желтого цвета. Он жутко, с наращиванием звука, выли и, очень низко нырнув над нашим необъятным двором, скрылся в сторону Невы. Я была очень удивлена, потому что полагала, что на самолетах фашистов должна быть свастика, а не крест, хоть бы и черный. Мама, пришедшая чуть позже, говорила, что самолет стрелял из пулемета, но, слава богу, все разбежаться успели. В это время дети уже не играли все свободное время ни на улице, ни в длинном коридоре комнатной системы, где все играть очень любили. Почему-то пол там был из мелкого паркета, хоть в комнатах везде – дощатый, крашенный. Этот паркет холили всячески и пускали детей играть на самую его середину, так как все взрослые ходили каждый в ближайшие двери и в середине паркет был идеально чист. Но сейчас там дети играли недолго, больше сидели в своих комнатах и квартирах, я тоже «выходила в коридор» редко и ненадолго. Вскоре было объявлено, что все дети должны быть спасены от бомбежек и вывезены из Ленинграда. Записывали в школах, детсадах. Мама еще не устроилась на работу и поэтому могла быстро оформиться воспитателем в детский садик, куда взяла меня и дочку своей близкой подруги Наташу Сазыкину. Ее мама была врачом в Палевской больнице и никуда от госпиталя уехать не могла. Она оттуда почти не выходила и впоследствии перешла туда на казарменное положение, взяв в свой кабинет, по-моему, главного врача, мать, Елизавету Алексеевну, у которой были парализованы ноги, и Наташу. А пока мы поехали на дачном поезде по Октябрьской железной дороге до станции Бологое, откуда до Окуловки, а оттуда до села Кулотино. Боюсь сказать, как долго мы там были. Помню совершенно обычную обстановку детского учреждения со столовой на улице. Погода была хорошая, и мне не нравилось одно – манная каша не домашнего приготовления: не так как-то пахнет «общественная каша», редкий повар готовит ее хорошо, хоть компоненты одни и те же. Маму почти не видела рядом с собой, в этом коллективе она была главной,

БЛОКАДА. ВОСПОМИНАНИЯ

кажется. Уехать оттуда пришлось скоро, так как над нами стали летать немецкие самолеты, фронт приблизился, стали объявлять тревоги, была бомбежка, и я знаю, что мама ездила куда-то дать знать в Ленинград через бабушку, видимо, по телефону или телеграммой, что мы едем обратно в тот же день и чтобы те родители, кто сможет, выехали, кажется, до Бологого, чтобы разобрать детей. На этой пересадочной станции нас ждала бабушка. Они с мамой собрали всех, кого родители не могли встретить, и через несколько часов мы были дома. С этих пор у меня остался чемоданчик с надписью внутри: «Нина Тимофеева, 1934 г., Ленинград». На белье и одежде тоже были четкие метки. Все делалось быстро, почти бегом, а иногда и бегом. Встрече детей все даже радовались. Казалось, страшно отправлять их одних.

В Ленинграде стали чаще бомбить. Рассказывали, что появилось много немецких шпионов. У нас на базаре задержали человека с баяном, в котором была рация. Проверка, судя по разговорам, произошла сразу же – баян не издавал звуков. Говорили, что поймали кого-то на деревянной ноге, а в ней какое-то передающее устройство или ракетница. Я все думала, как же нога-то, но потом видела на сцене, как ловко подвывают здоровую ногу, имитируя отсутствие ее. Уже зимой поймали шпиона в нашем дворе, в соседнем доме. Оттуда на глазах у нас всех летели цепочки зеленых ракет. Сколько ни искали, сколько ни обыскивали квартиры, печи которых выходили в эту трубу, – все было напрасно. Там только в одной квартире постоянно находился параличный старик. В этом доме обыскали все, что можно, а врачи говорили, что старик двигаться не может. Но в очередной раз в квартиру ворвались силой, то есть без стука. Тогда и еще долгое время, до середины 60-х годов, а у некоторых и позже, квартиры не закрывали на замок вовсе, если кто-то был дома. На стук кричали «Войдите!» или «Открыто!». Так вот, оказалось, что сигналы-то подавал паралитик, он был не так плох, а тайник все-таки находился в печке, но спрятан был очень тщательно, так что милиция и дежурные по дому его не могли обнаружить. Мама была привлечена к этой операции как член созданной тогда уже санитарной бригады, но обошлось без ранений.

После нашего возвращения люди сообщали маме, что приехали с детьми благополучно и благодарили ее за то, что все было ею очень хорошо организовано, дети даже не испугались и вещи все привезли. Потом-то мы узнали, насколько важно было снабжать детей и их вещи возможно более подробно написанными метками. Если ребенок в суете бомбежек среди раненых и убитых оставался один, а тем более если был ранен, он часто терял память и не мог ничего вспомнить.

Бабушка моя была призвана в отряд обороны, мама – в санитарную дружину: так получилось, что в это время они не работали. Тогда вообще многие женщины не работали, и в каждой семье с детьми была обязательно домохозяйка; богато или бедно жили – все равно жили на доходы мужа. Но если в семье была бабушка, эту роль домохозяйки поручала семья ей, и никто не смотрел на это иначе, кроме тех, у кого принято было держать домработницу, а это встречалось не очень часто, но в то же время и не было редким выдающимся явлением.

Изредка приезжал папа на короткие мгновения. С фронта отлучаться нельзя было никому ни под каким видом, это считалось дезертирством, но, когда надо было ехать во второй эшелон дивизии, который стоял на правом берегу, дальше нас от фронта, папа делал крошечный крюк и заезжал. Он привозил немного продуктов: плитку–две шоколада с начинкой, которые назывались «батончик» и были узкими, длинненькими и разделялись глубокими бороздками на дольки, баночку рыбных консервов. Это было возможно некоторое время и после закрытия блокадного кольца, но очень недолго, так как потом он получал рабочую норму хлеба, литровый котелок (были такие котелки, дно их в форме боба и крышка с длинной ручкой застегивалась за дно – для второго блюда) пустых, то есть без мяса, щей на двоих с комиссаром Бродским Рафаилом Борисовичем. Второго блюда не было, а выдавался солдатский сухарь на неделю. Это сухарь из черного хлеба крупного помола величиной с ломоть хлеба, отрезанный от хлебного стандартного «кирпича» русского килограммового, но тогда кирпичи эти были чуть больше и хлеб взвешивали всегда, давали довесочки. Но на самом деле эти сухари готовили специально, и они были очень вкусными. На месяц им давали, кажется, одну банку любых консервов. Поэтому отец говорил, что, как пойдут на рекогносцировку, кто-нибудь из них да обессилет. Другой его тащит какое-то время. Оба они были мужчины крупные, под метр восемьдесят. Какое-то время мы носили с собой в мешке заплечном именно эти продукты, но через небольшое время после 8 сентября пришлось их съесть. Я еще помню, что как-то мы пошли в бомбоубежище вместе с Сазыкиными, семейно, там были долго и ели там. Было еще масло, но Елизавета Львовна нам с Натой его намазала так тоненько, как раньше мы и не видывали, а сами наши мамы его и не ели вовсе. Это тогда показалось удивительным.

Все это происходило еще задолго до зимы. Потом нам было и не до бомбоубежищ. Сазыкины жили при госпитале, и мы их видели редко. Мы с мамой ходили на дежурства в бывший Красный уголок нашего дома в полуподвале. Мама и бабушка получили иждивенческую карточ-

ку, которую давали всем непременно, не отказывали никому. У нас в 308 квартире было много неработающих женщин, которые пользовались этими карточками и аттестатом мужа-фронтовика, по которому перечислялись деньги. Можно было аттестат разделить между родственниками. Когда мы уехали из Ленинграда, аттестат папы был поделен между мамой и бабушкой. Первое время, кроме продуктов по карточкам, можно было купить что-то в буфетах кинотеатров, в отдельных магазинах, но это был просчет городских властей, как и сосредоточение всех продуктов города в Бадаевских складах. Конечно, немцы об этом узнали и разбомбили их, тем более что ракетчиков было немало. Мне показывали, как летят зловредные зеленые цепочки с территории фабрики «Катушка» в сторону другого предприятия. Все фабрики и заводы перепрофилировали, и не всегда можно было догадаться, на что указывает враг самолету. Ракетчиков искали, конечно, но это было не так уж просто – найти. Говорили, что большая часть ракетчиков и других шпионов – заранее подготовленные немецкие колонисты, которые жили под Ленинградом, возделывали картошку, продавали молоко. Покупать у них никто не любил: говорили, что они как-то так удобряют землю, что картошка их водянистая и скользкая при варке, а молоко всегда синее, как снятое. Народ этот видели на рынках, больше как-то они не показывались среди населения, видимо, держались особняком. Может быть и так, что среди них велась предвоенная пропаганда и искали шпионские кадры, говорили, что это так.

Мама давно работала в санитарной дружке, еще когда велись оборонные работы ее взяли в дружину, так как на окопы не брали родителей малых детей, дошкольников. Это было плохо тем, что норма продуктов, а потом стали давать только хлеб, была у иждивенцев самой маленькой, детям давали побольше, а рабочая карточка обеспечивала чуть лучше. Но в это время уже эвакуировались заводы, осталось от них по половине с малым количеством рабочих, и работать надо было на тяжелой работе, но, главное, далеко от дома, а, значит, жить надо было на казарменном положении. Решили служить даром на общественном деле. Каждый раз, когда была тревога, а когда они шли подряд, то по расписанию, мы с мамой отправлялись на дежурство в полуподвал нашего дома, где раньше был Красный уголок. Там на сцене за занавесом размещались дети санитарок (они же, считай, и медсестры, потому что все прошли курсы медсестер). И на сцене, и в общем зале стояли большие уличные скамейки, на них клали раненых или обессиленных людей. Все это, главным образом, было зимой. Затаскивали их летом и осенью еще на носилках с ножками, а позже, когда сил не было, волок-

ли на чем-то вроде плащ-палатки защитной. Кстати, я за всю войну, да и после войны, не видела никакой пестрой военной формы, а сейчас изображают ее в фильмах о войне 41–45 гг. Волокли палатку сразу 6–8 человек, так как по-иному было просто опасно подавать помощь, человек упал бы сам и оказался беспомощным. Но, пока стояло лето и даже не было кольца блокады, люди уезжали по железной дороге, только окна уже были закрыты затемнением.

Продавались дешевые шторы из рыхлой толстой бумаги темно-синего цвета с планками поперек снизу и сверху, которые можно было поднимать. Штора накручивалась на нижнюю планку. Во время тревоги по улицам ходили дежурные, они строго смотрели, не проглядывает ли где свет, и свистели, и кричали, если надо, заходили в квартиру, могли и оштрафовать. Но ночи были еще светлыми. Позже, когда наступила темная ленинградская зима, все-таки было как-то видно все вокруг, так как всегда по небу гуляли мощные лучи прожекторов, почти не останавливаясь, а если чужие самолеты были близко, то стреляла зенитная артиллерия, летело множество разноцветных и разных в полете ракет. Уже много лет спустя отец как-то оказал мне: «Бой, конечно, дело непростое, но очень красивое, а бывает и веселое», это же подтвердила и мама и стала рассказывать, какие яркие были немецкие ракеты-люстры. Она служила в редакции дивизионной газеты, непосредственно в боях не участвовала, но бывала рядом в медсанбате, видела многое. Большие переживания у нас вызывали воздушные бои. Почему-то они чаще всего были над Невой, и все выходило смотреть на них. Результаты бывали разными. Падали дымящиеся самолеты куда-то за Неву. И если это был наш самолет, мы все мечтали, чтобы летчик успел выбраться на парашюте. Горевали, если побеждал враг.

Вот стало холодней, вражеское кольцо сомкнулось, люди говорили об этом. Рассказывали, что в кинотеатре еще можно без карточек купить пирожное. Это говорила Елизавета Львовна Сазыкина, но мы не ходили. Говорили, что есть еще люди, которые надеются, что поезда пойдут, и сидят на вокзале. Считалось почему-то, что в это верят евреи, которые живут в центре. Почему так говорили, не знаю, но слышала это сама не раз. Наши знакомые всех национальностей уезжали из Ленинграда со слезами.

У папы служил шофер Павлуша Красноперов, он всегда ездил по дивизионным делам мимо и заезжал к нам. Как-то поздней осенью он привез котенка. Котенок пришел к папе в землянку из разбомбленного дома по соседству и спрятался у него под боком ночью. Вот папа и прислал его мне, живую игрушку. В Ленинграде зимой ели кошек. В ба-

БЛОКАДА. ВОСПОМИНАНИЯ

бушкиной квартире была семья Черкуновых или Чиркуновых. Когда они сильно оголодали, то на кухню пригласили всех соседей и попросили разрешения съесть общего кота Ваську, он ходил в подвал и ел крыс. Я читала в году в 70-м описание того, как одна биолог ела крыс, но в нашем окружении никто себе этого не позволял, все считали, что это может привести к губительным болезням и даже дать распространение заразе. Соседи разрешили убить Ваську. Черкуниха (в просторечье) подкараулила кота один на один и оглушила его в тот момент, когда он вальяжно проходил в двери кухни. Так говорили, я этого не видела. Но я видела, как жарили мясо, белое, как куриное. Всем предлагали. Но тогда еще люди держались, были мелкие запасы, доедали крохи круп, остатки прошлогоднего варенья. У Черкуновых был скромный достаток, хозяйка не работала на производстве, муж, видимо, получал мало, она убиралась за соседней, кое-кому стирала. Они умерли в одну ночь, не пережили зиму, хоть и съели кота. Наша кошка была моей радостью, и наши все понимали, что одной кошачьей жизнью жизни семьи не спасти. Сидела она и день и ночь под платяным шкафом, вылезала, если передавали сигнал тревоги, я брала ее за пазуху, и мы шли с мамой дежурить. Мурка пережила блокаду.

Один раз, еще осенью, против нашего дома на улице пала лошадь, еще не все листья облетели. Люди бросились из домов резать и отрубать части, побежали и мы с бабушкой, но там было много народу и мы отошли. Это была, наверное, уже последняя лошадь. Слышала я недавно в телевизионной передаче, будто в это время в Ленинграде действовала конная милиция, но у выступавшей старушки, видимо, перепуталось время в памяти. И очереди зимние были очень тихие: не было ни сил, ни массы в теле – толкаться, и не было никаких коней, да, пожалуй, и милиция была занята чем-то другим, не видно ее было. Бабушка говорила раз, что при ней случилась беда. Это было в конце января, и я уже нигде не ходила. Молодой человек выхватил пайку хлеба у женщины и мигом съел ее. Женщина, конечно, очень расстроилась, но на молодого человека посмотрели как на смертника. Такое поведение считалось абсолютной гарантией, что человек умрет скоро. Женщине собрали чуточную горсточку от довесков по крошечке, что смогли, немножко. Это было тогда, когда получали на человека 125 граммов хлеба. Большое впечатление и очень тяжелое произвела весть, что сгорели Бадаевские склады с продовольствием. Об этом часто говорили с огромным сожалением, но тему не развивали.

Мне они представлялись теми складами, которые были около Александро-Невской Лавры; большие кирпичные длинные дома с дверцами

под крышей, которая двумя скатами сходилась в треугольник над фасадом, но оказалось – это не те. Эти были снесены после войны уже при строительстве огромного моста через Неву против Старо-Невского проспекта, осталась там их пара штук, а тогда это был длинный ряд сооружений. Говорили, что Бадаевские больше. Стали готовиться к зиме. Все заботились о печках, так как было ясно, что центрального, как тогда говорили, отопления не будет.

Печи-голландки и им подобные топить было нечем. Стали делать металлические печурки, какие употребляли в гражданскую войну. Были они квадратные в плане, высокие, но больше – круглые как бочки. Кто нам делал, не знаю, но возможно, что и в части, где служил папа. Какой-то разговор между родителями или с бабушкой на эту тему был. А может быть, на заводе, где работал дедушка. Это было принято, чтобы служба позаботилась о своих рабочих, из старья и отходов делали и дарили печки, копилки.

Это такая металлическая емкость с фитилем, потребляющая керосин или какое-нибудь смазочное масло, горящая почти как свечка и, конечно, не без копоти. Потом делали их и из стаканов мелкокалиберных снарядов или мин (тех, что из минометов пускают). Дедушка вместе с другими членами домового комитета ходил делать разные работы по консервации отопительных приборов, потом водоснабжающей сети, когда отключили совсем электричество. Я знала, что они делают так, чтобы трубы не лопнули. Бабушка в свободное от дежурств время ходила на доставку воды и песка на крышу и в другие места, где ожидалось пожары от зажигательных бомб.

Еще летом была проделана основная часть этой работы. Я даже лазала на крышу с ней через слуховое окно, к которому были приделаны из чердака ступени, дивилась виду труб, тому, что крыша там не кажется такой крутой, тому, как много там места, и видела бабушкин пост: бочку с водой, ящик с песком большущий и стенд низкий, где были закреплены лопаты, ведра и огромные из какой-то как бы гигантской проволоки щипцы. Но в обычное время потом щипцы носили с собой дежурные, лопаты втыкали в песок. А когда пришла зима, тушили зажигалки снегом и всегда, если можно было, просто сталкивали их вниз на землю. Когда я увидела эти здоровенные щипцы с очень длинными ручками, мне стало понятно, как трудно бороться с зажигалкой, она полыхала, как бы теперь сказали, напалмом, очень близко ее не взять, и сам полет таких штук был страшен, ведь это все летело на тебя, и чаще всего надо было сделать все очень быстро, потому что на крышу редко попадала одна бомба, чаще – больше. Они могли мигом прожечь все

БЛОКАДА. ВОСПОМИНАНИЯ

перекрытия и дождь все до подвала. Еще летом все вытаскивали с чердаков и из подвалов. Там ведь внизу были сараи для дров, старых вещей, бочек с капустой, на чердаке стояли дощатые перегородки и между ними на веревках сушили белье. Все горючее было вынесено подальше от домов, и на чердаке оставался только шлак, которым был засыпан пол.

Цвели астры, а бомбежки делались все чаще, бабушка вскоре привыкла к дежурствам и не раз имела дело с зажигалками, но боялась фугасных бомб: кто ее знает, какая летит. Ночью, при вое сирен и самолетов, при свете гуляющих прожекторных голубых лучей, освещавших небо от горизонта до горизонта, при вспышках ракет, ждать близкого самолета и падения бомбы прямо на тебя, совсем без укрытия, почти под небом, где, кажется, до самолета рукой подать, несомненно, страшно, но об этом никогда не говорили. Обсуждались фронтовые вести и насущные вопросы. Еще цвели астры, когда на нас обрушилась первая беда. Мы хоронили бабушкину племянницу, она умерла от скоротечного туберкулеза сразу, как не стало хорошего питания. На похоронах, едва успели зарыть молоденькую нашу Зиночку, началась тревога, и мы пошли в подвал церкви. Это было на Киновеевском кладбище. Там были мощные кирпичные своды. Взрослые говорили, что под такими сводами ничего не страшно, а я удивлялась, казалось, что своды – украшение и не могут быть надежными. Взрослые спокойно обсуждали, когда должна кончиться тревога, говорили о том, что немцы очень уж близко. Узнавали все, главным образом, по трансляции. Радио совсем не выключали.

Тогда были такие черные «папочные тарелки», у нас они были спрятаны под стол, за картину, но слышно было хорошо. Радио очень помогало. Все время отстукивал минуты метроном, говорили дикторы на разные темы о жизни в стране, о положении на фронте, о том, как надо жить, чтобы выжить. Это были советы ученых. Предупреждали, что в голодное время нельзя есть горчицу. Многие говорят, что они как-то варили кисель из столярного клея, но я сама слышала передачу, в которой объяснялось, что его надо разводить очень жидко. Советовали и то, как соблюдать гигиену и как по частям съедать норму хлеба. Приемники все сдали, каждому выдали квитанцию. Мы после войны получили не свой, но ту же марку и тоже новый. Да, советовали не конфликтовать, употреблять детскую или даже игрушечную фарфоровую и алюминевую посуду. Люди это слушали и передавали друг другу.

А еды было уже очень мало. У нас оставалось немного консервов, которые берегли для меня, несмотря на общий голод, но я заболела

коклюшем, и кашель открывался в тот момент, когда надо проглотить кусок, он доставался Мурке, и она уже бежала ко мне, если у меня начинался приступ. За водой стали ходить на Неву. Когда она замерзла – к полынье. Заводы оборудовали сходы к воде через свою территорию, где иначе было не пройти. Несмотря на слабость, таскали дрова в квартиры и складывали их в тех комнатах, где буржуйки не стояли. Вокруг буржоек собиралась жить вся родня или даже близкие знакомые, но мы жили пока отдельно.

С осени немцы поставили дальнобойную артиллерию, на фасадах написали: «Эта сторона улицы наиболее опасна при артобстреле». Мы радовались, что наше жильё под иным углом к Пулкову, откуда, все знали, стреляли с Вороньей горы. Были дома, разнесенные в пух снарядами, недалеко от наших. Это (так говорили те, кто ходил смотреть) были маленькие частные деревянные дома. Весной их все разобрали на дрова, а жильцов переселили. Бабушка работала на этой трудной работе, но радовалась, так как можно было брать дров, сколько можешь унести. Намучившись в первую зиму, мечтали вторую прожить в тепле. Но это было без нас. А на моих глазах превращали в дрова мебель. Не всегда всю. У меня и сейчас висит вешалка старинной формы деревянная, большая. Но до войны это была стоячая вешалка с ограждением, с полированной круглой толстой палкой, с отделениями для калош и с перемычкой посередине. Я обожала играть, сидя на перекладине верхом, изображала летчицу. Осталась верхняя часть, прочее отпилили и сожгли.

Квартирами уехавших распоряжался ЖАКТ. Если кто-то уезжал всей семьей, сдавали туда ключи, квартиру опечатывали. Но, когда надо было вселить кого-то из пострадавших, передвигали мебель в одну из комнат и вновь опечатывали. Так было в квартире наших друзей Бродских. Если у человека или семьи не было ничего, все погибло, что-то из мебели им просто оставляли. Опечатывали и то жильё, где не оставалось никого, а человек уходил на фронт или надолго на завод на казарменное положение. Я не знаю случаев хищений в эти месяцы, было не до них. Моя учительница музыки после войны мне пожаловалась как-то на неаккуратность, низость людей, которое ставили в ее комнате что-то горячее на крышку полированного рояля, да еще палисандрового. Я подозреваю, что люди были столь голодны и истощены, что им и в голову не приходило, что еда может быть дешевле рояля, который уже некому было вытащить сохранности ради, могло просто не хватать сил делать иначе, но человек, не переживавший этого, не мог принять такое поведение.

БЛОКАДА. ВОСПОМИНАНИЯ

Воды, которую приносили с реки, было очень мало, так как сил носить ее не было. Зимой по полведра ставили на детские саночки, привязывали к спинке саней ведро и везли тихонечко, боясь опрокинуть на узких дорожках, так как снег не чистили, конечно. Но была нужна вода для мытья и стирки. Конечно, это была самая простая стирка. Воду для этого зимой делали из снега либо со двора, либо с крыши – откуда удобнее нести. Сушили в брошенных холодных помещениях долго на морозе, потому что приносили выстиранные вещи твердыми и ледяными, досушивали рядом с трубами печурок, которые тянулись к окнам через полкомнаты, а потом гладили на подстеленных на столе одеялах чугунными утюгами, которые подолгу стояли на печурке, чтобы тепло держалось дольше. Гладили швы. И в Ленинграде не было никаких инфекций, что для так долго находящегося в осаде города почти чудо. Так же устраивалась «баня»: грели воду маленькими порциями, хорошенько протирались и протирали друг друга горячей водой. Я не помню, как было дело с мылом, но знаю, что впоследствии мы никогда не страдали: варили щелок из золы. Пригодилось и старинное русское гигиеническое удовольствие «поискать в голове», то есть с ножом в руках делать проборы и, почесывая пробор, проверять, не завелся ли паразит. Умывание, мытье рук было обязательным. А жить было очень трудно. Канализацией стала в кухне форточка, как у всех. Эти наросты срубали весной по призыву домоуправлений и радио. Бабушка говорила, что привязывала себя к батарее отопления веревкой за пояс, чтобы не упасть, когда кружилась голова. Все срубали, счищали, даже мыли стекла, а потом рыли глубокие ямы и засыпали известью и землей.

Питанием нашим был выдаваемый хлеб, он был черный и липкий. Считалось, что полезней его есть так: сначала подсушивали его на печурке, потом делили на три части и эти части в обед, завтрак и ужин заливали крутым кипятком, ели как суп. Так советовали по радио. Нашей едой стал и бульончик из столярного клея: дедушка был столяром-краснодеревцем, клей был, но мы в него как-то меньше верили, смывали муку, которой до войны приклеивали обои, отцеживали ее, осаждая штукатурку неоднократно, и варили киселек. Взрослые пили кипятком с сахаринном, для детей считали его вредным.

Когда папа уже был переведен из Ленинграда, приехал его шофер, уже не на машине, а на трофейном мотоцикле «Харлее», кажется. Он предложил бабушке (ей было лет 47) опасную аферу. Она могла калачиком свернуться в коляске мотоцикла под застегнутой кожаной крышкой и проехать в расположение части. Там между немцами и нашими было незаминированное капустное поле, с которого капуста была собрана, но

оставались кочерыжки. Солдаты лазали на поле, хоть постреливали – было опасно. Опасно было и попасться на посту. Не приняли бы за шпиона. Дело это дома обсуждали недолго, ждать было некогда. Решились. Бабушка взяла все документы, которые могли подтвердить, что она теща бывшего начальника штаба дивизии. Операция прошла благополучно. Мешочек кочерыжек, привязанный сверху крышки, под которой лежала чуть не окованная собирательница, был привезен. Он был размером с большую наволочку длиной с рослого семилетнего ребенка, то есть с меня. Это было громадное подспорье. Теперь каждый день мы получали по маленькому половничку «щей» из воды и «капусты».

Когда в бабушкиной квартире умерли Черкуновы, их сынок проснулся утром между уже холодными папой и мамой. Все обмерли. Взяли его в комнату потеплее, получали ему хлеб, официально, кажется, считалось, что нужно карточки сдавать, но их никто не требовал до конца месяца, а при 40-градусных морозах покойные могли лежать в пустых комнатах до месячной смены карточек. Бабушка наделяла его такой же, как и нас, порцией. Он пережил блокаду. Уже взрослым помнил, как спасли его, и после войны писал бабушке по праздникам из Красноярска, куда был эвакуирован через детский дом. Детские дома детей сберегали и собирали для отправки на Большую землю.

Было в моей блокадной жизни два чудных момента, связанных с едой. На Новый 1942 год приехал к нам комиссар папиной дивизии Рафаил Борисович Бродский и привез куклу-солдатика в синей форме, куклу-грелку на чайник, боярышню, и два кусочка несладкого шоколада величиной с грецкий орех каждый. Ему это подарил друг – директор шоколадной фабрики, чуточку устроил из запасов для разведчиков, которые надолго уходили в тыл врага, а Бродский привез и мне.

И второй, еще более удивительный, случай. Как-то я помечтала, уже больная, когда просто лежала в кровати и никуда не ходила, что в то время, когда блокаду снимут, а может быть, когда кончится война, мамочка мне сварит любимый супчик из вермишельки и картошечки. И вот раз в мою комнату торжественно входят мама и бабушка и несут мне маленький, на одно яичко, детский ковшечек (были такие с длинной ручкой), а в нем супчик. Не знаю, была ли там чудом откуда-то добытая мясинка, но вермишельку и картошечку помню, и казалось или в самом деле было, но помню запах бульона. Долго потом я все думала и спрашивала себя, маму и бабушку, что же было выменено (все было на месте, вещи были тогда никому не нужны) в ту зиму. Много лет спустя мне показалось, что я поняла: они просто сэкономили свой хлеб, голодали дня два и выменяли на базаре одну еду на другую. Такое бы-

БЛОКАДА. ВОСПОМИНАНИЯ

вало: у людей оставались крохи одного, а надо было другое. Люди все пили чай – крутой кипяток в горячих стаканах, чтобы греть руки о него. Отекали. На фотографии кажется лицо как лицо, а то даже толстое, а это отек. Отекала я, отекала бабушка. Меня осмотрела Елизавета Львовна, посоветовала пить «медвежьи ушки» – толокнянку. Больше делать было нечего.

Пока я ходила, дежурила вместе с мамой, видела, как затаскивали сандружинницы людей, превратившихся почти в сосульки. Их тащили волоком шесть человек примерно, укладывали на скамейки в Красном уголке. Там топились буржуйки, их растирали снегом, поили горячей водой с ложечки, если кто нес хлеб, им его разводили в воде. Люди отлеживались в тепле и уходили на своих ногах, жили потом. Мы, дети, сидели на сцене за занавесом, но выглядывали, нам запрещали это делать, если были раненые, до перевязки, а потом мы могли «помогать» – поправить ногу или руку спящего, накрыть пальто получше, может быть, попить с ложечки теплой водичкой.

Люди везли трупы. Мой прадедушка, крепкий старик под 90 лет, умер от голода первым 20 января, еще похоронен в гробу. Но тащить саночки с телом бабушка пошла одна и очень устала, рисковала замерзнуть, не давала себе остановиться, все двигалась, хотя шла напрямик через Неву, не очень далеко, казалось бы. Мне показали машину, которая увозила мертвецов. Похоронить их уже не могли (или не было родных, или у родных не было сил). Это была обычная полуторка. У нее откинули правый борт, но в то время ничего там не было. Трупы забирала рано утром или поздно, нигде я не видела трупов где-то сложенных и в тот день не убранных. Вот на саночках везли, обычно в простыню обернутых.

Прадедушка был крепок, умирал мучительно, говорил перед смертью, плохо понимая, конечно, какова нынче война, «хоть бы германец пришел, есть хочется». Семья старалась к нему никого из соседей не пускать – мало ли что подумают: за пропаганду мыслей, выгодных противнику, карают. Ведь посадили в соседнем доме женщину за болтовню такого рода в очереди. (Это оказалась мама моей одноклассницы Лоры Трифоновой, нехорошо, считалось, поднимать листовки.) Они бывали, хоть и редко. В наш дом попали они два раза. Видно, подняли где-то не на глазах людей – любопытство заело, но оба раза поразились тому, что они содержат изумительное пренебрежение к тем, кому адресованы. Бумага хуже не бывает. Одна была, помню, розовая, другая, кажется, голубая, напечатано кое-как. Это я видела, а по разговору в семье поняла, что ничего хорошего от немчуры они не ждали, но такой дрянью

грубой тем не менее были просто сражены, примитивизмом таким, что он поражал и оскорблял самого читающего. Оценить это я тогда не могла, но впечатление от разговоров взрослых сохранилось именно такое. Говорили что-то вроде: да за кого ж они нас принимают, за предателей!?

Приходили письма от папы и племянника бабушки Ванечки, совсем юного военфельдшера. Они были сложены треугольничком, для этого листок складывали пополам по косой линии, идущей от левого верхнего угла так, чтобы отвесные линии совпадали, потом острый угол пригибали направо так, чтобы левая отвесная часть совпала с горизонтальной линией внизу. Под этим треугольником оставался от прямоугольной части еще кусочек. На нем подгибали уголки и всовывали этот остаточный кусочек внутрь основного треугольника. Держалось крепко. Можно не склеивать, все равно пойдет через цензуру. Она черной краской вымарает всякое слово, которое может содержать любой кусочек военной или иной государственной тайны. Не обижались, но уславливались о тайных значениях некоторых слов, через которые можно было бы понять, нет ли беды, о которой сказать нельзя.

Еще когда мы с мамой вместе были на дежурстве, рядом с нашим домом, прямо посреди Палевского проспекта, упала огромная, то ли тонная, то ли полутонная бомба. Дело было ночью. Бабушкина квартира была рядом со взрывом, все они дома. Каждый подумал, что бомба упала в другую часть дома, бабушка побежала к нам, надев только один валенок, с одеялом на плечах (спали-то одевшись, помыв себя, меняли белье и снова надевали все на себя), мама – к ним. Встретились на дороге. Не плакали. Тогда хоронили молча и радовались тихо. Дом наш дал трещину сантиметров в тридцать на все пять этажей. Но все это заделали вскоре. Воронка была такая, что на дно ее можно бы поставить грузовик. С соседнего большого, на несколько квартир, двухэтажного деревянного дома снесло крышу и закинуло на базар, отнесло примерно за трамвайную остановку, спичечный ларечек разметало в пух, и следа нет. Но раненых не было. Только одного деда, который не ходил в укрытия, завалило осколками стекла, и чудо – ни царапины. Мама ходила к нему, помогала проверить здоровье и убрать стекла. Я ходила мало даже в доме к январю, кажется. Помню, вышла на кухню, а там на столе тети Юли, соседки, лежит кусок конского жмыха, дуранды. Так вкусно пахнет! Но я была воспитана так, что и просить могла что-нибудь только на всякий случай, на когда-нибудь, а уж взять чужое – ни боже мой. Стою я, нюхаю. И вдруг вижу, что рядом с куском примерно в ширину моей головы лежит крохотная точка, как точка при письме, отломилась. Я

БЛОКАДА. ВОСПОМИНАНИЯ

послюнила палец, положила ее в рот и мне показалось, что чувствую чудесный аромат, даже сытный. Я была счастлива. Тетя Юля, конечно, даже не заметила бы крошку, а у меня тьма наслаждения.

В январе моя дистрофия разыгралась вовсю. Люди уезжали по дороге жизни через Ладожское озеро. Перед этим 15 декабря папу вызвали в Смольный. Он шел пешком от Ижорского завода не меньше, чем километров десять. Зашел домой и сказал маме, что в связи с позиционной войной на этом фронте ему могут дать другое назначение. Они договорились, как и о чем будут писать. Попил кипяточку и пошел. Мама пошла к соседке. Она ей немного помогала, старенькой. Маме было 27 лет. Видно, ей срочно надо было чем-то заняться. Она оставалась с больным ребенком, конечно, надежды было мало.

А папа мне рассказывал не раз, как он шел по занесенному проспекту среди гигантских сугробов – мимо заснеженных заборов и вышел к складам у Александрo-Невской Лавры в таком состоянии, что впору сесть и замерзать, уже едва плелся. Там зайти некуда. Закрытые склады, кладбище, Лавра закрыта, холод, простор ветру с открытой Невы. Думал, дело кончится плохо. И вдруг чудо. Идет трамвай. Проспект и разметен-то чуточку по трамвайной линии. Может быть, нужная техника ходит, снаряды подвозят, продовольствие. И вот идет рабочий трамвай. Серых две платформы с будочкой для водителя. И на платформе люди, увидели его, помогли сесть на малом ходу, и он отдохнул, добрался до Суворовского проспекта, а там уже не так далеко, как первая часть пути. В Смольном покормили допайком, манной кашей на пирожковой тарелочке и чаем с кусочком пиленого сахара. Я спросила, неужели в Смольном не могли дать побольше, а он тотчас бодро мне сказал убежденно: «Да что ты, Нина, я так подкрепился, меня даже в жар ударило!» «А как там другие, начальство смольненское?» – спросила я. «Кузнецов и Попков зеленые, Жданов – отекий», – был ответ, сущность которого была в интонации: да как все.

Папа прислал письмо, в нем говорилось, что их отправили формировать новые дивизии. Он на Урале. Не знаю, то ли цензура пропустила, то ли из других источников потом мама узнала, где его полевая почта № такой-то находится, то ли у них был шифрованный вариант писать названия мест, где кто, но она знала, что он под Молотовым (Пермью) на станции Верещагино. Он не советовал лететь самолетом до Хвойной. Станцию страшно бомбят, менее опасно дома. Выехать оттуда трудно.

Заболел дедушка. Он тушил пожар в цехе после попадания бомбы, промок. Пока дошел до дому, простыл. А лечить нечем, кормить нечем. Вскоре началась голодная дизентерия. Завод из профилактория для

ослабевших выделил немного рисового отвара, мамочка достала ампулу бактериофага, но он слабел и слабел. Я была при его единственном скандале с бабушкой: он требовал, чтобы она его хлеб отдавала мне, так как сам он отказаться не в силах, а она не могла, и в то же время он страшно нервничал, когда она резала суровой ниткой общий кусок поровну. Она, если обделять могла кого, то себя. Несмотря ни на что, к праздникам мы относились как к праздникам. Со своим кусочком люди ходили в гости в дни рождений, на Новый год. Шутили. На Новый 1942 год, в самый ужас, нам из дивизии через Павлушу прислали маленькую елочку. Ее нарядили, дом украсили бумажными снежинками, мне подарили игрушки, кое-где кое-что продавалось. Я получила два шоколадных кусочка, о которых рассказала уже, приходили соседи, поздравляли друг друга какой-то блокадной едой бог знает из чего. Звонили бы, если бы работал телефон. Дарили книги, какие-то личные приятные вещи. Наши тоже суетились. Приготовили хвойный отвар. Им всех желающих снабжала сначала столовая в нашем доме (некоторые сначала брали скромные обеды, питание детям, пока еда была), а зимой – госпиталь. Они связаны были с фронтом, значит, с лесом. Отваром спасали от цинги.

Книги были очень важны. Все читали все свободное от дежурств, сна и работы время, а иногда и вместо сна. Что не нравилось, сразу шло в печку, потому что уже жгли мебель и книги, а хорошее, классику, читали, обменивались, перечитывали. Когда бабушка осталась одна, ее спасали книги. Она была человек простой, но великий чтец с прекрасной памятью. Учась на филфаке, я прибегала к ее помощи, когда надо было вспомнить подробности «Саги о Форсайтах» или «Мадам Бовари», не говоря уж о Толстом, Тургеневе и прочих. Тогда же мама мне читала занимательную литературу, например, как я потом сообразила, «Графа Монтекристо». А мне было все хуже и хуже. Читали с коптилкой. Смирно лежали в кровати одетые под кипой одеял, с теплым платком на голове. Меня так и звали «матрешкой», шутя, конечно. Но шутки помогали держаться.

Многие говорят о блокадниках, которые сэкономили силы. Но в нашей семье считали, что от полного бездействия быстрее умирают. Когда я высказала удивление, как наша бабушка одна пережила всю блокаду, то мама мне сказала: «Не боялась умереть от работы – не умерла от голода». Конечно, все делалось не с той энергией, что раньше, но совсем не «ползая» и не «еле шевелясь», а в полную меру возможностей.

Некоторые рано начали жечь мебель. Наши кололи дрова, чтобы входили в маленькую печурку, жгли и книги, но все книги военные:

Клаузевиц и прочие. Любимая классика, детские книги – все осталось. Остался и том о гражданской войне, изданный Бухариным. В нем портреты объявленных врагами народа были аккуратно по линейке перечеркнуты крест-накрест, но том пережил все, от него не избавлялись. На Сталина и руководство возлагали большие надежды, слушали доклад 7 ноября с чувством причастности к великому и надежды лелеяли. Но в жизни отношение к Сталину совсем не было столь ажиотажным, как теперь часто представляется, и здравницы чаще провозглашались народу. Городской власти верили. Они говорили вещи тяжелые, но все время в том ключе, какой был свойственен обычным людям. Уезжали те, кто уже не мог быть полезным по слабости. Нам пришли два приглашения уехать, но надо было явиться на комендантский аэродром. Это сравнительно близко сейчас. Тогда – расстояние непреодолимое. Вдруг приехала машина «эмка». Шофер в летном шлеме пришел к нам и объяснил, что привез два билета на самолет до Москвы и мы с мамой имеем два часа на сборы. За стол сели мама и бабушка, обсудили все и пошли к дедушке. Стали собирать нас. Дедушка мне прислал свою замечательную, легкую ушанку кожаную, на кенгуровом меху, очень нежном и теплом, а через некоторое время прислал сшитые им сейчас же носочки из кроличьего меха, которые мне надели в валенки, так как самолеты не отапливались, конечно. Больше я дедушку не видела, он умер через несколько дней после нашей эвакуации, а мы выехали 9 февраля 1942 года.

Очень скоро было первое увеличение хлебной нормы, пустяковое, конечно, но очень важное морально. Мама, торопясь, даже не получила справки о работе в дружине, поэтому и не получила медали «За оборону Ленинграда», хотя подходила полностью под ее статус. Получила бабушка, получил папа. Они получили за всю семью, от которой остались мы трое и папина сестра с дочкой, а был в семье папа десятым ребенком. Это о тех, кто был в Ленинграде.

Наши сборы были недолги, но напряженны. С собой можно было взять один небольшой чемодан весом 20 килограммов, но никто не мог нести такой, тот, что взяли, хранится у меня, он килограммов на 10–12, да и его нести мама едва могла. Все налезло на тело. В чемодан положили обувь и тому подобные необходимые вещи, постель не брали совсем, привязали к чемодану бидон и, простите, детский горшок в мешочке. Два пальто, летнюю и зимнюю одежду, несколько пар белья – все смогли надеть на себя, а лица казались вполне нормальными. На мне, кроме осеннего пальто и собственной шубки, была надета взрослая меховая безрукавка из гладкого меха и сверху мамин полушубочек из

беленькой белки. Делали такие, из брюшек, что ли. Завязали еще крест-накрест шерстяным белым платком вязаным.

Доехали. На аэродроме мы оказались в срок, но вылет наш был задержан из-за того, что госпиталь не давал вывезти двух раненых Героев Советского Союза, так нам сказали. В этом самолете летели только две из 23-х семей тех командиров, что уехали для формирования частей. Нам не досталось билетов в тот самолет, по списку фамилии были внизу, на «Т» и «Ш», кажется. Ждали четыре часа, за это время должен был кто-то лететь. Полетел самолет с семьями. Он погиб, его сбили над Ладогой. Мы полетели через два часа после него, летели мы в военном транспортном самолете с людьми военными по форме и по виду военными, но в полувоенном чем-то.

Я летела впервые, мне было очень интересно, хоть уже порядочное количество дней у меня держалась очень высокая температура, до 39 градусов. Как-то узналось, что будто бы чуть ли не из ставки летит кто-то. По виду главным был мужчина в длинном кожаном пальто. Летчик наш, Литвинов, вел самолет так, что ему в огромной степени мы обязаны жизнью. Вся летная династия Литвиновых, говорят, погибла на этой трассе. Наш «Дуглас» сопровождали два истребителя. Сидели на чемоданах и ящиках, мы – на своем, соседняя семья, мама с мальчиком, – на своем. Слева за моим плечом была лесенка наверх, там сидение и пулемет в ячейке вроде стеклянной будки, так казалось снизу. Очень скоро мы долетели до Ладоги. Болтало. Тошнило. Летели низко. И вдруг – немцы. Ну тут уж надолго было сплошное ныряние то вверх, то вниз. Немцы летели параллельно, удивительно быстро. Штурман, он же бортстрелок, все время работал. Звук пулемета в воздухе такой, будто мелко-мелко бьются хрустальные нежные подвески в огромном количестве и сыпятся, сыпятся. Бортстрелка ранило. Ничего не слышно. Наверх к пулемету полез тот главный мужчина в кожаном пальто. Сказал: «Я сам». Один из наших истребителей был сбит. Волновались, не прострелили бы его немцы, да и куда его несет на парашюте, к немцам или на нашу сторону, было неясно. Под Калининым и над Ладогой через какое-то время после боя нас обстреливали зенитки. Прекрасное и нестрашное зрелище – разрывы снарядов в воздухе, совершенно круглые сияющие апельсины. Мы летели до Москвы 4 часа. Я по телевидению слышала слова Микояна, что снаряд взрывается при соприкосновении с самолетом, может быть, зенитный иначе? Или стреляли ракетами, что ли? В блокаде остались дедушка и бабушка, а вскоре – одна бабушка. Она стала донором. Маме говорила: «Очень кушать хотелось» и очень гордилась тем, что кровь ее была 1-ой группы и ее можно было вливать

БЛОКАДА. ВОСПОМИНАНИЯ

абсолютно любому бойцу. Но ей не подходила ничья. Она сохранила Мурку, и та пошла на заработки в магазин, там потом и осталась. Я, приехав, ходила к ней в гости.

Мы вернулись в самом начале 1944 года, как только сняли блокаду. Папа к тому времени получил звание генерала. Это и то, что его помнили в Верещагине с очень хорошей стороны, помогло маме получить пропуск очень рано, да притом ей дали теплушку для поездки. Так, назывался грузовой вагон, почему-то их еще называли телячьими вагонами. Недолго думая, мама собрала тех коренных ленинградцев, которым скоро домой вряд ли можно было попасть, так как хлопотать по разным причинам они не могли. Так с нами ехали две старушки, одна из них парализованная, бывшие балерины. Ехали долго, надо думать, недели две, наверное. Особенных приключений не было, питались из одного котла, организовали санузел, на остановках у разъездов выходили подышать воздухом около вагонов, потому что сигналы почти не подавались. Мужчины гуляли чуть в отдалении от женщин. Карточки отоваривали и кипяток получали на станциях. Кое-где были еще пункты питания, где можно было получить горячую пищу. Около Тихвина в вагон полезли разные люди весьма неприбранного вида. Их, без документов, может быть, вшивых, может быть, нарушающих закон, не пустили и на дверях вагона написали «ТИФ». На следующей станции к нам примчалась комиссия. Но ничего не нашли, а право на отдельный вагон у мамы было подтверждено документами.

Ленинград был немного иным, конечно. Не было никаких мешков с песком у витрин, не было большинства окон и бумажной сеточки, смыли ее. На Невском вроде бы все было в порядке, но все верхние этажи домов были прикрыты фанерными фасадами серого цвета с черными нарисованными прямоугольниками окон. Не было многих-многих домов и на месте многих было все чисто убрано, разве что остались такие куски стен, которые кайлом не разобьешь и не растащишь так просто. Бабушка со своим отрядом обороны делала и эту работу. Когда кончились бомбежки и обстрелы, перестали искать людей и трупы в развалинах, но ходили очищать от развалин пространство. Было чисто.

Многие высокие развалины стояли во всей своей «красе», но расчищенные, недалеко от рынка был дом, где на оставшейся стене долго-долго висело хорошее неразбитое зеркало, были и другие подобные случаи. Снабжение стало таким же, как везде, но по ленинградским улицам все везли и везли покойников. Говорили, что самыми первыми умирали в первую зиму мальчишки-подростки и мужчины, у мальчишек у первых бывало помутнение сознания, фантазии. Теперь умирали стой-

кие и терпеливые, в 46 году я по дороге из школы на улице Восстания, выходя на Невский, неизменно встречала похоронную процессию, а то и не одну. Потом стали возить покойных в закрытых машинах и ритуал совершать у дома и на кладбище. Многие люди уехали позже нас, многие умерли. Бабушка рассказывала немного, после зимы 1941–1942, которую она провела так, как мы ее оставили, только еще отвезла на Киновеевское кладбище мужа, уже в простыне, и мужа сестры. Дедушку похоронили в могиле моего прадедушки, чтобы легче было рыть. Бабушка рассказала, что трупов было много привезено, работники похоронной команды отогревали кострами кусок земли под братскую могилу, некоторые трупы были едва обернуты, ветер, снег окутывал их, но у одного или двух она заметила отрезанные маленькие кусочки, кто-то, видно, не выдержал. Однако вообще считалось, что людоедство вредно отразится, его не было.

Году в 50-м мы с мамой делали пересадку на станции Тихорецкая и должны были сидеть ночь в скверике, тогда было правило: из вокзалов ночью просили всех выйти. С нами на скамейке поместилась бабушка с внуком – младшим школьником. Вот в тишине ночи темной-темной, когда внук спал, бабушка рассказала, что он хил и слаб, наблюдается разными специалистами потому, что его умирающая мать потребовала, чтобы бабка поступила самым печальным образом и выкормила ее телом внука, делала бульон, а ее тело зашила в одеяло так, чтобы никто не видел их заговора. Так и было сделано, пока стояли холода, ребенок окреп, но теперь в том мединституте, где он стоит на учете, так как бабушка открылась врачам, очень беспокоятся, не отозвалось бы на нем такое вскармливание. Больше таких случаев мне никогда слышать не приводилось. То ли город был такой, то ли надзор общественный хорош и был во благо, но в каждом ЖАКТе и в каждой группе сандружины, оборонной группе все было максимально активно, держалась связь с заводами.

Помалу или помногу, но заводы ведь работали для фронта, и, как оказалось, не только для себя, а, например, и для Москвы. В самые тяжелые ее дни именно Ленинград отправил ей воздухом, кажется, 700 единиц какого-то важного и мощного обеспечения из блокады. Работали женщины, бывшие наши домохозяйки, их сыновья и дочери. Я таких знала, они были постарше меня, лет 13–14, шестнадцатилетний казался взрослым. «Катушка» делала приклады ружейные и автоматные, мыловаренный – тол, ну а металлическое производство ночами получало разбитую технику нашу и трофейную, это видели. И я видела, как танки волокли на тросах. Несколько штук. В темноте не видно, какие. Повед-

БЛОКАДА. ВОСПОМИНАНИЯ

ние серьезное было в городе и деловое, оно таким осталось и тогда, когда нас уже не было. Весной, я рассказала, город чистили все, кого ноги носили. Шатались, отдыхали – и снова за труд, трудились и на себя лично, готовясь к новой зиме. Многие участвовали в работе бригад в нашем районе, растаскивали деревянные строения на дрова, оставили домик, связанный с именем Крупской, жены Ленина, она там вела рабочую школу, кажется, еще что-то. Боялись пожаров и запасали дрова. Школы работали все время, кроме первой зимы, в основном, в бомбоубежищах или рядом с ними, но не все дети посещали их по разным причинам. Были работавшие на производстве, были нездоровые. После блокады следили, чтобы отставшие в учебе догоняли. Были целые классы переростков. В моем классе тоже были такие девочки. Школа с военных лет была разделена на мужскую и женскую. В Верещагине этого при мне не было, а в Ленинграде уже давно.

Школьную форму ввели попозже, помню, что в 1946 году она в школе №209 на улице Восстания, как и везде, была, а вот перед тем в 335-ой у Палевского ее вроде бы не было. Однако хорошо помню, что до конца войны большинство детей, у которых были трудности с одеждой, а я попала в это число, на обувь получало «ордер» – право на приобретение, а на коротенькие платьица надевали шитые дома синие или черные сатиновые, то есть из хлопчатой блестящей гладкой ткани, халатики простого покроя с обязательным белым воротничком и рукавчиками. Это последнее требовалось неукоснительно.

В дни блокады умерли многие наши родственники и знакомые, некоторые уехали, иные даже писали. Писали и с фронта. Иногда получали то, чего боялись больше всего, – «извещения». Значит, человек погиб. Ходило много слухов о том, что люди находятся в госпиталях, а на них поступают вести, как на мертвых. Я таких случаев не слыхала в реальной жизни. Вот пропавшие без вести были. С одной стороны, это было благо, но с другой, – власти смотрели на это как на измену или что-то вроде того, помощи от государства такие семьи не имели.

С тех пор, как по «дороге жизни» начали завозить продовольствие, постепенно жизнь улучшалась, но это был медленный процесс, люди не доживали, умирали уже в довольно благополучную пору и после войны тоже. Сразу, как наступила первая весна, всю территорию газонов, дворов и пустырей, где что-то можно было посадить, превратили в огороды. К нам на окраину приезжали люди из центра, которым были отведены участки вдоль железной дороги, по ту сторону ее, или на наших пустырях, но все это в непосредственной близости, практически все в городе. Ведь все пространство вокруг без конца разминировали многие

годы после войны, не говоря уже о лесах, о линиях вражеских рубежей, о территориях с землянками и блиндажами. Когда мы возвращались, то около Мги мы видели брошенные немцами землянки в непосредственной близости от железной дороги. Они были оставлены в спешке, так как висело белье, еще пахло какой-то едкой дезинфекцией. Что же говорить о местах боев или оборонительных рубежах! Поэтому под огороды использовалась вся городская площадь. Семена и продавались, и раздавались на производстве и через домоуправления. Все, кто мог, копали, а кто-то уже мог что-то и отдать в уплату за помощь. Конечно, когда количество продуктов в городе увеличилось, стало возможным и воровство, но эти наблюдения сводятся к самому последнему периоду войны и по количеству с современными понятиями ничего общего не имеет. Кстати, у многих оставались картины и ценности, которые они с удовольствием выменяли бы на продукты, но даже в то время, когда я приехала обратно, это было практически невозможно, и эти вещи живут у хозяев до сих пор.

У моей бабушки был огород под окном, грядки далеко в сквере и картофельное поле – далеко на каком-то пустыре. Старались дежурить, охранять урожай, устраивались по очереди у окон, смотрящих на гряды, но не было того, чтобы унесли значительную часть, я не слыхала. Ну, мог пропасть кочан, а чтобы выкопали много – того не слыхивали. Ну, картошку подроют в нескольких гнездах. Уже это считалось бедой. А иначе милиция завела бы дело и искала бы вора настоящего, так считали. Бабушка имела еще один свой коронный промысел: она ходила собирать грибы, чаще всего шампиньоны. Это было полезно и очень вкусно, она вставала до рассвета и потихонечку обходила при первых лучах солнца и огороды, и все другие места, где вырастали грибы. Если ты ничего не брал, то никто не сердился, что ты прошел огородом.

Еще в блокаду действовало кино, при мне всю шла книжная торговля. Книги были разные, изданные фундаментально и сделанные чуть ли не на оберточной бумаге. Очень много классики. Бабушка мне заранее к приезду припасла хороших подростковых книг десяток, если не больше.

При мне в меню входила американская тушенка – мясные консервы, с фронта пришло их ироническое название «второй фронт», поскольку, кроме нее, второго фронта практически не было, а что было, то не про нас. Кроме нее, была другая вещь, колбаса в железной баночке, о которой открыто объяснено было, что она эрзац-колбаса из растительных продуктов, гороха и прочего. Надо отдать должное, это было вкусно и сытно, но выдавалось немного, поэтому употреблялось очень аккуратно, как основное блюдо, обязательно или в супе, или с гарниром.

БЛОКАДА. ВОСПОМИНАНИЯ

Один раз пришли посылки из Америки с ношенными вещами, но вполне хорошими. Каждую посылку делили на несколько семей, нам досталось синтетическое платье на тетю, интересное тем, что тогда мы уже забыли, что бывает отделка того же рисунка, но иной окраски, и красная кофточка синтетическая на меня, красивая и очень теплая, которая сильно садилась после каждой стирки. Мы были благодарны. При мне работали коммерческие магазины, где без карточек можно было купить продукты, даже такие, как пирожное довоенного прекрасного качества. Я получала два таких пирожных после каждого музыкального экзамена. Бабушка и тетя делали вид, что пользуются моим приглашением отведать их, отрезали или отламывали по кусочку совсем крошечному от «Наполеона» или «корзиночки». Мамы не было. Она в мае, тотчас по возвращении нас в Ленинград, добилась разрешения уехать в папину дивизию с подарками от семей и осталась там в должности вольнонаемного работника дивизионной газеты до конца войны, на год.

А мы ждали этого конца, и, когда стали приезжать люди с фронта, их встречали как богов. Первый эшелон прибыл куда-то на Фарфоровский пост, и строй победителей шел по нашему проспекту во всю его длину, и весь проспект был устлан цветами, которые нарваны были за железной дорогой, а в руки давали только цветы из садов, оставшихся около домиков, которых уже не было. А цветы разводили, в одном таком саду был наш пришкольный участок, где мы вырастили длинные «японские» огурцы, еще не умея расправить их (они были свернуты в кольцо), и зрелые помидоры, что было в Ленинграде редкостью. Эти овощи нам во время войны практически не доставались, и мы были огорчены, когда узнали, что их надо везти на районную школьную выставку юннатов (юных натуралистов). Мы заняли хорошее место, но овощи нам отдали и велели угостить близких. Мы их поделили на кусочки, угостили нашу учительницу биологии и всех домашних, понемногу, конечно, а помидоров маленьких каждый домой принес пару штучек. А что касается цветов, то мой отец, почетный гражданин города Бреста, как его освободитель, приехав после празднования 30-летия освобождения Белоруссии, говорил: «Неудобно было идти в строю участников войны: под ногами сплошной ковер прекрасных цветов, топтать неловко».

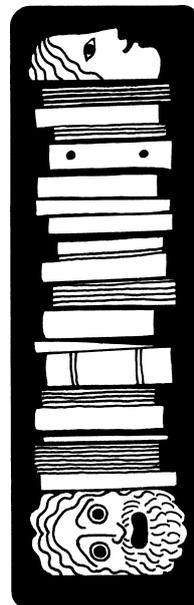
Так же встретила воинов-победителей наша рабочая окраина, обожаемая, прекрасная традициями Ленинградская Невская Застава. Мы в руки победителям давали только садовые букеты, купленные. Полевые цветы бросали под ноги.

Историк и история находятся внутри единого пространства человеческой культуры, но они в принципе говорят на разных языках и отношения их асимметричны. Из этого вытекает еще одна функция истории в культуре. Историю часто называют памятью человечества, но редко задумываются над этой формулировкой.

Если функция истории все в той же попытке «представить прошлое, как оно было на самом деле» (формула старая, но по сути выражающая стремление каждого историка),

то память – инструмент мышления в настоящем, хотя ее содержанием является прошлое. <...> Подобно тому, как различные прогнозы будущего составляют неизбежную часть универсума культуры, она не может обойтись без «прогнозов прошлого».

Ю.М. Лотман

Алексей Филитов

**КАКИМ ПУТЕМ
ПОЙДЕТ ГЕРМАНИЯ?**

**СОВЕТСКИЕ ПЛАНЫ ПО ГЕРМАНСКОМУ
ВОПРОСУ В 1953 ГОДУ**

The re-united 'bourgeois-democratic' Germany on the pattern of the Weimar republic – this was the Soviet blueprint for resolving the German question as of late May–early June 1953 (see Doc.1). A month later a subject of a German unity was first tuned down (Doc.2) and eventually vanished altogether from the Soviet political agenda (Doc.3) Why this sea-change? In an introductory article an attempt is made to pinpoint the reasons and motives of the Soviet leadership in making such a sharp turn. In commentator's view, it was the explosive events in East Germany in June 1953 that played a crucial role in this context. Further transformations in the Soviet treatment of the German question – up to the early 90s – are addressed to in a final part of the article.

Вопрос о советских планах по германскому вопросу непосредственно после смерти Сталина – один из самых дискутируемых в исторической науке. Широкое распространение получила следующая версия. Тогдашний министр внутренних дел Л.П.Берия был одиноким «голубем», который выступал за далеко идущие уступки Западу, за отказ от «социалистического эксперимента» в ГДР и за объединение Германии на базе того общественного порядка, который существовал тогда в другом германском государстве – ФРГ. А ему противостояла сплоченная когорта «ястребов», выступавших за жесткое противостояние с Западом, за сохранение «социалистической» ГДР и тем самым – за сохранение раскола Германии¹.

Впервые эта версия – в виде одного из обвинений в адрес низвергнутого «лубянского маршала» – была выдвинута на том заочном судилище над ним, которое устроили победители из «коллективного руководства» партии и страны на Июльском пленуме ЦК КПСС (2–7 июля 1953 г.). Причем, разумеется, понятийный аппарат обвинителей был совсем иным: Берия называли капитулянтом и агентом империализма, а себя – борцами за дело социализма и общественного прогресса.

Доступные ныне архивные документы вносят существенные коррективы в эту картину. Она была гораздо более сложной. Есть основания полагать, например, что первым лицом в советском руководстве, выступившим за изменение старого конфронтационного курса (характерного для последних месяцев деятельности Сталина) в германском вопросе, был вновь назначенный министр иностранных дел В.М.Молотов², которого обычно характеризуют как безнадёжного консерватора и догматика. Правда, документы свидетельствуют, что первые инициативы Молотова, вынесенные на Президиум Совета министров в начале мая, были отвергнуты, и министр послушно «взял под козырек», представив буквально через несколько дней проект в духе полнейшей «ортодоксии»³. С

¹ Судоплатов П.А. *Разведка и Кремль*. М., 1996. С.414; Knight A. *Beria: Stalin's First Lieutenant*. Princeton, 1993.

² См.: Филитов А.М. СССР и ГДР: год 1953-й // *Вопросы истории*. 2000. № 7. С.124–125.

³ В первом варианте (от 3 мая) говорилось, что «центральным вопросом политики СССР в отношении Германии, как и раньше, следует считать вопрос о национальном объединении Германии на миролюбивых и демократических началах». А во втором проекте (от 10 мая) – что «главной задачей Советского Союза является неуклонное проведение политики укрепления политических и экономических позиций ГДР, которая уже встала на путь народно-демократического развития». ГДР в этом документе получила, кроме

другой стороны, первая записка Берии⁴, хотя и констатировала тревожные явления в ГДР – массовое бегство населения из республики на Запад, – но в плане конкретных мер была выдержана во вполне традиционалистском духе. Надо, мол, укреплять органы безопасности и строить новые радиостанции, чтобы противостоять западной пропаганде. Если опираться на краткие заметки премьер-министра ГДР О.Гротеволья⁵ во время встречи с высшим советским руководством в Москве 3 июня 1953 года, то получается следующая картина. Маленков (тогдашнее «первое лицо»), Молотов, Берия, Микоян, Каганович говорили примерно одно и то же. А именно: о необходимости решительных перемен в ГДР. Причем наиболее предупредительным к «друзьям» был Берия («мы все наделали ошибок, никаких упреков»)⁶, а самым резким было выступление Кагановича⁷, призывавшего чуть ли не к «революции» в ГДР.

К сожалению, в нашем распоряжении нет записи обсуждения германских дел советским коллективным руководством непосредственно перед визитом делегации ГДР (скорее всего оно имело место на заседании Президиума правительства 27 мая 1953 года). Есть лишь мемуарные свидетельства, но весьма противоречивые. Хрущев говорит об «общем документе» Берии и Маленкова, предусматривавшем «отказ от строительства социализма» в ГДР, который был подвергнут единодушной критике, снят с обсуждения и даже изъят из протокола. Молотов, если следовать записям Ф.Чуева, говорит лишь о соответствующей

того, характеристику «надежного союзника СССР». Причины такого изменения оценок очевидны. В сопроводительном письме ко второму проекту Молотов указал, что он составлен «с учетом состоявшегося обмена мнениями на заседании Президиума» (Совмина), которое состоялось 5 мая (См.: Архив внешней политики Российской Федерации. Ф.06. Оп.12. П.16. Д.259. Л.39, 48, 51).

⁴ Записка была датирована 6 мая 1953 года. К сожалению, полный текст ее до сих пор не опубликован, и читателю доступны лишь отрывки, приведенные в книге российского и двух американских авторов, посвященной деятельности спецслужб в послевоенной Германии (См.: Бейли Дж., Кондрашев С.А., Мерфи Д.Э. Поле битвы – Берлин: ЦРУ против КГБ в «холодной войне». М., 2000. С.189–190).

⁵ Они были обнаружены в архиве бывшей СЕПГ и приведены в моей статье 2000 года (См.: Филитов А.М. Указ. соч. С.128–129).

⁶ Хрущев на том же Июльском пленуме 1953 года утверждал прямо противоположное: что он на них «орал» и всячески третировал.

⁷ Напомним: в 1957 году при осуждении «антипартийной группы» его характеризовали как сугубого консерватора.

реплике Берии, о том, что присутствовавшие «почти раскололись», причем Маленков «качался туда и сюда». По версии Микояна, Маленков «вообще молчал»; тем не менее мемуарист объединяет его вместе с Берией. Громыко пишет, что Маленков выступил против Берии, хотя и «помягче», чем остальные. Главный советский эксперт по Германии В.С.Семенов говорит о проекте Берии, который был одобрен без какой-либо дискуссии⁸.

Сопоставляя все эти версии, можно предположить следующее. Дискуссия по германскому вопросу в советском высшем руководстве в последних числах мая действительно имела место, и некий проект⁹ был принят. Возможно, с указанием учесть «высказанные замечания» или «материалы обсуждения» (все, жившие в советскую эпоху, знают о стандартной формулировке, порой означавшей кардинальное изменение первоначального смысла).

В нашем распоряжении имеется несколько вариантов дорабатывавшегося документа¹⁰. Но самое главное – мы ныне знаем, как выглядел «конечный продукт». Речь идет о распоряжении Совета министров СССР от 2 июня 1953 г. «О мерах по оздоровлению политической обстановки в ГДР». Текст его обнаружен в Архиве президента РФ и опубликован в сборнике материалов Июльского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС¹¹.

Этот документ на следующий день был передан прибывшей в Москву делегации немецких «друзей». Положения этого документа стали основой решения Политбюро СЕПГ от 8 июня 1953 года о «новом курсе» для ГДР, который был призван покончить с эксцессами «форсированного строительства социализма». Опять-таки с сожалением приходится констатировать, что советской записи переговоров с немецкой

⁸ См.: Громыко А.А. *Пережитое*. Кн.2. М., 1990. С.505–506; Мемуары Н.С.Хрущева // *Вопросы истории*. 1992. № 2/3. С.94; Микоян А.И. *Так было*. М., 1999. С.584; *Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф.И.Чуева*. М., 1991. С.333–335; Semjonow W. *Von Stalin bis Gorbatschew. Ein halbes Jahrhundert in diplomatischer Mission*. Berlin, 1995. S.291.

⁹ Авторство его установить при нынешнем состоянии источниковой базы затруднительно.

¹⁰ Они хранятся в Архиве внешней политики РФ. Непосредственным исполнителем был Семенов, а правил его сам министр, причем опять-таки можно сделать вывод о некоей неустойчивости позиции В.М.Молотова.

¹¹ См.: *Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы* / Составители В.Наумов, Ю.Сигаев. М., 1999. С.55–59.

делегацией либо не существует, либо она еще недоступна. Имеются лишь краткие заметки, сделанные одним из участников встречи с немецкой стороны, О.Гротеволем, о которых уже говорилось выше. К сожалению, ни в самом документе, переданном делегации ГДР, ни в заметках Гротеволья мы не находим ответа на самый важный вопрос: как представляло себе советское руководство стратегическую цель в германском вопросе, как ему виделось будущее Германии? Имело ли оно в виду сохранение идущей и далее по пути «строительства социализма» (хотя и реформированной по образцу советского нэпа) ГДР или перспективу объединения двух германских государств в виде демократического государства с капиталистическим укладом, ту перспективу, которая была реализована в 1990 году? Можно предположить, что об этом должен был сказать председатель Совмина Г.М.Маленков, открывавший заседание 3 июня 1953 года. И действительно, соответствующий документ, содержащий ответ на поставленный вопрос, существует. Он обнаружен в личном фонде Маленкова Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и публикуется ниже (док. № 1).

Шесть машинописных страниц, составляющих этот документ, отложились среди подготовительных материалов к докладу Маленкова на Июльском «антибериевском» пленуме ЦК КПСС, причем в разбросанном и перепутанном виде. Впереди – те, из которых делались вставки для доклада (л.131, 132, 134, 135), за ними – те, что не были использованы (л.136, 141); пагинация дела не соответствует нумерации в исходном тексте (за листами 131 и 132 следует читать лист 141, а затем – 135 и 136). Из упомянутых шести страниц в проект доклада вошло лишь несколько фрагментов (в виде четырех вставок в него), а в сам доклад – и того меньше.

Что вытекает из публикуемого текста (док. № 1) и той трансформации, которую он претерпел при подготовке доклада Маленкова, зачитанного на Июльском пленуме ровно месяц спустя (док. № 2, 3)? Прежде всего, следующее. На начало июня 1953 года официальная позиция советского руководства состояла в том, что объединение Германии имеет безусловный приоритет перед дальнейшим существованием ГДР как самостоятельного государства, причем объединение должно произойти отнюдь не на основе «социалистической» модели. Можно поразиться остроте формулировки, когда курс «на самостоятельное существование двух Германий» определяется как «курс на третью мировую войну» (!).

КАКИМ ПУТЕМ ПОЙДЕТ ГЕРМАНИЯ?

С другой стороны, сравнение проекта, составленного к встрече с немецкими «друзьями» в начале июня, с вариантом, который готовился к антибериевскому пленуму месяцем спустя (док. № 2), и с текстом, который зафиксирован в протоколе Июльского пленума (док. № 3), показывает, как эта позиция поменялась на диаметрально противоположную: сохранение ГДР любой ценой и принятие концепции «двух Германий». Как следует из документа № 2, Маленков, готовя свой обвинительный акт против Берии, в части, касающейся германских дел, взял лишь кое-какую «фактуру» из своего прежнего текста, но выбросил все радикальные идеи насчет объединения Германии, оставив лишь самые общие положения на этот счет. А в окончательный текст его речи на Июльском пленуме (см. док. № 3) даже и они не вошли: проблема германского единства ушла с политической повестки дня.

Среди причин первое место, очевидно, занимают взрывные события, начавшиеся в ГДР 17 июня 1953 года, в результате которых был скомпрометирован курс на сближение двух германских государств. Действительно, как можно было говорить о сближении (не говоря уже об объединении) с государством, которое открыто поддержало (если не прямо организовало и науськало) мятежников – тех, кто освобождал из тюрем нацистских и прочих преступников, поджигал общественные здания, выкрикивал антисоветские и даже антирусские лозунги?

Конечно, в ФРГ существовала оппозиция – не только в лице коммунистов, чье влияние было незначительно, но и социал-демократов, на которых, как это следует из заключительных слов документа № 1, советские лидеры возлагали определенные надежды. Дело, однако, в том, что в СДПГ не было единства: официальное руководство во главе с Олленхауэром выступало против ремилитаризации ФРГ, за компромисс с Востоком, но были там также силы и лица, связанные с западными спецслужбами и проводившие прямую агентурную деятельность на территории ГДР. Исследователи говорят, например, о подстрекательской деятельности накануне июньских событий 1953 года в ГДР так называемого «Восточного бюро» СДПГ. Оно впоследствии яро противилось «новой восточной политике» В.Брандта и было им в конце концов прикрыто. Но это уже 70-е годы. В 1953 году победили противники разрядки, курс на компромисс был скомпрометирован. Причем и на Западе, и на Востоке.

Если говорить о ситуации в советском руководстве, то арест Берии дал блестящую возможность свалить на него ответственность за прежний, сочтенный ошибочным курс на объединение Германии. В этих

условиях «поворота все вдруг» (используя морскую метафору), естественно, было предано коллективному забвению все, что отражало прежнюю, согласованную линию в германском вопросе, ту, которая отразилась в первичном маленковском документе. Она, эта линия, стала трактоваться как «бериевская» – и только. Этим можно объяснить и «чистку архивов» от документов, компрометировавших победителей во внутрипартийной борьбе, чистку, от которой, к счастью, уцелели упомянутые шесть страниц текста в фонде, никак не относящемся к германским делам.

Пересмотр советской позиции по германскому вопросу продолжался и в последующие годы. Это не был прямолинейный процесс. Еще в начале 1955 г. имелось в виду рассмотреть вопрос об объединении Германии путем всеобщих выборов при условии отказа Запада от включения ФРГ в НАТО. Даже после того, как два германских государства оказались в противостоящих военных блоках (в ответ на вхождение ФРГ в НАТО была создана Организация Варшавского договора с участием ГДР), в советском руководстве имелись различные мнения насчет того, какой линии держаться при обсуждении германского вопроса с западными державами. Министр иностранных дел Молотов занимал наиболее гибкую позицию. Он предлагал зарезервировать вопрос о членстве ГДР в ОВД. А в ходе Женевского совещания по вопросам европейской безопасности (27 октября – 16 ноября 1955 г.) пришел к выводу, что надо попробовать еще раз предложить западникам компромисс: выход обоих германских государств из блоков, вывод войск четырех держав с германской территории, общегерманские выборы. Конечно, он не мог выступить с такой инициативой без санкции центра. Чтобы получить такую санкцию, он отправился в Москву, в работе конференции был объявлен перерыв на время государственного праздника в СССР: отмечалась очередная годовщина Октябрьской революции. На самом деле советским руководителям было не до праздника; 6 и 7 ноября состоялись два заседания Президиума ЦК КПСС по обсуждению инициативы Молотова. Краткая запись дискуссии ныне опубликована, читатель может с ней ознакомиться. Здесь приведем лишь несколько отрывков из высказываний «первого лица» – Н.С.Хрущева (остальные участники в общем повторяли их – включая, кстати, и Маленкова):

«Некоторые деятели Запада усиленно пропагандируют и навязывают мысль о том, что успех совещания зависит от решения вопроса о воссоединении Германии (все зависит от одного вопроса).

КАКИМ ПУТЕМ ПОЙДЕТ ГЕРМАНИЯ?

Это неправильно. При всей важности вопроса о воссоединении Германии, которую СССР всегда признавал, нельзя принять такую концепцию...» (заседание 6 ноября).

«Вопрос о европейской безопасности – общий вопрос – он может быть решен и при двух Германиях.

Мы хотим сохранить созданный в ГДР строй – сказать об этом» (заседание 7 ноября)¹².

Молотов вновь «взял под козырек» и по возвращении в Женеву озвучил то, что отражало мнение «Инстанции». Западные министры обоснованно отметили ужесточение советской позиции.

За внешней озабоченностью западных дипломатов этим ужесточением советской позиции в германском вопросе скрывалось, разумеется, глубокое внутреннее удовлетворение. Еще бы, отныне они могли не опасаться, что немцы ради восстановления единства страны отвергнут членство в НАТО, ведь Советский Союз недвусмысленно встал на ту точку зрения, что сохранение ГДР и существующего в ней строя – это для него высший приоритет и абсолютный императив. Ситуация блокового противостояния в разделенной Германии Запад вполне устраивала. Интересное суждение высказал в свое время в связи с этим историк из ФРГ Й.Фошепот: «Советы, западные державы и Аденауэр – все были едины в том, что не следует делать ничего, что меняло бы существующее положение. Различие заключалось в том, что Советы это уже говорили вслух, а Аденауэр и западные державы именно ради сохранения статус-кво должны были публично подвергать его сомнению»¹³.

Из этого высказывания, между прочим, следует, что с точки зрения морали позиция советских лидеров была, пожалуй, предпочтительнее. Они, по крайней мере, были честны и откровенны в своей приверженности «статус-кво», а вот западные демократы попросту лгали, обманывали свой электорат заявлениями о приверженности идее единства Германии и возможности его восстановления политикой «с позиции силы» – в частности путем укрепления НАТО. Более того, у автора можно уловить и некий критический тон в отношении западной демократии как таковой: там политики для того, чтобы проводить реалистический курс (а Фошепот считает таковым признание того самого «статус-кво»), именно «должны» лгать, поддерживать и плодить иллюзии у своего

¹² Архивы Кремля. Президиум ЦК КПСС 1954–1964. Т.1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / Гл. ред. А.А.Фурсенко. М., 2003. С.59, 60.

¹³ Foschepoth J. Adenauers Moskaureise // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 1986. 3.Mai, S.33.

электората, дабы сохранить свое влияние на него. И верно: победа Аденауэра на выборах в 1953 и 1957 годов была обусловлена, среди прочих причин, именно такой изощренной демагогией.

Соотношение реализма и морали в политике, достоинства и слабости демократии – рассмотрение этих вопросов завело бы нас слишком далеко. Отметим лишь – в интересующем нас контексте, – что «восточная политика» Брандта – Шееля в какой-то мере позволила совместить признание реальностей с целью восстановления германского единства и, более того, создать предпосылки для его восстановления. Да, собственно, и сам Аденауэр своим визитом в Москву осенью 1955 г. сделал кое-что в этом направлении, правда, поспешив вскоре дать обратный ход.

Что касается советской стороны, то там тоже не обошлось без зигзагов и противоречий. В этом году исполняется 50 лет «берлинскому кризису», развязанному Хрущевым, кстати, при определенной оппозиции со стороны некоторых лиц в его окружении – в частности, Микояна и министра иностранных дел Громыко (хотя последний «брал под козырек» еще с большей готовностью, чем в свое время Молотов). Результат известен: в 1961 году появилась берлинская «стена», которая еще сильнее углубила раскол Германии. Хрущев был по-своему последователен: еще на июльском пленуме ЦК КПСС 1953 года он высказал мнение, что «буржуазная» Германия не может быть миролюбивой по определению. Связав все надежды с существованием и укреплением ГДР, советский лидер летом 1958 г. заявил Ульбрихту: «Пойми, Вальтер: при открытой границе мы не можем тягаться с капитализмом», – отсюда и идея «стены». Из дневниковых записей В.С.Семенова мы узнаем, что если бы не возражения со стороны помощника Лебедева и зятя Аджубея, то Хрущев готов был бы воспринять и нелепую идею о двух немецких нациях – «социалистической» и «капиталистической».

Как относились к германскому вопросу в СССР последующие советские руководители – не столь ясно, как это может показаться на основе всяких передовиц и прочих пропагандистских материалов. В закрытой межпартийной переписке между КПСС и СЕПГ, во всяком случае, выражалось скептическое отношение к тезису о наличии «двух немецких наций». В период переговоров о заключении советско-западногерманского договора (он был подписан в Москве 12 августа 1970 г.) советская сторона согласилась – не без колебаний – с идеей «Письма о германском единстве», которая была предложена переговорщиком от ФРГ Э.Баром и подтверждала намерение добиваться объединения Германии на базе «свободно-демократического порядка».

КАКИМ ПУТЕМ ПОЙДЕТ ГЕРМАНИЯ?

Именно эта модель объединения и была реализована в 1990 году. Для советской (и впоследствии российской) стороны это было по существу возвращение к позиции маленковской разработки 1953 года. В условиях того времени, когда еще не было блокового противостояния и ФРГ не входила в НАТО, реализация этой программы была бы связана, разумеется, с меньшими сложностями. Речь шла об одной из многих упущенных возможностей более раннего и более радикального преодоления холодной войны.

Документ 1.

(Во всех документах сохранены орфография и стилистика источника.)

Подготовительные материалы к выступлению Маленкова на встрече с делегацией СЕПГ 3 июня 1953 г.¹⁴

1. Не только Вы, наши немецкие друзья, но и наш ЦК, мы вместе отвечаем за проводимый в Германской Демократической Республике курс на ускоренное строительство социализма. Известно, что этот курс проводится Социалистической Единой Партией Германии с одобрения Политбюро ЦК ВКП (б).

2. Как Вы видите из розданного Вам документа¹⁵, мы предлагаем признать этот курс неправильным и считаем, что надо теперь же отказаться в нынешних условиях от курса на форсирование строительства социализма в ГДР.

¹⁶Почему мы пришли к такому выводу и считаем крайне важным и неотложным делом отказаться от ошибочного в настоящее время курса на форсированное строительство социализма в ГДР?¹⁶

¹⁷3. ¹⁸Прежде всего¹⁸, следует сказать, что вопрос о перспективах развития Германской Демократической Республики не может рассматриваться в изоляции от решения задачи объединения Восточной и Западной Германии в единое Германское Государство.

¹⁴ РГАСПИ. Ф.83. Оп.1. Д.3. Л.131, 132, 134, 135, 136, 141.

¹⁵ Имеется в виду текст распоряжения Совмина СССР от 2 июня 1953 г. «О мерах по оздоровлению политической обстановки в ГДР».

¹⁶⁻¹⁶ Вставка 1. Здесь и далее вставки в проект доклада Г.М.Маленкова на Июльском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС выделены курсивом.

¹⁷⁻¹⁷ Вставка 3.

¹⁸⁻¹⁸ В проекте доклада вычеркнуто и заменено на: «Далее».

Нужно ли подчеркивать, что важнейшей проблемой всей современной международной обстановки является проблема восстановления единства Германии, проблема преобразования Германии в миролюбивое демократическое государство.¹⁷ Кое-кто, по-видимому, склонен думать, что мы ставим вопрос о восстановлении единства Германии, преследуя лишь какие-то пропагандистские цели, что в действительности мы не стремимся покончить с расколом Германии, не заинтересованы в восстановлении единой Германии. Это глубокое заблуждение. С ним надо покончить, если мы хотим следовать четкой и ясной политической линии, а не заниматься игрой в недомолвки по одному из самых больших международных вопросов современности.¹⁸ Мы рассматриваем единство Германии и преобразование ее в демократическое миролюбивое государство как важнейшее условие, как одну из существенных гарантий обеспечения европейской и, значит, всемирной безопасности, гарантий укрепления мира.¹⁹

Глубоко ошибается тот, кто думает, что Германия длительное время может существовать в расчлененном состоянии, в виде двух самостоятельных государств.

Стоять на позиции существования расчлененной Германии – это значит держать курс на новую войну, и притом в недалеком будущем. Расчлененная Германия в центре Европы означает не что иное, как форсированную ремилитаризацию Западной Германии, открытую подготовку новой войны, подготовку, которая на известном этапе перерастет в прямое развязывание войны. Нет сомнения, что наличие расчлененной Германии наруку тем, кто вынашивает планы новой мировой войны.

Бороться за объединение Германии на определенных условиях превращения ее в миролюбивое демократическое государство – значит держать курс на предотвращение новой мировой войны. Нет сомнения, что успешно решить задачу объединения Восточной и Западной Германии в единое миролюбивое демократическое государство – значит сорвать планы подготовки новой мировой войны.

4. На какой же основе в нынешних международных условиях возможно объединение Германии?

По нашему мнению, только на той основе, что Германия будет буржуазно-демократической республикой.

При современных условиях национальное объединение Германии возможно не на основе превращения Германии в страну диктатуры про-

¹⁹⁻¹⁹ Продолжение вставки 3.

КАКИМ ПУТЕМ ПОЙДЕТ ГЕРМАНИЯ?

летариата, облакаемой в форму народной демократии, а только на основе преобразования Германии в миролюбивое буржуазно-демократическое государство. Именно такой подход к вопросу о перспективах Германии определил предложения Советского Союза насчет использования с известными поправками Веймарской конституции в качестве образца для конституции единой Германии. А что такое Веймарская конституция? Что такое Веймарская республика? Это, можно сказать, классический образец буржуазно-демократического государства, при создании которого правящие немецкие круги, включая сюда и социал-демократов, попытались несколько учесть уроки первой мировой войны.

А если это так, то надо признать, что курс на форсированное строительство социализма в ГДР в нынешних международных условиях препятствует объединению Германии, является курсом на закрепление расчленения Германии.

В экономическом отношении ГДР не может рассматриваться как некая замкнутая, изолированная от остальной Германии система. Никто не станет отрицать, что любые попытки порвать связи между населением ГДР и населением Западной Германии обречены на неуспех. В этой обстановке нельзя более или менее длительное время базировать экономику Германии на двух взаимно исключающих социально-экономических основах – в одной части Германии – социализм, а [в] другой, значительно большей части Германии – капитализм.

5. Могут сказать – выходит, что мы отступаем. На всех парах шли к социализму и вдруг отказаться от проводимого курса, свернуть с пути социализма.

На это можно дать следующий ответ.

²⁰ *Анализ внутреннего политического и экономического положения в ГДР, факты массового бегства населения Восточной Германии в Западную (около 500 тысяч уже убежало!) со всей очевидностью показывают, что мы действительно на всех парах идем, но только не к социализму, а к внутренней катастрофе.*²¹ *Мы обязаны*²² *трезво смотреть в глаза истине и признать, что без наличия советских войск существующий режим в ГДР непрочен.*

²⁰⁻²⁰ Вставка 2 в проект доклада.

²¹ Подчеркнутый фрагмент вычеркнут и заменен словами: «имеем на лицо (так в тексте. – А.Ф.) опасность внутренней катастрофы».

²² Далее добавлено: «были».

В нынешней международной обстановке опыт форсированного строительства социализма в одной части Германии, усиленно проводимая политика по ограничению и вытеснению частно-капиталистических элементов в городе и деревне, – привели к отрицательным результатам и политическое и экономическое положение в ГДР в настоящее время крайне не благополучно.²⁰

Мы должны признать, что опыт последних лет в ГДР вместо того, чтобы стимулировать за пределами Германии дальнейший рост симпатий и привязанностей широких слоев трудящихся к великому делу социализма, фактически играл отрицательную роль. Да это и понятно, ибо что могли почерпнуть из этого опыта, к примеру, трудящиеся Франции, Италии и других европейских стран? В то же время враги социализма получили возможность использования ошибок ГДР для усиления своих атак на социализм, идеологию марксизма-ленинизма и Советский Союз.

6. Следовательно надо выбирать –

либо курс на форсированное строительство социализма в ГДР, на самостоятельное существование двух Германий, и, значит, курс на третью мировую войну,

либо отказ от форсированного строительства социализма в ГДР, курс на объединение Германии в виде буржуазно-демократического государства на определенных условиях превращения ее в миролюбивую демократическую страну.

²³*7. Вот почему, по нашему мнению, самая неотложная задача состоит в том, чтобы наши немецкие друзья быстро и решительно осуществили те меры, которые мы рекомендуем для оздоровления политической и экономической обстановки в ГДР и для обеспечения в дальнейшем успешного решения задачи по объединению Германии и превращению ее в миролюбивое, демократическое государство. Мы считаем эти меры единственно правильными в настоящей международной обстановке.²³*

Любая ошибка в политике, если она вскрыта, должна исправляться быстро и смело. К сожалению, много времени уже упущено. Это обяза-

²³⁻²³ *Вставка 4 в проект доклада. С учетом карандашной правки этот абзац в проекте доклада Маленкова на Июльском пленуме выглядит следующим образом: «Мы считаем, что самая неотложная задача состоит в том, чтобы наши немецкие друзья быстро и решительно осуществили меры по оздоровлению политической и экономической обстановки в ГДР, события в ГДР подтвердили правильность этих мер. Мы даже запоздали с их осуществлением, чем враг, как вы знаете, воспользовался».*

КАКИМ ПУТЕМ ПОЙДЕТ ГЕРМАНИЯ?

вает нас с утроенной энергией взяться за исправление допущенных в ГДР ошибок. Германия только выиграет от такого подхода к делу.

8. Нельзя не выделить особо один, хотя и частный вопрос, но имеющий существенное значение. Это вопрос об отношении СЕПГ к социал-демократии. В Западной Германии социал-демократы могут на выборах нанести поражение Аденауэру и стать у власти. Нельзя исключать такой перспективы. Общеизвестно, что в вопросе о восстановлении единства Германии немецкая социал-демократия маневрирует и подчас осложняет положение Аденауэра. В этих условиях имеется необходимость в том, чтобы наши товарищи в Германии внесли существенные поправки в свою тактику в отношении к социал-демократам.

Документ 2.

Черновой вариант проекта вступительной речи Г.М.Маленкова на июльском (1953 года) Пленуме ЦК КПСС²⁴

...В правительстве обсуждался германский вопрос. Речь шла о серьезном неблагополучии в положении ГДР. Мы все пришли к заключению, что в результате неправильной политики в ГДР наделано много ошибок, среди немецкого населения имеет место огромное недовольство, что особенно ярко выразилось в том, что население из Восточной Германии стало бежать в Западную Германию. За последний период примерно в 2 года в Западную Германию убежало около 500 тысяч человек.²⁵ Мы признали, что в нынешних условиях надо быстро исправить дело и отказаться...²⁵

Мы объяснили нашим немецким друзьям, и они вполне согласились с этим, что нельзя²⁶ такими темпами, как делают это они...²⁶ в современных международных условиях проводить курс на форсированное строительство социализма.²⁷

Почему мы пришли к такому выводу и считаем крайне важным и неотложным делом отказаться от ошибочного в настоящее время курса на форсирование строительства социализма в ГДР?

Анализ внутреннего политического и экономического положения в ГДР, факты массового бегства населения Восточной Германии в Запад-

²⁴ РГАСПИ. Ф.83. Оп.1. Д.3. Л.130.

²⁵⁻²⁵ Незаконченная фраза зачеркнута.

²⁶⁻²⁶ Незаконченная фраза зачеркнута.

²⁷ Далее на полях отметка: «Вставки 1-4».

ную (около 500 тысяч уже убежало!) со всей очевидностью показывают, что мы имеем на лицо опасность внутренней катастрофы. Мы обязаны были трезво смотреть в глаза истине и признать, что без наличия советских войск существующий режим в ГДР непрочен.

В нынешней международной обстановке опыт форсированного строительства социализма в одной части Германии, усиленно проводимая политика по ограничению и вытеснению частно-капиталистических элементов в городе и деревне, – привели к отрицательным результатам и политическое и экономическое положение в ГДР в настоящее время крайне не благополучно.

Далее следует сказать, что вопрос о перспективах развития Германской Демократической Республики не может рассматриваться в изоляции от решения задачи объединения Восточной и Западной Германии в единое Германское Государство.

Нужно ли подчеркивать, что важнейшей проблемой всей современной международной обстановки является проблема восстановления единства Германии, проблема преобразования Германии в миролюбивое демократическое государство.

Мы рассматриваем единство Германии и преобразование ее в демократическое миролюбивое государство как важнейшее условие, как одну из существенных гарантий обеспечения европейской и, значит, всемирной безопасности, гарантий укрепления мира.

Мы считали, что самая неотложная задача состоит в том, чтобы наши немецкие друзья быстро и решительно осуществили меры по оздоровлению политической и экономической обстановки в ГДР. События в ГДР показали правильность этих мер. Мы даже запоздали с их осуществлением, чем враг, как вы знаете, воспользовался.

Следовательно, мы считали и считаем вместе с немецкими друзьями, что надо поправить курс на форсированное строительство социализма. ²⁸Берия же предлагал...²⁸ Надо сказать, что Берия при обсуждении германского вопроса предлагал не поправить курс на форсированное строительство социализма, а отказаться от всякого курса на социализм в ГДР. В свете всего того, что узнали теперь о Берия, мы должны поновому оценить эту его точку зрения. Ясно, что этот факт характеризует его как буржуазного перерожденца.

²⁸⁻²⁸ Незаконченная фраза зачеркнута.

Документ 3.

**Отрывок из доклада Г.М.Маленкова на 1-м заседании
Июльского пленума ЦК КПСС 2 июля 1953 г.²⁹**

...В правительстве обсуждался германский вопрос. Речь шла о серьезном неблагополучии в положении ГДР. Мы все пришли к заключению, что в результате неправильной политики в ГДР наделали много ошибок, среди немецкого населения имеет место огромное недовольство, что особенно ярко выразилось в том, что население из Восточной Германии стало бежать в Западную Германию. За последний период, примерно за два года, в Западную Германию убежали около 500 тысяч человек.

Мы объяснили нашим немецким друзьям, и они вполне согласились с этим, что нельзя в современных международных условиях проводить курс на форсированное строительство социализма в ГДР.

Почему мы пришли к такому выводу и считаем, что не следует проводить курс на форсированное строительство социализма в ГДР?

Анализ внутреннего политического и экономического положения в ГДР, факты массового бегства населения Восточной Германии в Западную (около 500 тысяч уже убежали) со всей очевидностью показывают, что мы имеем налицо опасность внутренней катастрофы. Мы обязаны были трезво смотреть в глаза истине и признать, что без наличия советских войск существующий режим в ГДР непрочен. Политическое и экономическое положение в ГДР в настоящее время крайне неблагополучно.

Мы считали, что самая неотложная задача состоит в том, чтобы наши немецкие друзья быстро и решительно осуществили меры по оздоровлению политической и экономической обстановки в ГДР. События в ГДР показали правильность этих мер. Мы даже запоздали с их осуществлением, чем враг, как вы знаете, и воспользовался.

Следовательно, мы считали и считаем вместе с немецкими друзьями, что надо поправить курс на форсированное строительство социализма.

Надо сказать, что Берия при обсуждении этого вопроса предлагал не поправить курс на форсированное строительство социализма, а отказаться от всякого курса на социализм в ГДР и держать курс на буржуазную Германию. В свете того, что узнали теперь о Берии, мы должны поновому оценить эту его точку зрения. Ясно, что этот факт характеризует его как буржуазного перерожденца.

²⁹ Лаврентий Берия... С.223.

1. Не только Вы, наши немецкие друзья, но и наш ЦК, мы вместе отвечаем за проводимый в Германской Демократической Республике курс на ускоренное строительство социализма. Известно, что этот курс проводится Социалистической Единой Партией Германии с одобрения Политбюро ЦК ВКП(б).

2. Как Вы видите из розданного Вам документа, мы предлагаем признать этот курс неправильным и считаем, что надо теперь же отказаться в нынешних условиях от курса на форсирование строительства социализма в ГДР.

Почему мы пришли к такому выводу и считаем крайне важным и неотложным делом отказаться от ошибочного в настоящее время курса на форсированное строительство социализма в ГДР?

Прежде всего следует сказать, что вопрос о перспективах развития Германской Демократической Республики не может рассматриваться в изоляции от решения задачи объединения Восточной и Западной Германии в единое Германское Государство.

Нужно ли подчеркивать, что важнейшей проблемой всей современной международной обстановки является проблема восстановления единства Германии, проблема преобразования Германии в миролюбивое демократическое государство. Кое-кто, повидимому, склонен думать, что мы ставим вопрос о восстановлении единства Германии, преследуя лишь какие-то пропагандистские цели, что в действительности мы не стремимся покончить с расколом Германии, не заинтересованы в восстановлении единой Германии.

Наука является коллективным творчеством и не может быть ничем иным; она как монументальное сооружение, строить которое нужно века, и где каждый должен принести камень, а этот камень часто стоит ему всей жизни.

Анри Пуанкаре

**Жить – это не значит дышать,
это значит действовать.
Не тот человек
больше всего жил,
который может насчитать
больше лет, а тот,
кто больше всего чувствовал
жизнь.**

Жан-Жак Руссо

Владимир Дегоев

**УЧЕНЫЙ И БУНТАРЬ
ИЗ БЕРКЛИ**

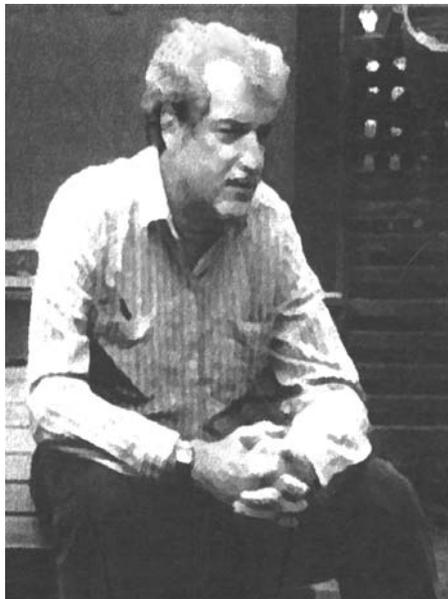
**К ВЫХОДУ В СВЕТ
РУССКОГО ИЗДАНИЯ ТРУДОВ
ПРОФЕССОРА РЕДЖИ ЗЕЛНИКА¹**

This article is written in memory of Reginald Zelnik (1936-2004), former professor of history at the University of California (Berkeley). Distinguished specialist in Russian studies, he was highly respected by his colleagues and friends both in the USSR and post-Soviet Russia for his innovative approach to the many aspects of the Russian labor movement. Having still retained their pioneering spirit Zelnik's works keep inspiring scholars in their attempts to penetrate into the depth of the most controversial problems of Russian social developments after 1861.

¹ Зелник Р. *Личность, протест, история. Сборник статей / Отв. ред. Е.Евтухова (США), Н.Н.Смирнов (Россия). СПб.: «Нестор-История», 2007. – 404 с., илл. – Ссылки в тексте даются на это издание.*

Низкий поклон тем, кто подготовил и издал эту книгу с такой любовью и вкусом. Не только потому, что сделано это в память об американском историке, который, безусловно, достоин более широкой известности в России. Но и потому, что Реджи Зелник был совершенно необыкновенной натурой, впечатлявшей сразу, неотразимо и незабываемо, безотносительно к своему профессиональному мастерству. В этом, не колеблясь, сходятся все, кто знал Реджи.

Широчайшая образованность, интеллектуальная пылкость и критический склад мышления ученого обусловили его научно-профессиональный стиль. В любой своей работе Р.Зелник – при всем его очевидном уважении и конструктивном отношении к советской историографии, а также при всей необходимости (не будем лукавить) оставаться в рамках западных дискурсов – всегда отвоевывает пространство для собственного взгляда на вещи.

Ревизионизмом, как постоянным отправным посылом, ученый не увлекался, но и на веру ничего не принимал, даже мнения безупречных авторитетов. В заочных и очных дискуссиях с оппонентами Р.Зелник всегда был деликатен, корректен и ненавязчив. Он не скрывал ни своих сомнений, ни своей готовности защищать то, в чем был уверен.

В творчестве Р.Зелника панорамное видение социально-политических процессов в пореформенной России сочетается с виртуозным умением проникнуть в тончайшую материю микроистории, в том числе

с помощью такого, ныне уже хорошо известного в России методологического инструмента, как *case-study*².

Элементы такого подхода хорошо заметны в одной из первых (1965) работ Р.Зелника – о воскресных школах в начальный период их существования в России (1859–1862). Из этого частного и с виду неприметного сюжета ученый извлекает конкретный материал, «приближающий нас к объяснению того, почему русское общество не смогло реализовать реформистский импульс, вызванный к жизни крымским поражением» (С.28). Скрупулезно анализируя факты, ученый отвергает расхожий миф о масштабной революционной пропаганде, якобы поставившей воскресные школы себе на службу и спровоцировавшей их временное упразднение в 1862 году.

На самом деле, как показал историк, провал опыта внедрения этого гражданского института в русскую жизнь объяснялся отнюдь не восприимчивостью рабочих, в основном и посещавших эти школы, к революционным идеям, а другими причинами, которые в обобщенном виде формулируются Р.Зелником как неготовность учащихся-рабочих «играть самостоятельную и активную роль в одном из первых русских негосударственных общественных начинаний» (С.49).

Это означало, что в сознании рабочего класса был свой порядок ценностей, среди которых, вопреки утверждению советских историков, революции принадлежало далеко не первое место. По словам К.Д.Ушинского, приводимым Р.Зелником, учеба казалась рабочим «не только делом полезным, серьезным, но каким-то святым, каким-то религиозным делом»; они ходили в школу, «как будто в церковь» (С.49). При таком патриархальном пиетете неудивительно, что попытки революционной агитации на уроках воспринимались рабочими как вредное искажение «святого дела». Отсюда многочисленные случаи доносов на учителей, крамольными внушениями отвлекавших учеников от учебы. В изобличении на полицейских допросах такого рода деятельности рабочие не видели ничего безнравственного и предосудительного. Они не откликались на то, что было для них непонятным и подозрительным.

² Строго говоря, советские историки давно пользовались данной методой, хотя и не называя ее именно таким термином. Правда, возможности внедрения результатов (тем более неожиданных) исследований в научную практику были ограничены канонами марксистско-ленинской методологии и партийно-классовыми принципами.

А вот на что они действительно не могли не отвлекаться от воскресных школ, будучи вчерашними крестьянами, так это сезонные работы в деревне. Летом и осенью школьные классы не досчитывались очень многих учеников.

Все это, по мнению Р.Зелника, привело, с одной стороны, к естественному угасанию этого начинания, с другой, – к искусственному возбуждению общественного недоверия к нему. Даже защитники идеи «воскресного образования» (не говоря уже о последовательных противниках) стали относиться к нему с все большей опаской. Они, в конце концов, поверили в миф о том, что воскресные школы являются рассадниками революционной смуты, и не стали сопротивляться решению об их закрытии.

В большей или меньшей степени метод *case-study* применяется и в других статьях рецензируемого сборника. В частности, стачечный эпизод на Александровском машиностроительном заводе в Петербурге (1860), изученный Р.Зелником, можно сказать, под микроскопом, позволил прийти к любопытному выводу. Всем своим образом действий правящие круги России, включавшие, кстати, многих людей, «приветствовавших рост социальной активности низших слоев населения», показывали рабочим, что их организованные акции протеста приносят результат, оставаясь при этом незаконными (С.66).

Этот странный сигнал сверху означал: вы можете выступать в защиту своих справедливых требований с вполне обоснованной надеждой на их конечное удовлетворение, однако будьте готовы нести за это положенное по закону наказание. Ожидать от рабочих лояльности к властям, посылающим такой сигнал, не приходилось.

Исходя из этого Р.Зелник выдвигает гипотезу: легализация мирных форм рабочего протеста могла бы изменить историю трудовых отношений в России. Не осмелившись на такой шаг, правительство способствовало лишь отчуждению и радикализации того социального класса, с которым нужно было бы не ссориться, а партнерствовать.

На примерах, взятых из первой половины 70-х годов XIX века, Р.Зелник демонстрирует непростые взаимоотношения между студентами-народниками и заводскими рабочими Петербурга. Корпоративное самосознание последних, как полагает автор, было уже достаточно сформированным для того, чтобы не попасть под диктат народнической идеологии. Это самосознание получило мощный импульс для дальнейшего развития не столько в результате общения между рабочими и на-

родниками, сколько в результате разрыва между ними, который, судя по всему, представлялся Р.Зелнику неизбежным.

В других статьях сборника ученый продолжает тему социального самоопределения и самоотождествления российского пролетариата, приходя к важному заключению о нелинейном и не строго поступательном характере этого процесса. Суть и ритм его большевики, как считал Р.Зелник, уловили лучше, чем меньшевики и, тем более, официальные власти.

А вот что оказалось почти в равной мере сложным для всех политических лидеров России, так это осознание того факта, что общедемократическая борьба рабочих против самодержавного строя и социалистическая борьба против строя капиталистического не конкурировали между собой, не сменяли и даже не взаимодополняли друг друга, а воплощали «нерасторжимое единство, не нашедшее себе места ни в политических, ни в историографических схемах» (С.106).

Рецензируемый сборник наглядно показывает профессионально-интеллектуальную эволюцию самого автора. При всем значении ранних исследовательских опытов Р.Зелника в них все же чувствуется осторожность, сдержанность, стремление найти и прощупать те сюжеты, где позже можно будет заявить о себе во весь голос, предъявив все свои козыри.

Начиная приблизительно с рубежа 70–80-х годов прошлого века в творчестве Р.Зелника появляется явное тяготение к сложному междисциплинарному и сравнительно-историческому анализу³. Очерк «Пассивность и протест в Германии и России» (С.107–144) – тому подтверждение. Здесь уже другой уровень осмысления краеугольных проблем развития общества. Один из главных вопросов, который ставит Р.Зелник, заслуживает, как мне кажется, пристального внимания применительно не только к российской истории, но и к современности: «Готовы ли рабочие перевести свой классовый опыт на новый язык более общих требований к обществу или их классовое сознание заморожено на стадии *негативной интеграции* в социум?» (С.144).

И все же Р.Зелник – прежде всего мастер «сюжетной истории» или истории ситуаций, во многом непохожих друг на друга, из которых он тем не менее удачно строит фундамент для интересных, стимулирую-

³ Люди, знавшие Реджи Зелника лично, согласятся, что широта его гуманитарного образования могла вызывать лишь восхищение.

щих мысль обобщений. Так, выясняя в одной из своих статей степень и характер самосознания петербургских рабочих в 1870-е годы, Р.Зелник обращается к конкретным фактам, эпизодам и ситуациям. Но он их не препарировывает в качестве безжизненных иллюстраций, а исследует – глубоко, тонко, изящно.

И приходит к заключению, что при несомненной тяге к светскому знанию (обусловленной отчасти профессиональной необходимостью, отчасти духовной потребностью) рабочие были верующими людьми. Хотя и самодержавная власть, и ее разношерстные оппоненты пытались использовать это обстоятельство в политических целях, мало что получалось. Через несколько десятков лет получилось – у Георгия Гапона, успех которого «застал русское общество врасплох» (С.176). Гапон, по сути рассуждений ученого, не просто почувствовал, что «вера и революция могли смешиваться самым неожиданным образом», но впервые столь решительно применил эту горючую смесь на практике, заставив ее взорваться на петербургских улицах 9 января 1905 года⁴.

В полной мере метод и стиль Р.Зелника раскрылись в серии его блестящих биографических эскизов о видных деятелях русского рабочего движения (среди них – Семен Канатчиков, Матвей Фишер, Василий Герасимов, Петр Моисеенко, Петр Алексеев, Степан Халтурин и др.). Проникая в сложнейшую ткань микроистории личности, ученый показывает нам не «героических пролетариев-суперменов», увековеченных в «гранитных глыбах гигантских монументов», а «живых людей, уязвимых и страдающих, но одновременно мужественных и стойких» (С.235).

Безусловно новаторской для своего времени (1970-е – начало 1990-х годов) являлась идея Р.Зелника о том, что процесс формирования пролетарского сознания обуславливался отнюдь не только классовым и революционным опытом, но и «опытом малых групп», к которым принадлежал индивид – семья, соседи, приятели, однокашники и т.д. (С.255). Именно оттуда черпались первичные нравственные ориентиры, представления о правильном и неправильном, справедливом и несправедливом. Они продолжали служить духовными и эмоциональными точками

⁴ Тут стоит заметить, что большевики, будучи воинствующими атеистами, вольно или невольно эксплуатировали религиозное сознание рабочих. Великие революционные цели зачастую излагались в стилистике Священного Писания и проповедовались с профетическим пафосом. В принципе, считая природу веры единой, большевики стремились помянуть не ее внутренний дух, а ее внешний объект.

опоры на протяжении всей жизни человека вне или в малой зависимости от его классовой принадлежности.

Статья Р.Зелника «Законность и беспорядок: взгляд из Эстляндии и Санкт-Петербурга» (С.292–349) относится к числу, если так можно выразиться, программных работ историка. По своему сюжету и технологии его изучения это классический пример *case-study*, по глубине выводов это произведение фундаментального уровня.

Сосредоточившись на одном эпизоде – Кренгольмской стачке 1872 года, – Р.Зелник фактически пересматривает устоявшиеся и во многом упрощенные взгляды на характер взаимодействия «силовых полей» внутри российского социального треугольника: «рабочие – работодатели – государство».

Оставаясь в строгих рамках анализа упрямых фактов, историк убедительно демонстрирует, что, по крайней мере, применительно к конкретной ситуации на Кренгольмской ткацкой фабрике (между прочим, самой большой в Европе, если не в мире) версия о «классовом союзе» буржуазии и царизма против пролетариев не работает.

Как оказалось в действительности, массовое выступление рабочих, вызванное одним конфликтом – с хозяевами фабрики, – породило, вопреки классовой логике, другой, не менее острый – между предпринимателями и государством, вставшим, в конечном счете, на сторону трудящихся. Последние сохраняли полное доверие к официальной власти в лице Эстляндского губернатора М.В.Шаховского, представителя старинного аристократического рода, проявлявшего «истовое сочувствие к рабочим» (С.321).

Наблюдения Р.Зелника неожиданны и поразительны, но оспаривать их трудно. Именно имперское, самодержавное государство поддержало справедливые требования стачечников, использовав для их защиты закон (при всем его «драконовском» характере и несовершенстве⁵). В то время как кренгольмские капиталисты являли собой средоточие произвола, беззакония, жестокости и авторитаризма. Основным «законом» для них была сверхприбыль.

Можно ли кренгольмский «казус» использовать для построения больших, «всероссийских» обобщений? Этот вопрос открыт для дискуссии. Гораздо более очевидным мне кажется тот факт, что Р.Зелнику

⁵ По этому поводу Р.Зелник пишет: «Даже под самыми драконовскими законами жить, вероятно, все же легче, чем вовсе без законов» (С.294).

удалось сформулировать гипотезу, захватывающую воображение, несмотря на уже утраченные шансы проверить ее. А именно: «кренгольмские события могут свидетельствовать в малом масштабе о недоостребованной и недоиспользованной способности русского самодержавного государства к постепенному перерождению – к тому, чтобы начать... закладывать основания настоящей правовой культуры» (С.349).

Почти во всех текстах, вышедших из-под пера Р.Зелника, в той или иной мере проявляется одна его не вполне «научная» слабость, которую сам ученый, прямо не признаваясь в ней, назвал «этическим идеализмом». Его симпатии всецело на стороне отдельно взятого, маленького человека, личности, протестующей или бунтующей против угнетения и унижения. Отрекаясь от принципа «без гнева и пристрастия», историк всегда готов сочувствовать «неудержимому порыву к действию, вопреки вероятному поражению, стремлению бороться ради самой борьбы, моральному императиву, одерживающему верх над постыдной пассивностью» (С.371).

Но это уже скорее часть личной биографии Р.Зелника, неотъемлемой от истории Калифорнийского университета.

Последний раздел сборника содержит два великолепных очерка о бурных событиях в Беркли в 60-е годы XX века. Р.Зелник – тогда еще совсем молодой преподаватель – принимал в них самое деятельное участие, олицетворяя бунтарское единение учителей и учащихся против любых проявлений несправедливости и насилия.

Мятежный дух юности не остыл и в маститом профессоре Реджинальде Зелнике, просыпаясь моментально, когда кому-то нужны были защита, помощь, сострадание. Он при всей своей занятости, не раздумывая, бросался решать чужие проблемы – без всякого пафоса и ожидания благодарности. Просто по велению какого-то внутреннего нравственного инстинкта.

Р.Зелник вынашивал большие проекты в области как микро-, так и макроистории, уже приступив к их реализации. Не приходится сомневаться, что его ненаписанные книги доставили бы нам такое же интеллектуальное удовольствие, как и все то, что сделано им до этого.

Теперь же остается сожалеть и скорбеть. Жестокая нелепость оборвала жизнь ученого, оборвала полет творческой мысли, которая соединяла, по тонкому замечанию Лоры Энгелстайн, «строгость разума и великодушие сердца» (С.26).

* * *

До сих пор не могу привыкнуть, что его уже нет. Да и не хочу. Так легче.

Перебираю фотографии. В памяти всплывает целая вереница событий, эпизодов, сценок.

Прекрасно помню первое знакомство с Реджи. Увидев его, я почему-то сразу подумал, что мы станем друзьями.

Помню букет роз в его руках, когда он встречал мою семью в сан-францисском аэропорту. Тогда же, как и положено настоящему профессору, он потерял свою машину на привокзальной стоянке. Точнее, прошел мимо нее, не узнав. Наш сын, спросив у «дяди Реджи» о марке, нашел ее моментально.

Помню появление Реджи на пороге нашего арендованного дома в Беркли с охапкой подарков для моих тогда еще маленьких детей, а у ворот его «Хонду», из багажника и салона которой он извлек кучу детских спортивных снарядов и тюки со спальными принадлежностями.

Помню, как «дядя Реджи» самозабвенно дурачился с моим сыном, играя с ним в Бэтмана.

Помню долгие, хлебосольные, русские застолья в его доме, где так любил привечать гостей не только хозяин, но и его жена Элейн – душевная, очаровательная, с неповторимым грудным голосом. На одной из таких вечеринок произошел обмен музыкальными любезностями: мой сын Андрушка (так его называл Реджи) с мамой в четыре руки исполнили на пианино что-то из американской джазовой классики, а Реджи в ответ сыграл на пыльной мандолине «Светит месяц» и «Вдоль по Питерской».

Помню, как на вопрос: «Что будешь пить?» – Реджи ответил: «То, что должен пить специалист по русской истории, – водку».

Помню, каким счастьем и гордостью светился Реджи, когда у него родился внук – Джексон I, как его в шутку величал дедушка. Через некоторое время мы получили от Зелников фотографию младенца, одетого в забавный костюмчик, подаренный нами в соответствии с традицией *baby shower*. Реджи и в мелочах был очень тонким человеком.

Помню еще один из бесчисленных примеров его уникальной деликатности. Как-то в доме у Зелников наш 8-летний Андрушка, видимо, разомлевший и осмелевший в радушной атмосфере, решил вмешаться в оживленный разговор между взрослыми. И брякнул что-то совсем не в тему. Все замолкли, не зная, как реагировать. Мы, родители, сконфузи-

лись. Тут Реджи резко разворачивается к Андрушке и с азартом, размахивая руками, начинает обсуждать с ним только что услышанное, тем самым приглашая и остальных к беседе с ребенком.

Помню, что на «партиях» у Зелников часто бывало много детворы. До чего трогательно было смотреть на высокого Реджи, когда он элегантно и услужливо, совсем как официант, склонялся с полным подносом над малышкой, угощая ее яствами.

Помню интеллектуальный клуб его друга Франца Шорманна, собиравшийся в китайском ресторане, где Реджи блистал своими импровизациями в ходе обсуждения самых неожиданных проблем.

Много чего помню. И не забуду никогда...

* * *

В.О.Ключевский считал, что в жизни ученого главные биографические факты – это его труды, главные события – его мысли.

Своими трудами и мыслями Реджи Зелник безусловно обеспечил себе видное место в историографии социальной истории России XIX – начала XX веков.

Но есть и другая память о человеке, другое мерило смысла его жизни. Оно, быть может, в том, чтобы, уходя в мир иной, оставить на земле тех, кому тебя будет не хватать.

Реджи прожил так, что его не хватает многим, очень многим, в том числе незнакомым между собой людям, за тысячи миль от Беркли, где он творил, любил, бунтовал. И щедро делился теплом своей нежной души.

Наши авторы

Мальков Виктор Леонидович

доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
руководитель научного Центра историко-теоретических
исследований Института всеобщей истории РАН

Фридман Леонид Абрамович

доктор экономических наук, профессор,
руководитель Лаборатории по комплексному изучению
Центральной Азии и Кавказа
Института стран Азии и Африки при МГУ

Шмитт Жан-Клод

историк-медиевист, профессор Высшей школы социальных
исследований (EHESS) в Париже

Шевякина Нина Николаевна

учитель-словесник

Филитов Алексей Митрофанович

доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Института всеобщей истории
РАН

Дегоев Владимир Владимирович

доктор исторических наук,
профессор кафедры международных отношений и внешней
политики России МГИМО (Университет) МИД РФ

Our authors

Mal'kov Victor Leonidovich

D. Sci., historian, Professor, Merited Science Worker of Russia,
Head of Scientific Centre of Theoretical Research
of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences

Fridman Leonid Abramovich

D.Sci. in economics, Professor,
the Chief of the Laboratory for Interdisciplinary Studies
of Central Asia and Caucasus, the Institute of Asian and African
Countries at Moscow State University

Schmitt Jean-Claude

the historian-medievalist,
Professor of Higher School of Social Researches, Paris

Shevyakina Nina Nikolaevna

language and literature teacher

Filitov Aleksey Mitrophanovich

D.Sci., historian, the Chief researcher
of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences

Degoev Vladimir Vladimirovich

D. Sci., historian,
Professor of Moscow State Institute of International Relations
(University)

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ

в Москве

«Фаланстер», М.Гнездииковский пер., д.12/27, стр.3;
магазины издательства «РОССПЭН»:
Нахимовский пр-т, д.51/21; ул. Дм. Ульянова, д.19;
магазин ОГИ, Потаповский пер., д.8/12;
киоск МГИМО, просп. Вернадского, д.76;
киоск РУДН, ул. Миклухо-Маклая, д.6;
киоски «Аргумент» в I и II гуманитарных корпусах МГУ,
Воробьевы горы;
киоск в РГБ, ул. Воздвиженка, д.3/5, 3-ый читательский
подъезд;
книжная ярмарка в «Олимпийском», стенд 109

в Санкт-Петербурге

магазин «Книжный окоп»,
Тучков пер., 11/5

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

Подписные индексы:

39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»

82118 – по каталогу Агентства «Роспечать»

Альтернативная подписка:

ООО «ИнтерПочта-2003»

тел. (495)788-00-60, факс (495)225-67-64

ООО Агентство «Артос-Гал» т/ф (495)795-23-00

ООО «Союзпресс» тел. (495)675-09-40

В редакции подписка и продажа льготные.

Тел. (495)691-74-79 E-mail: bushueva@ecc.ru

123001, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

**Для иностранных читателей подписка проводится
через агентство «МК-Периодика»:**

тел. (495) 672-70-12 e-mail: export@periodicals.ru

**Открыта подписка на электронную версию журнала,
начиная с 1 номера 2008 года. Подписка оформляется
через Научную электронную библиотеку: www.elibrary.ru**

2.2008 march-april

S o c i a l , P o l i t i c a l a n d

Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

Medvedev and Development _____ **4**

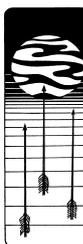
Geopolitics and International Policy Issues

Victor Mal'kov

The Evolution of Empire Mentality
and Nuclear Strategy of the USA _____ **42**

Leonid Fridman

Central Asia and Caucasus
in the Global Economic Space _____ **74**

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

J.-C. Schmitt

Faith in Middle Ages _____ **106**

Pages of History

Nina Shevyakina

Blockade. Reminiscences _____ **126**

Topical Archive

Aleksey Filitov

Which Way Germany?
Soviet Plans to Resolve
the German Question in 1953 _ **158**

Readers Letters

Vladimir Degoev

Redzhy Zelnik – Scholar
and Rebel from Berkeley _____ **178**